

хизисъ, Священная Исторія, Всеобщая и Шведская Исторія, Физическая и Политическая Географія, Планиметрия, Ариѳметика, Алгебра, Нѣмецкій языкъ и чистописание.

Учебный годъ продолжается $8\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ (*).

Устройство Флотскихъ Школъ въ прочихъ городахъ подобно устройству Стокгольмскихъ.

Въ Стокгольмѣ и Карлскронѣ заведены такъ-называемыя Канонерскія и Унтеръ-Офицерскія морскія Школы; въ нихъ преподаются: Законъ Божій, Ариѳметика, 1-я Алгебраическая степень, Логариѳмы и проч., Географія и Всеобщая Исторія, Шведская Исторія, Планиметрия, Стереометрія, Тригонометрія, Механика, Фортификація, Навигація, Артиллерія, оснастка кораблей, Флотскій Регламентъ и Тактика береговаго флота.

Въ Стокгольмской Канонерской Школѣ въ низшемъ классѣ число воспитанниковъ, среднимъ числомъ, простирается ежегодно до 56 человѣкъ, въ высшемъ — до 35. Въ приготовительномъ Унтеръ-Офицерскомъ до 30, въ собственно Унтеръ-Офицерскомъ не болѣе 10 человѣкъ;

(*) Въ Морскихъ Школахъ, которыя заведены также во многихъ приморскихъ городахъ Обществомъ Моряковъ (Sjömanns Sällskap) для купеческаго флота, преподаются: Законъ Божій, Чистописание, Шведская Грамматика, Географія, Шведская Исторія, Ариѳметика, Геометрія, Астрономія приспособительно къ Мореплаванію, Нѣмецкій и Англійскій языки. — Въ Стокгольмской Школѣ Мореплаванія, основанной въ 1834 г., было воспитанниковъ: съ 1834 по 1835 — 11, 1835—1836 — 17, 1836 — 1837 — 25, 1837 — 1838 — 19, 1838 — 1839 — 20, 1839—1840 г. Школа была закрыта; съ 1840 по 1841 — 24, 1841 — 1842 — 31. Изъ числа 30 человѣкъ воспитанниковъ въ 1842 году было: 1 женатый и отецъ семейства, 3 Дворянина, 8 изъ гражданскихъ Чиновниковъ, 3 изъ гражданъ, 3 изъ крестьянъ, 13 изъ рабочаго класса — большая часть отъ 13 до 17-лѣтняго возраста. 22 человѣка пользовались обученіемъ безденежно.

возрастъ воспитанниковъ отъ 17 до 25 лѣтъ; на уроки посвящается 5 и 6 часовъ въ сутки. Курсъ начинается съ 1 Октября и продолжается до 1 Апрѣля. Въ лѣтнее время воспитанники практикуются на морѣ.

Для Офицерскаго экзамена по флотско-строительной части требуется, кромѣ свѣдѣній, нужныхъ для Флотскаго Офицера: Высшая Алгебра и Геометрія, Коническія Сѣченія, Дифференціальныя и Интегральныя Исчисленія, Механика, Гидромеханика, Физика, и какъ теоретическія, такъ и практическія свѣдѣнія въ построеніи кораблей. Для приобрѣтенія практическихъ свѣдѣній требуется нѣсколько времени службы въ чинѣ Унтеръ-Офицера при Адмиралтействѣ.

VI. Гимнастическія заведенія.

Гимнастическій Центральный Институтъ въ Стокгольмѣ.

Открытъ Профессоромъ Линкомъ въ 1813 году, съ цѣлію образовать хорошихъ Учителей Гимнастики для полковъ и учебныхъ заведеній. Въ послѣдствіи при немъ открыто особенное Отдѣленіе для Медицинской Гимнастики. Первоначально Институтъ получалъ отъ Правительства на содержаніе 800 рикст. бк. Когда число посѣщающихъ заведеніе значительно умножилось, Правительство положило на его содержаніе сумму ежегодно въ 2,880 рикст. бк., такъ что теперь Начальникъ Института получаетъ жалованья въ годъ 1,000 рикст. бк., Главный Учитель 500, и трое другихъ, каждый по 300 р. б. На прочіе расходы остается 480 р. б.

Курсъ Гимнастическій раздѣляется на Теоретическій и Практический.

По Теоретической части преподаются: начала Гимнастики, Анатомія, Физиологія, Начертательная Линейная

Гимнастика, Начертательная Аппарельная Гимнастика, Правила Фехтованія, Начертательная Лечебная Гимнастика.

По части Практической: Аппарельная Линейная и Лечебная Гимнастика, фехтованіе, вольтижировка и плаваніе.

Съ 1813 по 1840 годъ изъ Института вышло 104 Учителя въ полки и другія заведенія. При всякомъ полку теперь находится особенное гимнастическое заведеніе и свой Учитель. Образцовый полкъ, собирающійся ежегодно въ Дротнинггольмѣ, занимается всегда въ лѣтніе мѣсяцы Гимнастикою въ семъ Институтѣ. Съ 1813 до 1840 года Институтъ посѣщало 10,137 человекъ. Въ 1841 году число занимавшихся въ Институтѣ простиралось до 622 человекъ; изъ нихъ 410 занимались Линейною и Аппарельною Гимнастикою, 163 Медициною Гимнастикою и 49 Фехтованіемъ. Въ 1-е полугодіе 1842 года было занимавшихся 500 человекъ. Больные платятъ обыкновенно 12 рикст. бк., здоровые взрослые 5 рикст. бк. въ мѣсяцъ. Для занятій посвящается 14 часовъ въ недѣлю. Дѣти ниже 15 лѣтъ платятъ $2\frac{1}{2}$ рикст. бк. въ мѣсяцъ, занимаясь 4 часа въ недѣлю. За воспитанниковъ учебныхъ заведеній, если бы число ихъ простиралось и до 200 человекъ, платится 50 рикст. бк. въ кварталъ (3 мѣсяца), посвящая для нихъ на Гимнастику также 4 часа въ недѣлю.

Теоретическая часть преподается безденежно. Практическій курсъ продолжается отъ 6 до 8 мѣсяцевъ. На полный курсъ требуется времени отъ полутора до 2-хъ лѣтъ.

Подобныя заведенія, кромѣ Ортопедическаго Института въ Стокгольмѣ, подъ вѣдѣніемъ Проф. Окермана, находятся въ Эребро, Карлскронѣ, Готенбургѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

VII. Воспитанники — Землемѣры.

Для образованія Землемѣровъ нѣтъ особенныхъ учебныхъ заведеній въ Швеціи. Намѣревающийся поступить воспитанникомъ въ Землемѣрческій Штатъ, въ слѣдствіе Королевскаго постановленія 4 Мая 1827 года, долженъ выдержать прежде который-нибудь изъ канцелярскихъ экзаменовъ при Университетѣ, или представить Главному Директору Землемѣрческой Конторы изъ Гимназій, или Военнаго Училища, свидѣтельство въ достаточномъ знаніи Шведской Словесности, Всеобщей и Шведской Исторіи, Географіи и Чистой Математики (6 книгъ Евклида). Если послѣ сего кто-нибудь изъ Землемѣровъ обязывается доставить воспитаннику необходимыя практическія свѣдѣнія по Землемѣрной части, то Главный Директоръ Землемѣрческой Конторы принимаетъ его въ число Землемѣрческихъ учениковъ.

Практическій курсъ обыкновенно продолжается 2 года; но если воспитанникъ подъ надзоромъ своего Наставника окажетъ особенные успѣхи, то можетъ, съ позволенія Главнаго Директора, и черезъ годъ держать экзаменъ на званіе Землемѣрскаго Аускультанта.

Экзаменъ на Аускультанта обыкновенно производится публично въ Землемѣрческой Конторѣ. На семъ экзаменѣ требуются: 1) Геометрія, Тригонометрія, Стереометрія, Алгебра и Ариѳметика — сколько нужно для Землемѣрческой части. Сюда же относится измѣреніе высотъ и уклоненій, съемка мѣстъ, чертежи картъ и проч. 2) Первыя основанія Естественныхъ Наукъ: Химіи и Минералогіи; въ особенности свѣдѣнія въ распознаваніи составныхъ частей разныхъ почвъ земли и силы ихъ растительности, также въ распознаваніи признаковъ, скрывающихся въ землѣ металловъ. 3) Агрономія и Лѣсоводство — сколько требуется для умѣнья распредѣлять

участки пахатной, луговой и подъ лѣсомъ находящейся земли на равныя по доходамъ части. 4) Камеральныя установленія Государства, особенно касающіяся раздѣленія податей на равныя, по доходамъ отъ земель, части и проч. 5) Постановленія, касающіяся Землемѣровъ, оцѣнки земли, различныхъ по сему случаю недоумѣній, тяжбъ и проч.

На приготовленіе къ сему экзамену, кромѣ практическаго курса, требуется отъ 7 мѣсяцевъ до 1 года, и обыкновенно Чиновники Землемѣрческой Конторы служатъ для приготовляющихся къ сему экзамену Наставниками.

По окончаніи съ успѣхомъ экзамена, воспитанникъ получаетъ отъ Главнаго Директора конституторіалъ на званіе Аускультанта и поступаетъ обыкновенно Помощникомъ къ одному изъ Землемѣровъ. Пробывши Землемѣрческимъ Помощникомъ 3 года, Аускультантъ, если есть ваканція, получаетъ конституторіалъ на званіе Вице-Коммиссіонеръ-Землемѣра опять отъ Главнаго Директора Конторы. Въ званіе Коммиссіонеръ-Землемѣра, (послѣ 8 лѣтней службы въ предъидущимъ чинѣ и Землемѣра 1-го и 2-го классовъ) при открывающихся ваканціяхъ утверждаетъ Король.

Молодые люди принимаются въ Землемѣрческой Штатъ Землемѣрскими учениками около 15-лѣтняго возраста; для курса какъ теоретическаго, такъ и практическаго, на экзаменъ въ званіе Аускультанта требуется много 3 года; на содержаніе каждаго воспитанника обыкновенно въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ въ теченіе сихъ трехъ лѣтъ достаточно 450 рикст. бк. Въ 18 лѣтъ, истративъ не болѣе 450 рикст. бк. на образованіе, быть уже въ штатѣ Чиновниковъ довольно лестно. Ни по одной части службы не лѣзя выйти такъ скоро и такъ выгодно; но надобно сказать, что нѣтъ ни одной части службы въ Швеціи бѣднѣе Землемѣрческой. Ни

Аускультантъ, ни Вице-Коммиссіонеръ-Землемѣръ, ни Коммиссіонеръ-Землемѣръ не получаютъ отъ Правительства никакого жалованья. Жалованье положено только Землемѣрамъ 1-го и 2-го классовъ: а быть Землемѣромъ 1-го или 2-го класса тамъ, гдѣ соблюдается очередь и цѣлый Штатъ состоитъ изъ 200 человѣкъ, безъ сомнѣнія, не многимъ удастся. Все, что сулитъ Землемѣрческая часть впереди, есть хорошій пансіонъ (меньшій въ 300 рикст. бк.); но и до пансіона должно дожидаться 65-лѣтняго возраста. Принявъ къ сему въ соображеніе, что въ большей части Губерній $\frac{2}{3}$ земли уже размѣрены, можно подумать: не потому ли и Правительство, по видимому, такъ мало поощряетъ Землемѣрческую часть? Впрочемъ, въ послѣдніе годы число лицъ, поступившихъ въ Землемѣрскій Штатъ, простиралось ежегодно до 50 человѣкъ.

СВЯЩ. МИХАИЛЪ РАЕВСКІЙ.

VI.

ОБОЗРѢНІЕ

КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею. С. Петербургъ, въ тип. II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1846 года. Томъ 1 и 2. III, 400 и II, 279 стр. in-4.

Въ составъ «Дополненій» вошли памятники древняго нашего Законодательства и дѣлопроизводства, поступившіе въ Археографическую Коммиссію, частью во время печатанія «Актовъ Историческихъ», частью по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Большую часть перваго и втораго томовъ составляютъ грамоты, доставленныя разными Присутственными мѣстами. Остальныя извлечены изъ рукописей:

а) Императорской Публичной Библіотеки, Библіотеки

Академіи Наукъ, Румянцевскаго Музеума, Синодальной Библіотеки, и изъ Архивовъ Сенатскаго Главнаго Московскаго Иностранныхъ Дѣлъ, Оружейной Палаты, въ которыхъ монастырей, и т. д. б) изъ собранія списковъ, снятыхъ съ подлинниковъ Государственнаго Стокгольмскаго Архива Корреспондентомъ Коммиссіи Соловьевымъ, во время археологическаго путешествія его по Швеціи въ 1838—1840 годахъ, и с) изъ домашнихъ архивовъ частныхъ лицъ.

При изданіи актовъ, Археографическая Коммиссія придерживалась основнаго своего правила—издавать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ ихъ найдетъ, соблюдая въ точности древнее правописаніе, а иногда и самыя знаки препинанія. Въ концѣ каждаго акта мы встрѣчаемъ объясненіе его въ палеографическомъ отношеніи, также принадлежность его мѣсту или лицу. Въ концѣ же тома, въ нужныхъ случаяхъ, находятся краткія примѣчанія, въ которыхъ объясняется годъ, число и мѣсто изданія акта, возстановляется настоящій смыслъ его и излагаются событія, поясняющія значеніе акта.

Къ важнѣйшимъ памятникамъ, помѣщеннымъ въ первомъ и второмъ томахъ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ», относятся:

І. *Уставъ Св. Великаго Князя Владиміра Святославича, о церковныхъ десятинахъ, судъ, мѣрилахъ, и проч.* Уставъ сей напечатанъ по харатейному Номоканону XIII вѣка. Онъ былъ уже напечатанъ нѣсколько разъ, а именно: 1) Въ *Исторіи Государства Россійскаго* (Томъ I, примѣч. 506); 2) въ *Описаніи Кіево-Софійскаго Собора*, Митрополита Евгенія (Прибавл., стр. 5—7); 3) въ *Древней Россійской Вивліоѣикѣ* (Томъ VI, стр. 1—9), и 4) въ *Продолженіи ея* (Т. III, стр. 3—8). Два послѣднія изданія сдѣланы были по позднѣйшимъ спискамъ. Г. Редакторъ «Дополненій» полагаетъ: не послужилъ ли списокъ Устава по Номоканону образцемъ всѣмъ

послѣдующимъ или позднѣйшимъ спискамъ? Впрочемъ, сличивъ всѣ изданія «Устава Владимірова» съ спискомъ по Номоканону, едва ли не лѣзя рѣшить этотъ вопросъ окончательно. Въ примѣчаніи къ «Уставу» говорится, что «источникомъ Уставу Владиміра, безъ сомнѣнія, служилъ Греческій Номоканонъ, принятый по введеніи Христіанства въ Россіи въ Болгарскомъ переводѣ». Сомнѣнія, конечно, быть не можетъ, когда встрѣчаемъ въ самомъ Уставѣ цѣлое мѣсто, рѣшающее это дѣло совершенно. Святый Владиміръ говоритъ ясно, чѣмъ онъ руководствовался при изданіи своего «Устава»: «*Потомъ разверзше Гречьскыи Номоканонъ и обрѣтохомъ в немъ оже не подобаетъ сихъ соудовъ и тяжь Князю соудити и т. д....*» (*). Въ этомъ же примѣчаніи читаемъ далѣе: «Нѣтъ сомнѣнія, что Уставъ Владиміра имѣлъ силу закона въ Великой, Западной и Чермной Руси (см. *Акты, относящіяся къ Исторіи Западной Россіи*, Т. I, стр. 189 и 191): ибо въ XIV—XVII вѣкѣ, какъ достоверно извѣстно, дѣлами о наслѣдствахъ, надзоромъ за больницами, общественнымъ призрѣніемъ бѣдныхъ и проч. завѣдывало Духовенство, а сборъ десятины на содержаніе владыкъ и кировъ прекратился только въ началѣ XVIII вѣка». Въ Актахъ, относящихся къ Исторіи Западной Руси, на страницѣ 189 и 191 говорится, впрочемъ, не объ Уставѣ Владиміра, а о *Свиткѣ Ярослава*, который не есть ни списокъ, ни развитіе Устава Владимірова, и который въ свою очередь былъ не извѣстенъ въ Восточной Руси.

Александръ, Великій Князь Литовскій, въ жалованной грамотѣ Кіевскому Митрополиту Іосифу, опредѣляя пространство Митрополичьей власти, говоритъ: «Клалъ предъ нами нареченный Митрополитъ Кіевскій и всея

(*) Дополненіе къ Актамъ Историч. Т. I, стр. 1, строка 21.

Руси. Епископъ Смоленскій Юсифъ списокъ, то есть, свитокъ правъ великаго Князя Ярослава Володимировича, которые же онъ права духовные выложилъ съ правъ духовныхъ Греческихъ, то есть, зъ Номоканону Восточной Церкви». Въ слѣдъ за грамотою помѣщенъ и самый *Свитокъ Ярославль*, подтверждаемый Великимъ Княземъ Александромъ. Допустивъ подлинность этого «Свитка», можно заключать о подложности «Устава Св. Владиміра» по слѣдующимъ причинамъ: а) Зачѣмъ Ярославъ Владиміровичъ опредѣляетъ судъ церковный, когда судъ этотъ былъ опредѣленъ его отцемъ? б) Если бы Ярославъ находилъ, что Уставъ его отца не полонъ и требовалъ пополненія, то онъ, вѣроятно, изложилъ бы тому причины, упомянувъ объ «Уставѣ» отца? с) Отъ чего Ярославъ вовсе не упоминаетъ объ Уставѣ Владиміра, который не могъ быть ему не извѣстенъ? Взявъ въ соображеніе всѣ эти вопросы, мы должны согласиться по крайней мѣрѣ въ томъ, что по этому «Уставу» никакъ не лъзя заключить о дѣйствіи Устава Владимірова въ Западной и Чермной Руси. Но можемъ ли мы допустить подлинность *Свитка Ярославля*? Г. Редакторъ «Актовъ, относящихся къ Исторіи Западной Россіи», въ примѣчаніи своемъ къ этому памятнику говоритъ: «Такъ-называемый «Свитокъ» Кіевского Великаго Князя Ярослава о «Святительскомъ судѣ», доселѣ напечатанъ не былъ. Не должно считать его за одно съ «Уставомъ» сего Князя о церковныхъ судахъ, напечатаннымъ въ Исторіи Государства Россійскаго (*). Что этотъ Свитокъ не подложный, довольно указать на грамоты Мстиславскихъ Князей 1143 и 1483 г., изъ которыхъ видно, что въ XV вѣкѣ, въ Литовской Православной Церкви онъ имѣлъ силу Каноническаго Права. Въ обѣихъ грамотахъ сказано: «што въ свитку Ярославля стоитъ, судити и

(*) Т. II, прим. 108; Опис. Кіев. Іерар. стр. 10—13, въ прибав.

радити, и вины имати въ духовныхъ судѣхъ». Однакожь, вникнувъ въ текстъ «Свитка Ярославлѣ», не лѣзя усомниться въ его подложности. Ярославъ вовсе не упоминаетъ объ «Уставѣ Владиміра» по этому же самому предмету. Языкъ Свитка совершенно новый, плавный, понятный и никакъ не старѣе конца XIV столѣтія; здѣсь совсѣмъ нѣтъ архаизмовъ, которые встрѣчаются въ «Уставѣ Владиміра»; мало того, здѣсь ни одно слово не напоминаетъ, что памятникъ этотъ принадлежитъ XI вѣку. Развѣ это позднѣйшій переводъ древняго *Свитка Ярославлѣ*? Въ «Свиткѣ» этомъ встрѣчаемъ выраженіе *широкихъ грошей*, которые не были извѣстны XI вѣку, какъ гораздо новѣйшіе. Слѣдовательно, это долженъ быть переводъ. Наконецъ сомнительно, чтобы въ XI вѣкѣ Ярославъ назначалъ штрафъ или пеню въ 500 и въ 2000 рублей широкихъ грошей. Это не соглашается съ понятіями того вѣка. Словомъ, въ Свиткѣ этомъ каждая строка наводитъ сомнѣніе и заставляетъ думать, что онъ не что иное, какъ подложный актъ, сдѣланный въ пользу Духовенства, въ смутное время нашествія Татаръ, когда свѣтскимъ властямъ было не до уставовъ; въ послѣдствіи же времени, онъ былъ открытъ, и, нося признаки ветхости, почитаемъ настоящимъ «Уставомъ Ярослава Владиміровича». Если же допустить, что Свитокъ Ярослава существовалъ въ самомъ дѣлѣ, то дошедшій до насъ есть не что иное, какъ переводъ древняго, въ которомъ какъ пени, такъ и количество ихъ переименованы по новѣйшимъ понятіямъ. Сличивъ Уставъ Владиміра и Свитокъ Ярослава, каждый приметъ сторону перваго и скорѣе согласится въ подлинности Устава Владиміра, чѣмъ въ подлинности «Свитка Ярославлѣ».

Но обратимся еще разъ къ примѣчаніямъ Г. Редактора, сдѣланнымъ на «Уставъ Св. Владиміра». Въ заключеніе примѣчанія онъ опровергаетъ мнѣніе Карамзина о подложности «Устава Владимірова» слѣдующими

словами: «И такъ мнѣніе нѣкоторыхъ о подложности Устава Владимірова несправедливо: ибо могла ли Русская Церковь выдумкѣ монаха XIII вѣка придать силу закона и руководствоваться ложью въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, тѣмъ болѣе, что Уставъ извѣстенъ былъ и прежде XIII вѣка, какъ видно изъ грамоты Князя Ростислава Мстиславича 1150 г.»? Мнѣніе свое о подлинности Устава Владимірова Г. Редакторъ основываетъ на слѣдующемъ мѣстѣ «Уставной грамоты Смоленскаго Князя Ростислава Мстиславича, данной Епископіи Смоленской», въ которой Ростиславъ, исчисливъ все, принадлежащее Епископу, прибавляетъ: «И се я еще и Холмъ даю Святѣй Богородицы и Епископу, якоже дано дѣдомъ моимъ Володиміромъ Семеоновъ прежде Епископу, строить нарядъ церковный и утвержденіе». Но мѣсто это можно также понимать и иначе: оно можетъ означать, что Ростиславъ отдаетъ въ распоряженіе Епископа и Холмъ, который еще Владиміромъ отданъ былъ прежнему Епископу Симеону. Г. Редакторъ въ заключеніе своего примѣчанія къ «Уставу Владимірову» говоритъ, что онъ «дошелъ до насъ безъ очевидныхъ признаковъ подлинности». Съ этимъ не совсѣмъ можно согласиться. Разсматривая «Уставъ» со стороны языка, мы замѣчаемъ въ немъ слѣды древности, хотя по нимъ не лѣзя положительно опредѣлить времени его изданія. Всѣ названія проступковъ и преступленій, относимыхъ Владиміромъ къ суду церковному, дошли до насъ едва ли не въ такомъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ первой редакціи «Устава». Слова эти носятъ на себѣ печать отдаленной древности, равно какъ и самое сочетаніе ихъ и сочиненіе обнаруживаютъ младенчество нашей письменности. Здѣсь также находимъ слова, встрѣчающіяся и въ другихъ памятникахъ нашей письменности, относимыхъ къ XI и XII вѣкамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ «Уставъ Владиміра» по списку XIII вѣка, могъ уже принять въ себя нѣко-

торыя измѣненія и пополненія. Сомнительно въ немъ болѣею частью одно начало, гдѣ Владиміръ самъ повѣствуетъ о своихъ дѣяніяхъ, въ общихъ чертахъ. Послѣдняя треть Устава есть, кажется, позднѣйшее его развитіе. Потомки Св. Владиміра могли не довольствоваться положеніями общими; они требовали точнѣйшаго опредѣленія, что Законодатель понималъ подъ церковными людьми, и въ какой мѣрѣ Епископы могли вмѣшиваться въ дѣла чисто полицейскія. По этому, въ концѣ Устава мы встрѣчаемъ уже нѣкоторое развитіе всего предыдущаго. Не лѣзя не пожелать, чтобы текстъ «Устава» былъ изданъ особо со всѣми нужными примѣчаніями: чрезъ это онъ пріобрѣтетъ особенное значеніе, въ сравненіи съ прежними четырьмя изданіями его въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Сличивъ «Уставъ Владиміра» съ древнѣйшими памятниками нашей письменности, можно будетъ по филологическимъ даннымъ опредѣлить степень его древности и неподложности.

II. Уставныя грамоты Смоленскаго Князя Ростислава Мстиславича и Епископа Мануила, данныя Епископѣ Смоленской, 1150 года. Это тоже древнѣйшіе памятники нашей юридической письменности; они уже извѣстны нашимъ Историкамъ, но до сихъ поръ не объяснены еще критически и ожидаютъ искусной обработки.

III. Помѣщенные въ первомъ томѣ «Дополненій» матеріалы для Исторіи Смутнаго періода, 1611—1613 года, не заключаютъ въ себѣ особенной важности.

IV. Матеріалы для Новгородской Исторіи, во время занятія Новгорода Шведами, 1613—1616 года (*). Это грамоты, списанныя Профессоромъ Соловьевымъ въ Швецію, во время его путешествія, съ подлин-

(*) № 3—5, 9, 14—15, 18—24, 31—32, 40, 42—44, 46—47.

никовъ, хранящихся въ Государственномъ Стокгольмскомъ Архивѣ. Изъ всѣхъ сихъ Актѣвъ, вмѣстѣ взятыхъ, явствуетъ, что первая мысль предложить Русскій Престолъ Принцу Шведскому возникла среди дружины Московской, гдѣ состоялся о томъ приговоръ въ Іюнь, или въ началѣ Іюля 1611 года. До взятія Новгорода Шведами, Новгородцы прежде 11 Іюля заключили съ Делагарди договоръ о томъ же. Въ концѣ Декабря въ Стокгольмъ отправлено было посольство, а 8 Апрѣля 1612 года получено въ Новѣгородѣ извѣстіе о кончинѣ Карла IX и о согласіи новаго Короля Густава Адольфа дозволить брату своему Карлу Филиппу отправиться въ Россію. Между тѣмъ Новгородцы, въ Іюль 1612 года, пригласили Ярославскую Земскую Думу участвовать съ ними въ избраніи на престолъ Шведскаго Принца, на что хотя она и согласилась, но высылку отъ себя уполномоченныхъ отложила до пріѣзда Королевича въ Новгородъ. Князь Трубецкой и Пожарскій, по изгнаніи Поляковъ изъ Москвы, въ грамотѣ къ Новгородцамъ (въ Ноябрь 1612 г.), соглашались также на избраніе Шведскаго Принца, требовали, чтобы Новгородцы предварительно заключили съ ними договоръ о безопасности Московской границы отъ вторженія Шведовъ, появившихся въ Бѣжецкой Пятинѣ. Неизвѣстность пріѣзда въ Россію Королевича и недостатокъ извѣстій изъ Швеціи, породивъ важныя недоразумѣнія. Въ Москвѣ, въ Февралѣ 1613 г., совершилось избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Это обстоятельство сначала слабо подѣйствовало на Шведовъ, однакожь Королевичъ поспѣшилъ пріѣздомъ въ Выборгъ (1613 Іюля 9). Къ нему сейчасъ явилось Новгородское посольство; но Королевичъ медлилъ въ Выборгѣ, и, не довольный подданствомъ однихъ Новгородцевъ, объявилъ посольству, что онъ приметъ Русскій Престолъ не иначе, какъ съ общаго согласія всего Государства. Между тѣмъ Пра-

вительство Михаила начало дѣйствовать. Походъ Князя Трубецкаго къ Бронницѣ, появленіе Московскихъ полковъ на Мстѣ и Ловати, возмущенія противъ Шведовъ въ Гдовѣ и Тихвинѣ и обнаружившаяся къ нимъ народная непріязнь въ Новгородѣ, были причиною крутаго переворота политики Шведской. Въ началѣ 1614 года Делагарди указалъ Густаву Адольфу на перемѣну обстоятельствъ въ Россіи, угрожающихъ опасностію Шведамъ. Тогда-то послѣдовало внезапное возвращеніе изъ Выборга въ Стокгольмъ Принца Карла Филиппа, и обнаружались тайные замыслы Шведовъ. Эвертъ Горнъ, смѣнившій Делагарди въ званіи Шведскаго Полководца въ Россіи, въ томъ же году, объявилъ Новгородцамъ, что Король, по случаю отрѣченія брата своего отъ Россійскаго Престола, намѣренъ, отдѣливъ Новгородъ отъ Россіи, соединить его съ Швеціею, въ видѣ особаго Княжества, и требовалъ, чтобы Новгородцы, въ знакъ своего на то согласія, присягнули въ вѣрности Шведскому Королю. Новгородскіе земскіе чины, ссылаясь на данную уже ими присягу Принцу Карлу Филиппу, вѣроятно, чтобы выиграть время, испросили дозволеніе отправить въ Москву нарочное посольство, для убѣжденія Бояръ покориться Королевичу на основаніи договора 1611 года, заключеннаго съ Делагарди. Это происходило въ 1615 году, въ то время, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ царствовалъ уже болѣе двухъ лѣтъ. Предложеніе Новгородцевъ, какъ и должно было ожидать, отвергнули въ Москвѣ съ негодованіемъ. Тогда Эвертъ Горнъ возобновилъ настояніе свое о присягѣ, и Новгородцы принуждены были дать ее. Къ счастію, смутныя обстоятельства Новгорода вскорѣ прекратились Столбовскимъ миромъ, въ Февралѣ 1617 года.

V. Документы, относящіеся къ Исторіи постепеннаго открытія Сибири въ XVII столѣтіи, и грамоты

объ управленіи тамошнимъ краемъ, 1638—1645 годовъ. Это самые важнѣйшіе изъ всѣхъ памятниковъ, помѣщенныхъ въ обоихъ томахъ «Дополненій». Миллеръ списалъ ихъ въ Сибири еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія и передалъ въ руки Правительства. Не смотря на то, они до сихъ поръ лежали въ забвеніи и теперь въ первый разъ изданы въ свѣтъ. Изъ нихъ-то мы видимъ исторію постепеннаго расширенія Русскихъ предѣловъ на Востокъ. Заботясь объ увеличеніи ясачной подати, Воеводы наши безпрестанно посылали въ самыя глухія и отдаленныя мѣста предприимчивыхъ и неустрашимыхъ Сибирскихъ Казаковъ, которые, вмѣстѣ съ туземцами, открыли цѣлыя страны, изслѣдовали теченіе рѣкъ, искали рудъ и нерѣдко за свою смѣлость поплачивались головами. Все это намъ неизвѣстно, хотя давно уже не ново. Чрезвычайно любопытны ихъ реляціи о посылкахъ; рѣчь оригинальна, изложеніе дѣла точное до крайности. Укажемъ хотя на одно изъ этихъ донесеній. Левскіе Воеводы Петръ Головинъ и Матвѣй Глѣбовъ, въ отпискѣ своей къ Государю о пріискахъ новыхъ земель по рѣкамъ Витиму, Цыпирю и пр., сообщаютъ извѣстіе о походѣ къ этимъ мѣстамъ Енисейскаго *служилаго человека* Максима Перфильева съ 13 товарищей. «Въ прошломъ, государь, во 147 году» — пишутъ Воеводы — «ходилъ де, государь, онъ Максимко съ Лѣны изъ Олекомскаго острожку для пріиску и провѣдыванья новыхъ землицъ неясачныхъ людей, вверхъ по Витиму рѣкѣ, а служивыхъ де людей и промысленыхъ было съ нимъ Максимкомъ 36 человекъ; и за большимъ де, государь, Витимскимъ порогомъ, на усть Муи рѣки, поималъ онъ Максимко въ аманаты Шеленскіе волости Тунгуса Комбойка, а тое де, государь, волости Тунгусовъ Комбойка да Шенчеги съ товарищи человекъ ихъ съ 70 и больше, а ясаку де съ нихъ взялъ онъ Максимко на прошлой на 148 годъ, 74 соболя съ пунки и съ хвосты. А ама-

натъ де, государь, Комбойко Пекіевыхъ и иные Тунгусы въ распросѣ ему Максимкѣ сказывали: что живетъ де, государь, вверхъ по Витиму рѣкѣ Даурскій Князецъ именемъ Ботога съ товарищи, а ходу де, государь, до того Князца Ботоги отъ усть Котомары рѣки водянымъ путемъ по Витиму рѣкѣ мѣсяць, а живетъ де, онъ Ботога на Витимѣ рѣкѣ, на усть Карчи рѣки, на одномъ мѣстѣ улусами; а юрты де, государь, у того Князца Ботоги рубленые, и скота де, государь, у того Князца Ботоги всякаго и соболя много, и серебро де, у него Ботоги есть, а то де, Государь, онъ серебро Ботога и камки покупаетъ на Шилкѣ рѣкѣ у Князца Лодкая; а отъ Ботоги де, государь, вверхъ по Витиму рѣкѣ и до Яравни озера, по обѣ стороны Витима рѣки, Даурскіе конные многіе люди, а бой де, государь, у нихъ лучной, а языкъ де, государь, у нихъ свой, съ Якутскимъ и съ Тунгузскимъ языкомъ не сходитца; да отъ Ботоги де, государь, на Шилку рѣку волокъ ходу полчетверта дни, а по той рѣкѣ Шилкѣ живутъ многіе пашенные люди, а хлѣбъ де, государь, у нихъ всякой противъ Русскаго и до усть Шилки рѣки; да на той же, государь, Шилкѣ рѣкѣ, у Князца Лодкая, на усть Угры рѣки, подъ улусомъ близко серебряная руда въ горѣ, и изъ той де, государь, руды, Даурскіе Князцы Лодкай съ товарищи плавятъ серебро, и руды де, государь, серебряные много, и то де у нихъ серебро расходуется по многимъ волостямъ и по улусамъ въ продажѣ, а продаютъ де, государь, серебро на соболи, а соболи де, государь, у нихъ на Шилкѣ рѣкѣ покупаютъ Китайскіе люди на камки и на всякіе товары, и т. д. . . . » (*).

VI. Извѣстіе о началѣ Патріаршества въ Россіи и о возведеніи въ санъ Патріарха Ростовскаго Дмитро-

(*) Дополн. Т. II, стр. 253.

полита Филарета Никитича. Соборная грамота Іерусалимскаго Патріарха Теофана по сему предмету, и чинъ поставленія Филарета, 1619 года. Извѣстіе это весьма для насъ замѣчательно. Рукопись, пзъ которой заимствованы всѣ эти акты, относится Археографическою Коммиссіею къ исходу XVII вѣка. Коммиссія полагаетъ, что рукопись эта списана по какому-либо случаю, при Патріархахъ Іоакимѣ или Адріанѣ, съ подлинника, составленнаго при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, и хранилась при «Патріаршемъ Дворѣ», какъ официальный актъ, подобно рукописи объ избраніи на Престолъ того же Царя, которая также въ свое время составляла «памятную Государственную книгу», сочиненную подъ непосредственнымъ вліяніемъ Правительства.

Извѣстіе о началѣ Патріаршества въ Россіи извѣстно и по иностраннымъ источникамъ. Арсеній, Епископъ Елассонскій, бывшій съ Константинопольскимъ Патріархомъ Іереміею въ Россіи для возведенія въ Патріархи Всероссійскіе Іова, оставилъ описаніе этого происшествія въ сочиненіи своемъ, извѣстномъ въ Латинскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Arsenii Elassonis descriptio itineris in Moskoviam habiti, a Ieremia II Patriarcha Constantinopolitano, ubi et Patriarchatus Moscovitici institutio narratur» (*).

Чинъ же поставленія на Патріаршій престолъ Филарета и грамота Іерусалимскаго Патріарха Теофана уже разъ напечатаны были въ *Собраніи Государственныхъ грамотъ* (Т. III, № 45 и 46). Первый напечатанъ съ другой рукописи, едва ли не съ подлинной, съ значительными отмѣнами противъ настоящаго изданія; вторая же составляетъ Греческій подлинникъ, съ новѣйшимъ

(*) *Hist.iae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI. T. II, cap. XX.*

Русскимъ переводомъ. Греческая грамота также весьма отличается отъ напечатаннаго въ семъ томѣ стариннаго перевода, въ которомъ она распространена и переименована.

VII. *Духовное завѣщаніе Царя Іоанна Васильевича IV.* Оно сохранилось въ спискѣ второй половины XVIII вѣка. Всякій съ особеннымъ любопытствомъ обратится къ этому памятнику, чтобъ изъ него узнать послѣднюю волю Царя Грознаго; но мы должны сказать, что эта духовная писана не передъ кончиною, а еще въ 1572 году. Это—подробное росписаніе Русскихъ областей, которыя изъ нихъ должны были принадлежать Іоанну Іоанновичу, какъ Царю, а которыя Θεодору Іоанновичу, какъ Удѣльному Князю. Въ статистическомъ отношеніи завѣщаніе это весьма важно: оно показываетъ предѣлы областей, городовъ и т. д. Сверхъ того, Іоаннъ доказываетъ сыновьямъ необходимость мира и согласія для ихъ собственнаго блага. Здѣсь все подкрѣпляется изрѣченіями изъ Священнаго Писанія, въ которомъ, какъ видно, Іоаннъ былъ весьма свѣдущъ. Въ послѣдствіи (1582 г.) Іоаннъ Васильевичъ сдѣлалъ другое духовное завѣщаніе, но оно до насъ не дошло.

VIII. *Чинъ вѣнчанія на царство Царя Іоанна Васильевича, 1547 года, и Бориса Θεодоровича, 1598 года.* Первый изъ этихъ актовъ уже давно извѣстенъ нашимъ Ученымъ; онъ былъ напечатанъ въ *Древней Россійской Вивліоѣикѣ* (Т. VII, стр. 1—35).

IX. Издатели отнесли также къ важнѣйшымъ историческимъ актамъ: а) *Слова и Посланія Митрополита Фотія, 1410—1431 годовъ*; б) *Уставы о трапезахъ Троицкаго Сергіева и Тихвинскаго монастырей, 1590 г.*; с) *Наказы Св. Іосифа Волоцкаго о монастырскомъ благочиніи, и его же Посланія нѣкоторымъ лицамъ духовно-нравственнаго содержанія, 1479—1515 годовъ.* Въ памятникахъ этихъ не много историческаго.

Х. Укажемъ еще на акты историческіе о фами-
ліи *Строгановыхъ*.

Въ концѣ cadaго акта мы встрѣчаемъ указанія, откуда именно онъ заимствованъ и къ какому времени относится. Указанія эти названы *легендами*. Въ концѣ же cadaго тома «Дополненій къ Актамъ Историческимъ» приложены примѣчанія, въ которыхъ означены причины, почему многія грамоты, не имѣющія годовъ въ подлинникахъ, относятся къ такому-то времени; объяснены нѣкоторыя подробности для уразумѣнія этихъ грамотъ и т. д.

Составленіемъ перваго и втораго томовъ «Дополненій» занимались: Главный Редакторъ Археографической Коммиссіи Я. И. Бердниковъ и Членъ ея М. А. Коркуновъ.

А. С.

ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. № 1, 2, 3, 4. Москва, въ тип. Императ. Москов. Унив. 1846. 185, 166, 243 и 360 стр. въ 8 д. л.

Въ 1811 году, впервые данъ былъ уставъ Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Нѣсколько разъ былъ онъ измѣняемъ; но главною задачею Общества всегда оставалось и остается разработка матеріаловъ, объясняющихъ Русскую Исторію и Археологію, и изданіе памятниковъ и разсужденій по этимъ предметамъ. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что Общество ревностно идетъ къ своей цѣли, стоитъ только вспомнить, что оно, не говоря о мелкихъ разсужденіяхъ, издало 8 томовъ трудовъ своихъ и лѣтописей, 7 томовъ Историческаго Сборника и Повѣствованіе о Россіи Арцыбышева. Въ этихъ изданіяхъ очень много матеріаловъ, еще не разработанныхъ, но драгоцѣнныхъ для Историка. Но всѣ эти изданія не соответствовали потребностямъ Общества: оно хотѣло, чтобы труды его печатались по мѣрѣ того, какъ

они читаются въ засѣданіяхъ, слѣд. носили бы печать современности. Еще въ 1843 году думало Общество о подобномъ періодическомъ изданіи; но только съ Генваря текущаго года осуществилась эта прекрасная мысль, по предложенію Г. Предсѣлателя Общества, Графа С. Г. Строганова. Въ засѣданіи 26 Генваря утверждена программа «Чтеній», состоящая изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) *Изслѣдованія*, гдѣ будутъ помѣщаемы подлинныя статьи Гг. Членовъ, немедленно по прочтеніи ихъ въ засѣданіи Общества; 2) *Матеріалы Отечественные*, служащія къ объясненію Русской Исторіи; 3) *Матеріалы иностранные*, въ подлинникъ или въ переводѣ, и 4) *Смѣсь* — статьи историческаго, археологическаго и подобнаго содержанія. По этой программѣ ежемѣсячно выходитъ книжка Чтеній. Теперь мы ихъ имѣемъ четыре, разборъ которыхъ предлагаемъ нашимъ читателямъ, надѣясь знакомить ихъ съ содержаніемъ Чтеній Общества, по мѣрѣ ихъ выпуска.

Въ отдѣлѣ *Изслѣдованій* помѣщены въ вышедшихъ книжкахъ слѣдующія статьи: 1) *О поискахъ моихъ въ Познанской Публичной Библіотекѣ*, Г. Бодянскаго. Во время путешествія своего по Славянскимъ землямъ, Авторъ имѣлъ случай быть въ Библіотекѣ, находящейся въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ и принадлежащей извѣстному ревнителю Славянской народности, Графу Эдуарду Рачинскому. Изъ сообщенныхъ отрывковъ особенное вниманіе заслуживаетъ сказаніе о *Петрѣ Медвѣдкѣ, Москальѣ*. Петръ, сынъ Великаго Князя Оедора Іоанновича и супруги его Ирины, самъ пишетъ о себѣ, что когда онъ родился, то Годуновъ, не желавшій видѣть потомства у своего Государя-благодѣтеля, спросилъ сестру свою, кого она родила. Ирина, «познавши по небозщику брате своемъ Борисе Годуну, ижъ о панствѣ Московскомъ промышлялъ, хотечы быть Государемъ Московскимъ», скрyla сына своего Петра. Годуновъ сталъ ее пытаться, и тогда

мать сказала, что родила полмедвѣдка и полчеловѣка. Это успокоил оГодунова: мать же отдала сына на воспитаніе бабкѣ Ганяѣ. Когда онъ взросъ, то, по его рассказамъ, былъ во многихъ городахъ Россіи, и при Шуйскомъ — въ Москвѣ. Кто же былъ этотъ Петръ? Г. Болянский, разбирая Самозванцевъ, выдававшихъ себѣ за Дмитрія Іоанновича, останавливается на ворѣ Тушинскомъ, о которомъ Лѣтопись говоритъ: «Того же вора Тушинскаго отнюдь никто же не знаетъ, *невѣдомо* откуда взяшеся». Авторъ, не имѣя положительныхъ свѣдѣній о томъ, кто былъ этотъ Петръ Медвѣдко, предоставляет рѣшить этотъ вопросъ будущимъ изслѣдователямъ смутнаго періода нашей Исторіи. Замѣчателенъ также List Sidora Mitropolita, Посланіе Митрополита Исидора къ Холмскому Священнику Вавилѣ, обиженному Правительствомъ. Мы видимъ уже здѣсь зародышъ Уніи, которая, безъ сомнѣнія, должна была возникнуть въ мѣстахъ, ближайшихъ къ Польшѣ.

2) *О нравахъ и обычаяхъ, господствовавшихъ въ древней Руси, отъ временъ Ярослава I до нашествія Монголовъ*, Г. Соловьева. Авторъ, на основаніи памятниковъ, разбираетъ обычаи, существовавшіе въ избранный имъ періодъ времени при Дворѣ Князя, и распространяетъ ихъ на народъ. Избранный имъ путь совершенно правиленъ, и — съ другой стороны — необходимъ. Лѣтописи наши сообщаютъ намъ почти только о жизни, о дѣйствіяхъ правителей, рѣдко, и то мимоходомъ, упоминая о народѣ. Но Бояре и народъ всегда дѣлали то, что дѣлали Князья, или даже на оборотъ: потому что у насъ никогда не было рѣзкаго разграниченія между дружиною и ея вождемъ. Такъ Князья спорили о родовомъ старшинствѣ, Бояре мѣстничались. Русскій привыкъ всегда обращаться къ Престолу, какъ образцу во всѣхъ отношеніяхъ. Въ статьѣ своей Г. Соловьевъ говоритъ объ обычаяхъ Князей нашихъ — постригаться при приближеніи

смерти, о любви предковъ нашихъ къ книгамъ, о странствованіяхъ ихъ къ Святѣмъ мѣстамъ, или о паломничествѣ, доходившемъ до такой степени, что Духовенство не разъ должно было запрещать излишнюю ревность къ посѣщенію Іерусалима. Съ другой стороны однакожь эти посѣщенія Св. мѣстъ были благотѣльны для Россіи: ибо поддерживали постоянную нашу связь съ Византіею, и вмѣстѣ съ тѣмъ служили къ искорененію языческихъ обычаевъ, господствовавшихъ очень долго въ гражданскомъ быту нашихъ предковъ.

3) *Объ одномъ Прологѣ Библіотеки Московской Духовной типографіи и тождествѣ Славянскихъ божествъ Хорса и Дажь-бога*, Г. Болянского. При разысканіяхъ своихъ въ Библіотекѣ Московской Духовной типографіи, Авторъ открылъ одинъ Прологъ о крещеніи Св. Князя Владиміра. Кромѣ того, что здѣсь говорится объ убіеніи Князя и Княгини Корсунскихъ, при осадѣ ихъ столицы, и объ отправленіи Воеводъ Ольга и Ждѣберна въ Царьградъ, для сватовства сестры Греческихъ Царей, въ Прологѣ упомянуты языческія Славянскія Божества: *Черунъ, Хорсъ, Дажь-богъ и Мокошь*. Авторъ разбираетъ значеніе втораго и третьяго, и доходитъ до убѣжденія, что Хорсъ (однозначительное съ Персидскимъ *Корешъ*, солнце) есть одно и то же лице съ *Дажь-богомъ*, который въ Ипатьевскомъ спискѣ (по изданію 1843 года Поля. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. 2, стр. 5) называется *Солнцемъ*. «И по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричють *Дажь-богъ*. . . Солнце Царь, сынъ Свароговъ, еже есть *Дажьбогъ*». Мнѣніе свое Авторъ подтверждаетъ разборомъ мѣстъ изъ Слова о Полю Игоревѣ, гдѣ упоминается о *Дажь-богѣ*.

4) *О мѣстѣ погребенія Прокопія Ляпунова*, Г. Ундольскаго. Карамзинъ полагалъ, что нашъ Герой Ляпуновъ остался безъ Христіанскаго погребенія. Въ послѣдствіи, Г. Быстровъ, на основаніи открытаго имъ

«Устава, сирѣчь церковнаго ока», и Г. Савельевъ, руководствуясь Филаретовою рукописью, утверждали: первый, что Ляпуновъ погребенъ въ Наболочицкомъ монастырѣ Старой Рязани, а второй — въ Москвѣ, близъ церкви Благовѣщенія Преч. Богородицы, на Воронцовомъ Полѣ. Нынѣ Г. Ундольскій открылъ въ Архивѣ Святотроицкой Сергіевой Лавры списокъ съ надгробныхъ надписей лицъ, похороненныхъ въ сей обители, гдѣ сказано: «въ другомъ ряду отъ мосту Дмитрій Ѳедоровичъ Скуратовъ, *Прокофей Ляпуновъ, да Иванъ Ржевскій*, убиты 119 года Іюля въ 22 день». Кромѣ того, что это извѣстіе исторически-достоверно, оно подтверждается еще вкладною книгою, въ которой записанъ родъ *Ляпуновыхъ*, внесшихъ въ обитель 100 рублей. Къ статьѣ этой приложенъ списокъ надгробный Троицкаго Сергіева монастыря, составленный въ XVIII вѣкѣ и замѣчательный по множеству историческихъ названій лицъ, здѣсь погребенныхъ.

5) *Очеркъ Исторіи древней монетной системы на Руси*, Г. Бѣляева. Разсужденіе это дѣлится на два отдѣла: монетная система *гривнами и кунами* съ одной стороны, и *рублями, алтынами и деньгами* съ другой. Издавна Славяне вели торговлю съ иностранцами, что вполне подтверждается Отечественными и иностранными памятниками. Можно ли послѣ того предположить, что всѣ наши морки, куны, бѣлки, были дѣйствительно лоскутки кожи, съ изображеніемъ ихъ цѣнности? Уже давно Историки наши убѣждены въ этой истинѣ, и мнѣніе Г. Бѣляева о нашихъ древнихъ металлическихъ монетахъ не ново (см. Успенскаго Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ стр. 661 въ Трудахъ Общества Исторіи Т. I). Заслуга Г. Бѣляева состоитъ въ томъ, что онъ добросовѣстно воспользовался вновь изданными памятниками нашей старины и подтвердилъ ими прежнія изслѣдованія. При помощи ихъ, онъ могъ

подробнѣе опредѣлить вещество, изъ котораго дѣлались монеты, ихъ взаимное соотношеніе и ихъ цѣнность.

6) Гораздо замѣчательнѣе статья того же Автора: *О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской Украинѣ Московскаго Государства до Царя Алексія Михайловича*. Много новаго, основаннаго на достовѣрныхъ источникахъ и официальныхъ памятникахъ, заключаетъ въ себѣ это разсужденіе, тѣмъ болѣе, что объ этомъ у насъ никто еще не писалъ, тогда какъ предметъ самъ по себѣ очень важенъ. Съ самаго начала существованія Русскаго Государства и до сихъ поръ, Отечество наше страждетъ отъ набѣговъ дикихъ племенъ Татарскаго и Монгольскаго происхожденія: Печенѣговъ, Половцевъ, Татаръ, Крымцевъ, Ногайцевъ, Турокъ и Горцевъ. Поэтому очень рано наши Государи должны были подумать объ удержаніи ихъ отъ разоренія Южныхъ предѣловъ Россіи; но пока надъ нами тяготѣло иго Монголовъ, о постоянной стражѣ не могло быть и рѣчи. Только въ концѣ XIV в. Лѣтописи впервые упоминаютъ о пограничныхъ ставицахъ, и только при Іоаннахъ III и IV учреждены вполнѣ Украинскія сторожи. Первоначально служили здѣсь городовые Казаки, состоявшіе на однихъ правахъ съ Стрѣльцами, и сами же Татары, защищавшіе, за извѣстную плату, границу отъ набѣговъ своихъ же собратій Татаръ, поднимавшихъ противъ Россіи оружіе, за золото Польское и Турецкое. Для укрѣпленія нашихъ границъ строили крѣпости, остроги; напр. при Іоаннѣ III основанъ Касимовъ и населенъ Татарами, при Іоаннѣ IV, Темниковъ и др. Число ставицъ особенно увеличилось въ правленіе Грознаго, и въ 1571 году существовала уже длинная цѣпь укрѣпленныхъ городовъ по всей степной Украинѣ, отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля. Украинскіе города, по ихъ географическому положенію, дѣлились на передніе и задніе. Первые вдавались въ степь и претерпѣвали пер-

воначальный натискъ отъ непріятеля, который однакожь, чтобы дойти до городовъ, встрѣчалъ рвы, засѣки, заборъ на рѣкахъ и другія полевые укрѣпленія съ значительною стражею. Вторую линію укрѣпленныхъ городовъ, какъ бы внутреннюю, составляли расположенныя по Окѣ крѣпости, высылавшія, впрочемъ, въ случаѣ нужды, своихъ служилыхъ людей и на передовую линію. Лучшимъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ Іоанну IV былъ Бояринъ Князь Воротынскій, который въ 1571 году, по волѣ Государя, совѣтовался съ Станичниками, пограничными Воеводами и др. чинами, и составилъ общее уложеніе станичной службы на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) «Сторожи должны быть усторожливы отъ Крымскіе и отъ Ногайскіе стороны, гдѣ бѣ было Государеву дѣлу прибыльнѣе и Государевымъ украинамъ бережнѣе, чтобы воинскіе люди на Государевы украинны безвѣстно не приходили». 2) Сторожи должны по-двое ѣздить по всѣмъ направленіямъ. 3) Огней не разводитъ нѣсколько разъ въ одномъ мѣстѣ и не въ лѣсахъ. 4) Вѣсть о приближеніи непріятеля передавать скоро. 5) Въ нарядѣ станицъ на сторожи соблюдается очередь, и одна не должна смѣняться до прибытія другой. За нарушеніе этого правила назначена смертная казнь. 6) Лошади должны быть хорошія. 7) Всѣхъ станицъ восемь, и пазначено, сколько времени быть на сторожѣ каждой изъ нихъ. Время службы продолжалось съ весны, съ 15 Апрѣля, до 15 Ноября, пока снѣгъ выпадетъ: предполагалось, что Татары и Ногайцы зимою не пойдутъ на Россію. Если же в 15 Ноября «снѣги еще не укинутъ», то снова посылать станицы по двѣ на мѣсяць. 8) «А дважды одное станицы передъ иными не посылати, а посылати за первую станицею другую и третью по срокамъ по наказу». Въ слѣдъ за симъ Воротынскій назначилъ, для надзора за исправностью сторожей, четырехъ Стоялыхъ Головъ съ особыми отрядами Станичниковъ, которые должны

были объѣзжать все пространство степи отъ Волги до Вороны, Оскола и Донца. При этихъ Головахъ назначено быть Станичнымъ людямъ изъ разныхъ городовъ. Всѣ сн распоряженія Князя Воротынскаго и товарищей его, Князя Тюфякина и Дьяка Ржевскаго, дѣйствительно охраняли Россію отъ нападенія безпокойныхъ сосѣдей, что вполне доказалъ неудачный набѣгъ на наши Южныя владѣнія Девлетъ-Гирей, въ 1571 году. Когда Крымскій Ханъ возвратился въ свою землю, то Царь Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ выжечь степь въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ удобнѣе, чтобъ отнять у Крымцевъ возможность скрывать свои движенія и лишить ихъ подножнаго корма, и назначилъ девять городовъ, откуда посылалъ станицы для зажженія степей отъ верховьевъ Вороны до Днѣпра и Десны. Въ 1573 году вмѣнено въ непремѣнную обязанность при разъѣздахъ станицъ, чтобы Станичники, встрѣчаясь на урочищахъ, мѣнялись признаками, дабы начальники могли видѣть, что станицы доѣзжали до опредѣленныхъ урочищъ.

Въ 1574 году, надъ сторожевою и станичною службою назначенъ новый начальникъ, Болринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, родственникъ Царя. Онъ развивалъ планы своего предшественника и старался еще болѣе обезопасить Россію: пересмотрѣны пограничныя сторожи, нѣкоторыя исправлены, другія подвинуты въ степь, основаны новые города, опредѣлено жалованье Дѣтямъ Болрскимъ, находящимся въ станицахъ, и пр. Ежегодно доставлялись въ Разрядъ подробныя росписи всѣмъ сторожамъ и станицамъ, бывшимъ въ продолженіе года, въ которыхъ росписяхъ отчетливо показывались всѣ пріѣзды на службу, съ означеніемъ, кто сколько дней былъ въ дорогѣ, и на какой срокъ явился въ назначенное ему мѣсто, и кто его смѣнилъ, и когда.

Въ концѣ XIV вѣка, не одни Татары тревожили наше Отечество, но и Малороссійскіе Казаки, противъ

которыхъ Правительство учредило новыя станицы на Ливнахъ, и положило основаніе городу Ельцу по Быстрой Соснѣ.

Въ царствованіе Θεодора Іоанновича изданъ указъ о жалованьѣ за убытки на сторожевой службѣ, въ которомъ опредѣленіе, чѣмъ прежде, изложены всѣ за нихъ вознагражденія. Въ 1595 г. выстроены новыя Украинскій городъ Кромь и, въ концѣ этого царствованія, Бѣлгородъ, выдвинувшійся далеко въ степь за линію другихъ Украинскихъ городовъ. Онъ сдѣлался въ послѣдствіи средоточіемъ сторожевой Украинской службы, и составилъ особый Бѣлгородскій Разрядъ. При Борисѣ Годуновѣ сторожи, станицы, засѣки и другія укрѣпленія были въ хорошемъ состояніи. При Самозванцахъ объ этомъ не лзя было и думать; но во всякомъ случаѣ Украина, съ своими гарнизонами, не разъ отставала свою независимость отъ Лжедмитріевъ.

Царь Михаилъ Θεодоровичъ, для обороны противъ Крымцевъ и Поляковъ, строилъ новыя пограничныя крѣпости, укрѣплялъ старыя, увеличивалъ засѣки, рвы, заборы по рѣкамъ и т. п. Съ этою цѣлью основаны города: Тамбовъ, Козловъ, Чернавскъ, Хотмыжскъ, Вольный Курганъ и др. Для охраненія Русскихъ границъ, Царь старался привлечь на Московскую Украину Малороссійскихъ Казаковъ, или, тогда такъ-называемыхъ, Черкасъ; давалъ имъ жалованье, богатые земли. Мѣра эта въ высшей степени благоразумна: потому что не требовала переселенія на границу огромнаго количества служивыхъ людей и соотвѣтствовала ожиданіямъ Государя: Казаки защищали интересы Россіи не только противъ Крымцевъ, но и противъ своихъ собратій, принявшихъ сторону Хана, или Польши.

Второй отдѣлъ «Чтеній», — отдѣлъ *Матеріаловъ Отечественныхъ*, занимаетъ *Исторія Руссовъ*, сочиненіе Преосвященнаго Георгія Конисскаго. Давно Ученые

видѣли потребность хорошаго изданія этого творенія; давно это было имъ обѣщано, и наконецъ Г. Бодяискій, собравъ у себя нѣсколько списковъ, выбравъ лучшій изъ нихъ, подвелъ къ нему изъ прочихъ разнословія и предложилъ Обществу Исторіи издать его. Имя Г. Издателя, заслужившаго этимъ трудомъ признательность всѣхъ, принимающихъ участіе въ ходѣ нашего просвѣщенія, ручается за вѣрность изданія. вмѣстѣ съ тѣмъ, Г. Бодяискій, какъ Секретарь Общества, проситъ всѣхъ, властвующихъ письменными источниками Малой Россіи, Лѣтописями, записками, описаніями, доставлять ихъ ему, для помѣщенія въ «Чтеніяхъ». Польза отъ исполненія подобнаго намѣренія очевидна: у частныхъ людей хранится много важныхъ матеріаловъ, служащихъ къ объясненію Исторіи и Археологіи нашего Отечества, хотя иногда они, по видимому, относятся только къ исторіи одного семейства или даже лица.

Въ четырехъ нынѣ вышедшихъ выпускахъ напечатана вся Исторія Малороссіи. Постараемся кратко рассказать содержаніе этого сочиненія. Такъ какъ въ древности Южная Россія была главнымъ поприщемъ дѣятельности Русскихъ, и Кіевъ, «мать городамъ Русскимъ», ея центромъ, то Конисскій, рассказывая спеціально Исторію Малороссіи, не могъ умолчать о Русской Исторіи вообще и о Славянахъ. Онъ начинается съ разсужденій о древности Славянъ и обширности занимаемаго ими пространства. «Историки сопредѣльныхъ съ Славянами народовъ, Птоломей, Геродотъ, Стравонъ, Діодоръ и другіе, приписывая Славянамъ древность самую отдаленную, за 1610 лѣтъ до Рождества Христова извѣстную, говорятъ, что они, ведя съ сосѣдями безпрестанныя войны и преслѣдуя переходившіе ихъ землю иноплеменные народы, зашли и переселили колоніи свои за рѣку Дунай до моря Адриатическаго въ Иллирію, и отъ горъ Карпатскихъ до рѣки Одра; а на Западныхъ бере-

гахъ Балтійскаго моря оселили всю Померанію, ихъ нарѣченіемъ такъ названную». Славяне носили различныя названія. Посмотримъ, какъ производитъ ихъ Авторъ. «Восточныхъ Славянъ называли Скивами или Скиттами, по кочевой ихъ жизни и по частому переселенію съ мѣста на мѣсто; Полуденныхъ—Сарматами, по острымъ ящеринымъ глазамъ съ прижмуркою, и Русами или Русняками по волосамъ; Сѣверныхъ приморскихъ Варягами называли по хищничеству и по засадамъ, ожидающимъ прохожихъ; а въ срединѣ отъ тѣхъ живущихъ, по родоначальникамъ ихъ, потомкамъ Афетовымъ, называли, по Князю Русу, Роксоланами и Россами, а по Князю Мосоху, кочевавшему при рѣкѣ Москвѣ и давшему ей сіе названіе,—Москвитами и Мосхами: отъ чего въ послѣдствіи и Царство ихъ получило названіе Московскаго и наконецъ Россійскаго». Удивительно сходство между его мнѣніемъ и мнѣніями повѣйшихъ нашихъ Ученыхъ — Венелина, Морошкина, Савельева, Макарова и др. Любопытно также выслушать Автора, какъ онъ производитъ имена другихъ племенъ, жившихъ въ Россіи. «Сами Славяне и того больше названій себѣ надѣлали. Болгарами называли тѣхъ, кои жили при рѣкѣ Волгѣ; Печенѣгами тѣхъ, кои питались печеною пищею; Поляками и Половцами—живущихъ на поляхъ или степяхъ безлѣсныхъ; Древлянами—жильцовъ полѣсныхъ, а Козарами—всѣхъ тѣхъ, которые ѣзживали верхомъ на коняхъ и верблюдахъ, и чинили набѣги; а сіе названіе получили наконецъ и всѣ войны Славянскіе, избранные изъ ихъ же породы для войны и обороны отечества, коему служили въ собственномъ вооруженіи, комплектуясь и перемѣняясь также своими семействами. . . Войны сіи, помоществуя часто союзникамъ своимъ, а паче Грекамъ въ войнахъ съ ихъ непріятелями, переименованы отъ Царя Греческаго, Константина Мономаха, изъ Козаръ—Козаками, и таковое названіе навсегда уже у нихъ оста-

лось». Въ другомъ мѣстѣ Авторъ говоритъ: «Русскіе войны назывались: конные—Козаками, а пѣшіе—Стрѣльцами и Сердюками, и сіи названія суть собственные Русскія, отъ ихъ языка взятыя; напр. Стрѣльцы по стрѣльбѣ, Сердюки по сердцу или запальчивости, а Козаки и Козаре, по легкости ихъ коней, уподобляющей козьему скоку». О происхожденіи слова Казакъ наши Ученые между собою несогласны: одни (Максимовичъ: «Откуда пошла Русская земля», стр. 46, 47) производятъ это названіе отъ Касоговъ, другіе (Зубрицкій «Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси», перев. Бодянского, 1845, стр. 388) переводятъ его словомъ: витязь, человекъ благороднаго происхожденія, вольный воинъ; нѣкоторые (Морошкинъ — «Историко-критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ», 1842, стр. 120—122) считаютъ Казаковъ равнозначащими съ названіемъ Бронники или бродники, которые такъ часто встрѣчаются въ нашихъ Лѣтописяхъ, и почитаютъ ихъ исконными жителями нашего Отечества. Общее во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ то, что несомнѣнно справедливо, т. е. Казаки по происхожденію своему — Славяне, а не одолжены своимъ происхожденіемъ Татарамъ, или другому, какому бы то ни было чуждому имъ племени. Правда только то, что сперва нашествіе Монголовъ на Россію, потомъ притѣсненія со стороны Польши, и сосѣдство Турціи не разъ вызывали ихъ на битву; но по происхожденію, по Религіи, по убѣжденіямъ и наконецъ по политической своей судьбѣ, они, какъ сами себя называютъ, *широ-подданные* Россіи (Скальковский «Наѣзды Гайдамакъ на Западную Украину», 1845, стр. 70).

Изложивъ въ бѣгломъ очеркѣ древній періодъ Русской Исторіи, Конисскій переходитъ къ нашествію Монголовъ и опустошеніямъ, произведеннымъ ими въ Малороссіи. Въ 1320 году, Гедиминъ возстановилъ прежнее правленіе, поставилъ Русскаго Правителя, подтвердилъ

народу всѣ его прежнія права и обычаи, и ввелъ Русскую грамоту. По мнѣнію Автора, Гедиминъ не покорилъ Малороссіи, а напротивъ, Русскій народъ соединился съ Литвою и съ Польшею, какъ народъ вольный и свободный, а ничуть не завоеванный. Въ слѣдствіе того, Поляки не измѣнили древняго общиннаго устройства войска Казацкаго, и Малороссійское «великое и славное рыцарское войско» (Акты Историч. Т. III, № 12, и Акты Арх. Эксп. Т. II, стр. 311) не разъ спасало Польшу и Литву отъ грознаго меча сосѣдей—Мусульманъ. Короли награждали за то Запорожское войско, и не только подтверждали, но и увеличивали привилегіи своихъ предшественниковъ. Такъ Владиславъ II даровалъ ему грамоту, въ которой сказано: «Тежъ и лицарству Русскому зъ лицарствомъ Польскимъ и Литовскимъ едностъ держаты, яко ровный зъ равнымъ, на каждыхъ справахъ и урядахъ, безъ жадной упреки и неваги».

Въ правленіе Короля Александра, сына Казимира IV, у Татаръ и Турокъ, при содѣйствіи Казаковъ, отняты по Днѣстру и Днѣпру земли, отторгнутыя отъ Малороссіи Батыемъ, и заселены казацкимъ войскомъ, получившимъ названіе войска Запорожскаго. Дабы ничто не мѣшало имъ постоянно быть готовыми къ отраженію непріятеля, рѣшили они оставаться навсегда неженатыми. Вотъ начало Запорожской Сѣчи, замѣнившей для Польши пограничную стражу со сторовы Турціи.

Что касается внутренняго устройства Казаковъ, то войска считались въ жилищахъ своихъ по околицамъ изъ одного селенія, и по куренямъ, изъ нѣсколькихъ вмѣстѣ селеній составленнымъ. Курени и околицы управлялись выбранными изъ нихъ Атаманами, которые вмѣстѣ были и судьями. По службѣ войско вѣдалось Хорунжими Повѣтовыми, которые собирали войска при началіи войны. Собравшіеся Казаки сами избирали изъ среды себя высшихъ и низшихъ чиновниковъ, обращающихся

послѣ похода въ простыхъ Казаковъ. Это подавало поводъ ко многимъ своевольствамъ и безпорядкамъ. Гетманъ Ружинскій, путешествовавшій въ молодые годы за границу и пріобрѣтшій основательныя свѣдѣнія въ военномъ дѣлѣ, замѣтилъ это неустройство и измѣнилъ прежній порядокъ вещей. Онъ учредилъ въ Малороссіи двадцать непремѣнныхъ казацкихъ полковъ, въ двѣ тысячи каждый, назвавъ ихъ по знатнѣйшимъ городамъ. Полки дѣлились на сотни и управлялись избранными на цѣлую жизнь изъ лучшихъ Казаковъ Полковниками, Сотниками и Старшинами полковыми и сотенными.

При Стефанѣ Баторіи и Гетманѣ Оедорѣ Богданѣ, Казаки удачно дѣйствовали противъ Турокъ, за что Правительство Польское дало войску новыя привилегіи, учредило особый Казацкій Судъ, а Гетману, имѣвшему только клейноды Польскіе (булаву или жезлъ повелителя и знамя съ гербомъ Бѣлаго Орла), дало клейноды Азіатскій, — бунчукъ, въ знакъ побѣды надъ Азіатскимъ народомъ. Для награды заслугъ товарищества, Король Баторій, «Монархъ, исполненный благоразумія, праводушія и всѣхъ превосходныхъ качествъ, санъ его украшающихъ», установилъ три степени Войсковыхъ Товарищей, присвоивъ каждой особыя права и преимущества, и подтвердилъ всѣ привилегіи, данныя Казакамъ его предшественниками.

Весь описанный бытъ Казаковъ Конисскій зналъ по преданію, и онъ говоритъ о немъ живо, наглядно; но когда переходитъ къ повѣствованію объ Уніи, въ которой онъ дѣйствовалъ, и послѣдствія которой не разъ имѣлъ случай испытать, слогъ его становится выраженіемъ души, преисполненной горестью отъ бѣдствій, постигшихъ его отечество. «Въ 1592 году избранъ Гетманомъ, изъ Есауловъ Генеральныхъ, заслуженный въ войскѣ Малороссійскомъ, природный Шляхтичъ Польскій, Федоръ Косинскій, и въ его время началась извѣстная

эпоха ужаса и губительства для обоихъ народовъ, Польскаго и Русскаго, — эпоха, умолченная по исторіямъ, или легко въ нихъ описанная, но которая, потрясши Польшу до самаго основанія и колебавши ее болѣе ста лѣтъ, низринула наконецъ въ бездну ничтожества, а народу Русскому, давши испить самую горестную чашу, каковую и во дни Нерова и Калигулы не всѣ Христіаны вкушали, преобразило его въ иной видъ и состояніе. Это значитъ Унія, выдуманная въ Римѣ Папою Климентомъ VIII, и принесенная какимъ-то Польской породы Прелатомъ Михаиломъ Кунинскимъ. Она явилась здѣсь въ лисей кожѣ, но съ волчьимъ горломъ». Созванъ былъ Соборъ въ Брестѣ-Литовскомъ, гдѣ Духовенству, за соединеніе съ Папою, были обѣщаны помѣстья, деньги и права. Многіе были прельщены этими обѣщаніями, другіе возражали противъ требованій Собора. «Соборнище оное, по многихъ словопреніяхъ и угрозахъ, не поколебавши сихъ столповъ Церкви, предало ихъ оскорбленію, и, урѣзавши имъ бороды, изгнало изъ сонмища своего, осудивъ на лишеніе сана и должностей». Гетманъ Косинскій принялъ дѣятельныя мѣры противъ распространенія Уніи, но сталъ первою жертвою за Православіе. По умерщвленіи его, Польское Правительство повелѣло Гетману Коронному занять Малороссію войсками Польскими, ввести во всѣ ея города гарнизоны и запретить строжайше Чинамъ и Казакамъ имѣть право на выборъ Гетмана, а Духовенству Русскому, возвратившемуся изъ Собора Брестскаго, подавать помощь къ обращенію церквей и народа въ Унію. Духовенство гремѣло посланіями противъ враговъ своихъ; Казаки избрали въ Гетманы Генеральнаго Есаула *Наливайку*. Онъ сталъ дѣйствовать еще открытѣе своего предшественника, и при немъ возгорѣлась война съ Поляками. Уніаты побѣждены, но чего не могли произвести мужествомъ, то сдѣлали хитростью. На Сеймъ Варшавскій, 1597 года, отправился

Гетманъ «не столько для Сейма, какъ ради принесенія Королю своему усерднѣйшаго почтенія и повиновенія, о которомъ онъ помышлялъ». Но измѣннически онъ взялъ съ своими товарищами подъ караулъ, безъ спросовъ и суженій выведенъ на площадь, и, какъ гонитель Вѣры Христіанской, посаженъ живой въ мѣднаго быка, котораго нѣсколько часовъ жгли малымъ огнемъ. Наконецъ тѣла замученныхъ въ томъ быкѣ сожжены въ пепелъ.

По убіеніи Наливайки и лучшихъ представителей Малороссіи, объявлена Унія, какъ господствующее Вѣроисповѣданіе. Въ слѣдствіе того, силою, угрозами и обѣщаніями обращали Духовенство и мірянъ въ Уніатовъ. Твердые въ Православіи, не хотѣвшіе измѣнить Вѣрѣ предковъ, подвергались всѣмъ возможнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Разскажемъ исторію этого бѣдственнаго времени словами самого Конисскаго. «Духовенство Римское, развѣзжавшее съ триумфомъ по Малой Россіи для надзора и понужденія къ Уніатству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати и болѣе человѣкъ въ цугъ. На прислуги сему Духовенству выбираемы были Поляками самыя краснѣйшія изъ дѣвицъ Русскихъ. Церкви не соглашавшихся на Унію прихожанъ отданы жидамъ въ аренду, и положена за всякую въ нихъ отправу денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ—отъ одного до четырехъ злотыхъ. Жиды, яко непримиримые враги Христіанства, сіи вселенскіе побродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбыточество, и тотчасъ ключи церковныя и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ Христіанской повиненъ Ктиторъ идти къ жидамъ, торжиться съ нимъ и, по важности отправки, платить за нее и выпросить ключи; а жидъ,

притомъ насмѣявшись довольно Богослуженію Христіанскому и перехуливши все Христіанами чтимое, называя его языческимъ или, по ихъ, Гойскимъ, приказывалъ Ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запасъ неотправлено». Всего этого было мало для Поляковъ: продаваемые предъ Воскресеніемъ Христовымъ на Пасху хлѣбы были подъ стражею Урядниковъ Польскихъ. Если покупатель имѣлъ на груди лоскутъ съ надписью «Уніатъ», то онъ покупалъ хлѣбъ свободно; въ противномъ случаѣ, онъ платилъ пошлину жиду, откупившему ее у Правительства и насмѣхавшемуся при этомъ случаѣ надъ самыми великими и святыми догматами нашего ученія.

Провидѣніе никогда не оставляетъ человѣка въ годину бѣдствій. Оно не позабыло про Малороссію, угнетенную столькими несчастіями, и послало ей избавителя въ великомъ Зиновіи или Богданѣ Хмѣльницкомъ. Зиновій, сынъ Михаила Хмѣльницкаго, въ юности своей былъ въ плѣну у Турокъ, потомъ воспитывался въ Варшавѣ и отличался прекрасными качествами ума и сердца. Въ душѣ его, конечно, давно уже была мысль объ улучшеніи участи Отечества, но онъ ждалъ случая и готовилъ средства. Народъ былъ готовъ къ возстанію. Гетманомъ въ Малороссіи былъ въ то время *Барабашъ*, приверженецъ Польши; но онъ, сознавая всю непрочность тиранніи, представилъ о семъ Королю Владиславу IV, который отвѣтилъ ему грамотою: «Поневажъ вы воины есте, и маєте у себе мушкеты и сабли, то что вамъ возбраняетъ стать за себя и за свою свободу? Ибо видно жребій вашъ таковъ, чтобы имѣть все отъ меча, и даже самую свободу; а я помогать вамъ не въ силахъ, обуеваемъ будучи партизанствомъ и ихъ факціями». Этотъ отвѣтъ былъ скрытъ Гетманомъ. Хмѣльницкій одинъ зналъ о немъ, и посредствомъ хитрости, похитивъ его у Гетмана, обнародовалъ. Эта искра воспламенила сердца,

давно приготовленныя обстоятельства къ возстанію. Казаки прикрыли Хмѣльницкаго шапками своими и провозгласили его своимъ Гетманомъ. Побѣды надъ врагами и исполненныя воодушевленія прокламаціи Хмѣльницкаго ободрили народъ. Что же задумалъ Хмѣльницкій? Хотѣлъ ли онъ отдѣлиться отъ Польши, чтобы стать самостоятельнымъ Государемъ? Былъ ли онъ просто бунтовщикъ, или управляло его поступками какое-нибудь высшее благородное побужденіе? По нашему мнѣнію, разгадки всѣхъ ихъ должно искать въ тѣхъ бѣдствіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ Хмѣльницкій былъ отъ самой колыбели, — въ Уніи съ ея гибельными послѣдствіями, и особенно въ любви къ родинѣ. Что онъ возставалъ противъ притѣснителей, противъ личныхъ враговъ его Отечества, а не Короля и Польши, видно изъ его писемъ, напечатанныхъ въ I томѣ Актовъ, издаваемыхъ «Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ Кіевскихъ» (1845, Кіевъ), гдѣ онъ не разъ говоритъ: «Всемогущій Богъ свидѣтель, что мы тяжкими бѣдствіями и неволею нашею вынуждены были оскорбить достоинство вашихъ милостей, Пановъ нашихъ милостивыхъ. Виною тому были два лица, именно Павъ Хорунжій Коронный и Князь Вишнявецкій» (Отд. 3, стр. 307 — 308). Сколько разъ Казаки ни просили Короля обратить вниманіе на ихъ положеніе, улучшить его: все было безуспѣшно. Оружіе освободило вольный народъ. Конисскій совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, основаннымъ на достовѣрныхъ документахъ.

Покоривъ себѣ главные города Литвы и Польши и побывавъ въ Кіевѣ, Хмѣльницкій видѣлъ, что дружина Казацкая, по самому своему географическому положенію, не можетъ остаться самостоятельною, и понималъ, что просить помощи и получить ее не стыдно только отъ Бѣлаго Царя, Православнаго, Русскаго, Алексія Михайловича. Онъ убѣждалъ Царя двинуть войска свои на

Смоленскъ и при помощи Казаковъ отобрать у Польши отторгнутыя ею отъ Россіи земли. Государь поблагодарилъ Хмѣльницкаго за участіе, принимаемое имъ въ судьбѣ единовѣрной и единоплеменной съ народомъ Малороссійскимъ Державы; но въ то же время велѣлъ объявить ему, что онъ одинъ не можетъ начать войны съ Польшею, если Казаки не соединятся тѣсными узами съ Россіею. Въ то же время Король Янъ Казимиръ отправилъ Посольство къ Хмѣльницкому, возбуждалъ его противъ Хана Крымскаго, Султана Турецкаго и Царя Русскаго, и обѣщалъ ему очень многое; но Посланникъ не могъ поколебать Гетмана. Онъ увѣдомилъ Царя Алексія Михайловича о намѣреніи Польши и еще разъ просилъ его начать съ нею войну. Посланники Русскіе предложили Хмѣльницкому, чтобы онъ, съ народомъ и войскомъ, соединился съ Царствомъ Московскимъ на такихъ условіяхъ, какія имъ заблагоразсудятся, и что Царь готовъ признать его съ потомствомъ владѣтельнымъ Княземъ земли. Гетманъ отвѣчалъ, что Казаки—народъ вольный и что тогда только они согласятся признать надъ собою власть Россіи, когда увидятъ участіе въ судьбѣ ея: для этого необходимо Царю Алексію Михайловичу начать войну съ Польшею, для освобожденія Казаковъ. Когда Король узналъ объ этомъ, то повелѣлъ всему народу вооружиться противъ Малороссіи и ея Гетмана.

Іюня 17 въ Среду 1649 года есть день, который долженъ быть всегда достопамятнымъ всякому Малороссу: онъ есть рѣшитель освобожденія народа Русскаго отъ ига Польскаго, и въ немъ положенъ камень основанія новой эпохи этого народа. Послѣ битвы при Збаржѣ, гдѣ Поляки были разбиты, Король приказалъ просить мира у Хмѣльницкаго, который заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) народъ Русскій становится самобытнымъ; 2) между Польшею и Малороссіею прерывается всякая вражда; 3) Правители избираются на-

родомъ, 4) Церковь Каѳолическая Русская, или Греческая, сравнена въ своихъ правахъ съ Римско-Католическою; 5) опредѣляются границы Малороссіи; 6) Гетманъ избирается войскомъ изъ среды его; 7) установлены между двумя враждовавшими Державами миръ и тишина «вѣчные и незрадливые, подъ клятвою анаѳемы и аѳемы, нарушителя и зрадцы людскаго». Этотъ трактатъ Зборовскій былъ празднованъ во всей Малороссіи, и въ 1650 году прибыли къ Хмѣльницкому Послы всѣхъ сосѣднихъ Державъ съ поздравленіями и предложеніемъ союза и покровительства своего Государя. Гетманъ, понимая, что необходимо соединиться съ какою-нибудь Державою, предложилъ это войску, которое на что-нибудь должно было рѣшиться, потому что Поляки нарушили миръ и начали войну съ Малороссіею. По счастливомъ ея окончаніи, войско и Гетманъ рѣшились соединиться навсегда съ Россіею, какъ Державою, не разъ показавшею участіе въ судьбѣ Малороссіи. Царь Алексій Михайловичъ на адрессъ Гетмана отвѣчалъ благосклонно и отправилъ своихъ Пословъ для заключенія союза. Главныя условія его слѣдующія: 1) «Казакамъ пребывать на всѣхъ прежнихъ договорахъ и пактахъ, заключенныхъ съ Польшею и Литвою и утвержденныхъ привилегіями Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ, и по нимъ пользоваться всѣми преимуществами и свободами вѣчно и безъ всякой отмѣны; 2) собственность всѣхъ родовъ должна быть охраняема правами ихъ стародавними Русскими, Литовскими называемыми, и 3) въ дѣла ихъ и судилища никто другой мѣшаться не долженъ, а сами они судиться и управляться между собою должны по своимъ правамъ и своимъ, избраннымъ изъ себя, судьями и начальниками». Царь одарилъ войско помѣстьями и разнаго рода наградами, что болѣе и болѣе связывало двѣ части Россіи, бывшія такъ долго разъединенными,

и соединившіяся наконецъ именно въ слѣдствіе сознанія первоначальнаго единства.

Соединеніе это вызвало другія Державы на вражду съ Малороссією, которая не разъ доходила до войны. Хмѣльницкій умѣлъ всѣмъ противостать и унесъ въ могилу преданность къ Русскому престолу и любовь къ родинѣ. Умирая, онъ созвалъ Начальниковъ войска и знатнѣйшихъ Казаковъ, и совѣтовалъ имъ единодушно и вѣрно служить Россіи. «А я»—продолжалъ Хмѣльницкій—«благодарю васъ, братія, и за послушаніе мнѣ въ войнахъ, и за свое Гетманство. Благодарю за тѣ достоинства, которыми вы меня почтили, и за ту довѣренность, которую вы мнѣ всегда оказывали! Возвращаю вамъ всѣ знаки и клейноды, достоинство и власть оную означающіе, и прошу васъ простить меня, въ чемъ я, яко человѣкъ, кому-либо изъ васъ погрѣшилъ или кого огорчилъ. Намѣренія мои объ общемъ благѣ были чистосердечны и истинны, и я всего себя посвящалъ Отечеству, не щадя здоровья своего и самой жизни. Но каждому угождать не возродился еще никто изъ человѣкъ. И такъ, въ разсужденіи общаго добра, позвольте еще попросить васъ сдѣлать мнѣ послѣднее удовольствіе: изберите себѣ Гетмана при моей жизни, которому бъ я могъ открыть нужныя тайны и дать полезныя совѣты въ правленіи. А какъ въ нынѣшнее критическое время надобенъ въ Гетманы самый искусный, мужественный и опытный человѣкъ, то я представляю вамъ таковыми Полковниковъ, Переяславскаго Тетерю и Полтавскаго Пушкаренка, да писаря Генеральнаго Виговскаго. Изъ нихъ изберите вы одного, кого по общему совѣту заблагоразсудите». Чины и Казаки рыдали отъ рѣчей любимаго Гетмана и единогласно говорили: «кого изберемъ на мѣсто твое? и кто достоинъ наградить отеческія къ намъ заслуги твои и нашу въ тебѣ потерю? Сынъ твой Георгій да наслѣдуетъ мѣсто и достоинство твое!

Онъ одинъ пусть надъ нами начальствуетъ, и мы его избираемъ въ Гетманы. Окаянны, безсовѣстны и безстыдны были бы мы, если бы предпочли ему кого другаго, забывъ и презрѣвъ великія твои къ намъ благодѣянія и безпримѣрныя для Отечества подвиги». Хмѣльницкій отговаривался юностью своего сына и разстроеннымъ состояніемъ Малороссіи; но Казаки прикрыли его своими шапками и провозгласили его Гетманомъ.

Польша видѣла въ Юріи Хмѣльницкомъ орудіе своей политики и убѣждала его соединиться съ нею. Она дѣйствовала чрезъ Гетманскаго опекуна и Генеральнаго Писаря Виговскаго, природнаго Поляка, желавшаго быть Гетманомъ. Юрій склонился на сторону Польши, и съ небольшимъ отрядомъ войска, взявъ изъ скарба Малороссійскаго мильионъ талеровъ, уѣхалъ въ городъ Заславль. Здѣсь были предложены Гетману статьи соединенія съ Польшею; но Казаки, которымъ это должно было быть объявлено, отстали отъ Хмѣльницкаго и были имъ недовольны. Онъ бѣжалъ изъ Малороссіи въ Запорожскую Сѣчь, которая приняла Гетмана очень хорошо: потому что негодовала на Русскихъ, дразнившихъ ихъ презрительными названіями. Виговскій, между тѣмъ, донесъ Русскому Царю о намѣреніи Гетмана принять сторону Польши. Для изслѣдованія дѣла посланъ Бояринъ Хитровъ, который, будучи ослѣпленъ подарками Виговскаго, по повелѣнію Царя, сдѣлалъ его Гетманомъ, не смотря на всѣ возраженія, противъ такого выбора, Полковника Пушкаренка. Но скоро Виговскій объявилъ свое соединеніе съ Польшею, противъ чего возстали Казаки и пристали къ Пушкаренку; когда же онъ палъ въ битвѣ съ Поляками, то Русское Правительство прислало въ Малороссію Боярина Ромодановскаго и велѣло избрать новаго Гетмана. Этому достоинства снова домогался Юрій Хмѣльницкій и получилъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что «намѣренъ держаться союза

и соединенія съ Царемъ Московскимъ», и выгналъ изъ Малороссіи Поляковъ, Выговскимъ въ нее наведенныхъ. Поляки выступили противъ Гетмана, которому Царь прислалъ на помощь Боярина Шереметева. Все шло удачно; но при раздѣлѣ военной добычи полководцы поссорились, и Гетманъ послалъ къ Царю жалобу на Шереметева и на его войско, которое называло Казаковъ *хохлами* и другими именами, не смотря на то, что они народъ вольный. Царь отвѣчалъ «что всякая шутка или насмѣшка суть вздоръ и бредъ, не стоящіе алтына». Хмѣльницкій за то объявилъ себя союзникомъ Поляковъ и Крымскихъ Татаръ; Казаки же лишили его Гетманскаго достоинства. Хмѣльницкій, въ 1662 году, напалъ на Казаковъ и Боярина Ромодановскаго, но былъ побѣжденъ и снова лишенъ своего достоинства. «Судьба Юрія Хмѣльницкаго» — говоритъ нашъ Историкъ — «странна, удивительна и превосходяща всѣ случайности: два раза избранъ былъ онъ Гетманомъ цѣлою націею и признавъ ею того достойнымъ; но два же раза лишился сего достоинства по интересамъ той же націи». Послѣ такихъ превратностей судьбы онъ удалился въ монастырь, но во время смутъ въ Малороссіи снова объявленъ Гетманомъ; наконецъ Крымскимъ Султаномъ сосланъ въ Бѣгородъ, потомъ въ Царьградъ, посаженъ въ Едикулъ, или семибашенный замокъ, и наконецъ умеръ пономаремъ въ одномъ Греческомъ монастырѣ. По смерти же его явилось пять самовольно назвавшихся Гетмановъ, избравшихъ себѣ покровительство трехъ Державъ: Россіи, Турціи и Польши. Наконецъ, послѣ долгихъ смутъ, Гетманомъ сдѣланъ Брюховецкій, который достигъ этого достоинства многими беззаконіями и старался поборами вознаградить сдѣланныя имъ для того издержки. Въ слѣдствіе сего другая партія, въ главѣ которой стоялъ Дорошенко, просила покровительства Польши. По обыкновенію произошла война и

Брюховецкій удержалъ за собою поле битвы. Послѣ сего онъ отправился къ Русскому Царю, которымъ былъ принятъ очень милостиво, и, подѣ вліяніемъ Русскаго Правительства, испросилъ у него позволенія ввести въ Малороссіи Воеводъ на томъ же основаніи, на какомъ они были въ Великороссіи. Они наводнили страну вольную, увеличили подати; народъ возстеналъ, и возмущеніе было неизбежно. Заднѣпровскій Гетманъ Дорошенко воспользовался такимъ положеніемъ дѣлъ и сталъ возбуждать народъ противъ Брюховецкаго, личнаго врага своего. Этотъ споръ, въ которомъ обѣ, враждовавшія изъ личныхъ интересовъ стороны признавали надъ собою покровительство то одной, то другой Державы, кончился наконецъ выборомъ въ Гетманы челоуѣка «честныхъ правилъ и хорошаго разсудка», «Асаула генеральнаго Многогрѣшнаго. Всю свою жизнь онъ провелъ въ войнѣ съ Дорошенкою», Гетманство и воинство котораго было не иное что, какъ великая разбойничья шайка», и умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвѣ. Преемникъ его Самойловичъ, вмѣстѣ съ Русскимъ Бояриномъ Ромодановскимъ, также долженъ былъ защищаться отъ Дорошенки до смерти послѣдняго.

При Царѣ Алексіи Михайловичѣ и преемникъ его Феодорѣ, Казаки были довольны своимъ положеніемъ. Если Малороссія почти непрерывно была обуреваема борьбою двухъ партій, если постоянно колебалась между сосѣдними Державами, принимая сторону то Россіи, то Польши, то Турціи, то это вражда междоусобная; Русское же Правительство посылало этой странѣ деньги, войска, чтобъ сіи внутреннія распри не были вредны для Государства. Въ правленіе трехъ Царей: Петра и Іоанна Алексіевичей и Софіи Алексіевны, Казаки подавали Россіи дѣятельную помощь въ войнѣ ея съ Польшею и Турціею. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ бытъ Малороссіи болѣе и болѣе проникала идея Самодержавія. Болѣе

другихъ понималъ цѣль Россіи, и болѣе другихъ отличался въ битвахъ противъ враговъ ея, человѣкъ въ высшей степени загадочный, Мазепа. Онъ всякаго рода хитростями получилъ Гетманское достоинство и былъ любимцемъ Петра Великаго. Въ описаніи всѣмъ извѣстной Исторіи этого Гетмана, Конисскій слѣдуетъ Вольтеру, о которомъ онъ самъ не разъ упоминаетъ; но и нашъ Историкъ не рѣшаетъ вопроса: что заставило Мазепу измѣнить Петру Великому? Властолюбіе ли, желаніе ли сдѣлаться самостоятельнымъ Государемъ, или месть за нанесенное ему Царемъ оскорбленіе, за пощечину? О послѣдней и онъ упоминаетъ.

Подробно описаны дѣйствія Карла XII противъ Польши, Давіи в Россіи, распоряженія Мазепы въ пользу Шведскаго Короля, неудовольствіе Казаковъ на Гетмана. Изъ этого Авторъ совершенно справедливо выводитъ, что помощь, подаваемая Карлу, была плодомъ личныхъ интересовъ Гетмана, а не дѣломъ всего народа. Это доказываетъ рѣчь Мазепы къ Казакамъ, которою онъ убѣждалъ ихъ принять сторону Швеціи, какъ самую безопасную. «Мы стоимъ теперь, братія, при двухъ пропастяхъ, готовыхъ насъ пожрать, ежели не изберемъ пути для себя надежнаго ихъ обойти». Петра Великаго онъ боялся, и потому не совѣтовалъ искать его покровительства: онъ отниметъ свободу у вольнаго народа. «Вамъ извѣстно, что за отреченіе мое въ замыслахъ его, разительныхъ для нашего отечества, выбить я по щекамъ».

Полтавское пораженіе Шведовъ тѣсными, кровавыми узами связали Карла и Мазепу: они скитались, нашедши пріютъ въ Турціи; душа Карла не знала покоя. Мазепа лишенъ Гетманскаго достоинства, замѣненъ Скоропадскимъ и проклятъ. По видимому, Малороссія должна бы успокоиться и отдохнуть; но судьба послала ей испытаніе въ лицѣ Меньшикова, который дѣлалъ все

на зло Казакамъ. Безпрестанныя налоги, пытки, убійства, наряды для копанія ливій и каналовъ болѣе и болѣе вооружали народъ противъ Правительства: онъ, побуждаемый къ тому Полуботкомъ и другими Старшинами, обратился въ Сенатъ съ просьбою объ уменьшеніи налоговъ, введенныхъ учрежденною въ Малороссіи Коллегіею, подъ предсѣдательствомъ Бригадира Вельяминова. Старшины схвачены, Тайная Канцелярія пытала ихъ самымъ жестокимъ образомъ и приговорила виновныхъ къ вѣчному заточенію и лишенію имѣнія ихъ.

Императоръ Петръ II благодѣтельствовалъ Малороссію; но, къ несчастію, жилъ онъ не долго. Въ Биронѣ она увидѣла для себя втораго Меншикова: для управленія страною учреждена Коллегія изъ трехъ чиновъ Велкороссійскихъ и трехъ Малороссійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Поручика, Сенатора и Кавалера Князя Шаховскаго. Кроткое правленіе дщери Петра Великаго Елисаветы было благодѣтельно для Малороссіи, удостоившейся ея посѣщенія и видѣвшей въ Государынѣ врача, старающагося излечить раны, нанесенныя странѣ прежними правителями. Подъ ея вліяніемъ сталъ Гетманомъ Малороссіи Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, честимый при Дворѣ, любимый народомъ и Правительствомъ. Императрица, въ слѣдствіе его ходатайства, уничтожила тягостныя сборы, наложенныя на народъ прежними правителями. Разумовскій, какъ бы отъ лица всего народа, подалъ Императрицѣ просьбу объ утвержденіи Гетманства въ его потомствѣ; но Казаки не хотѣли подписать ее, за что Гетманъ «отплатилъ имъ неудовольствіе самою жестокою сатирою: онъ въ просьбѣ аттестовалъ ихъ Монархинѣ самыми коварными, злостными и подлыми людьми, и тѣмъ поблагодарилъ ихъ за свое Гетманство».

При Императорѣ Петрѣ III и Императрицѣ Екатеринѣ II Малороссія во всѣхъ отношеніяхъ бо-

лѣе и болѣе сближалась съ Московскимъ Государствомъ. По увольненіи Гетмана Разумовскаго, въ 1765 году, вмѣсто правленія Гетманскаго, учреждена въ Малороссіи Коллегія, съ правами и преимуществами, равными съ другими Коллегіями. Судиться Казаки должны были по военному уставу, а не по мѣстному обычаю. Здѣсь кончается, и необходимо должна была кончиться, Исторія собственно Малороссіи: она сливается въ общую Исторію Россіи, какъ часть ея. Этимъ и Конисскій оканчиваетъ свое повѣствованіе.

Въ отдѣлѣ *Матеріаловъ иностранныхъ помѣщены слѣдующія статьи:*

1) *Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу, живущему въ Лондонѣ, соч. Коллинса.* Онъ жилъ девять лѣтъ при дворѣ Царя Алексія Михайловича, въ качествѣ врача, и имѣлъ случай наблюдать политику Русскаго Правительства. Въ письмахъ своихъ, Коллинсъ описываетъ все, что видѣлъ и слышалъ, и, разумѣется, тутъ много неосновательнаго, ни на чѣмъ не основаннаго и вымышленнаго. При всемъ томъ есть вѣрныя замѣчанія о бытѣ Духовенства, Бояръ, о Приказахъ и проч.

2) *Сравненіе законовъ Царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ, соч. Палацкаго.* Авторъ этой, въ высшей степени любопытной статьи прежде всего вычисляетъ древнѣйшіе и важнѣйшіе памятники Законодательства Славянскихъ племенъ, съ краткою Исторією каждаго изъ нихъ, и потомъ переходитъ къ изложенію содержанія Законника Сербскаго Царя Стефана Душана. Въ немъ излагаются права сословіи — Духовенства, Дворянъ, мѣщанъ и поселянъ. За тѣмъ Законодатель переходитъ къ изложенію законовъ «объ общей порукѣ». Она существовала у всѣхъ Славянскихъ племенъ, развивавшихъ по пре-

имуществу начало общинное, по которому цѣлая «околица» отвѣчаетъ за всякаго изъ своихъ Членовъ сообща, и ручается за все, что ни случается въ округѣ; а если не могли сыскать самого виновнаго, и представить его суду, то всѣ безъ исключенія обязываются платить за такое злодѣяніе положенное наказаніе. Этимъ обычаемъ объясняются положенія Русской правды о *дикой вирѣ*: «аще кто убіетъ Княжа мужа въ разбои, а головника не изыщутъ, то вирную платити во чіей же верви голова лежитъ». Изъ этого же общиннаго характера объясняется составъ древнихъ судовъ у Славянъ; кромѣ судьи, избираемаго иногда Правительствомъ, иногда народомъ, въ судѣ всегда было по крайней мѣрѣ двое «осадъ», т. е. депутатовъ отъ того сословія и изъ того мѣста, къ которому принадлежалъ подсудимый. Они должны были охранять интересы своего собрата и не давать его въ обиду. Въ случаѣ нужды, они были свидѣтелями, къ чему они были особенно способны: потому что знали тяжущагося, его образъ жизни, его отношенія и пр. Изъ этихъ-то народныхъ засѣдателей при судѣ образовались присяжные (поротцы), въ Русскихъ памятникахъ по буквальному переводу — цѣловальники. Число ихъ въ Сербіи было въ важныхъ случаяхъ 24, въ среднихъ 12 а въ малыхъ 6. Переводчикъ этой статьи, Г. Боянскій, по нашему мнѣнію, совершенно основательно видитъ въ нашихъ цѣловальникахъ и поротцахъ нашихъ Западныхъ собратій первые слѣды суда присяжныхъ, удержавшагося въ своей чистотѣ въ Англіи и перенесеннаго во Францію. При приведеніи тяжущихся въ присягѣ, у нихъ были помощники, очистители, избравшіеся также изъ одного съ подсудимымъ сословія, и были только свидѣтелями того, что присягающій говоритъ истину.

3) О Русскомъ Князѣ Ростиславѣ, отцѣ Чешской Королевы Кунгуты, и родѣ его, соч. Палацкаго. Чешскій Король Отокаръ II, примирившись въ 1260 году, послѣ

долгихъ и кровопролитныхъ споровъ и войнъ, съ Угорскимъ Дворомъ, скрѣпилъ новую пріязнь свою обрученіемъ съ Княжною Кунгutoю, внукою Бѣлы IV, Короля Угорскаго, на которой и женился 1261 года. Эта Кунгута была матерью Короля Вячеслава II и, слѣдовательно, непосредственною прародительницею всѣхъ послѣдующихъ Чешскихъ Государей и Домовъ Люксембургскаго, Польскаго и Австрійскаго до новѣйшаго времени. Вотъ почему Кунгута есть лице замѣчательное въ Чешской Исторіи, и отецъ ея, котораго Исторію изложилъ Г. Палацкій, есть Ростиславъ Михайловичъ, Князь Галицкій, изъ рода Черниговскихъ Князей, такъ-называемыхъ Олеговичей.

4) Въ статьѣ *О древне-Славянскихъ, именно Кирилловскихъ типографіяхъ въ Южно-Славянскихъ земляхъ и прилежащихъ имъ краяхъ*, — Шафарикъ исчисляетъ, въ какихъ городахъ и съ какого времени существовала типографія, и какія книги ею напечатаны.

5) *Винодольскій законъ 1280 года*. Это одно изъ древнѣйшихъ узаконеній Славянскихъ племенъ, принадлежатъ Хорватамъ и есть важное пособіе для Сравнительной Исторіи Славянскихъ Законодательствъ. Языкъ его древенъ и теменъ. Издатель, Г. Бодявскій, приложилъ къ нему объясненія и словарь.

Въ *Смѣси* заключаются слѣдующія статьи: 1) *Замѣтки о земляхъ Рязанскихъ*, Г. Макарова. Въ нихъ Авторъ исчисляетъ, какіе города, рѣки, зданія, чѣмъ-нибудь замѣчательныя въ Исторіи, находятся въ каждомъ округѣ. Тутъ много новаго для древней Русской Географіи. — 2) *О Сварогѣ, Богѣ языческихъ Славянъ*, Шафарика. Въ *Лѣтописи Дитмара*, Епископа Мерзебургскаго, упоминается языческій богъ «Zuagasicī». Прежніе изслѣдователи объясняли его, какъ однозначущее съ словомъ Святовидъ. Въ изданномъ Востоковымъ

описаніи Румянцевскаго Музеума, равно какъ въ Ипатьевской Лѣтописи упоминается названіе бога «Зварогъ». Шафарикъ, на основаніи различныхъ, приведенныхъ имъ свидѣтельствъ, считаетъ Зварога богомъ солнца и огня. — 3) *Достопамятности города Смоленска*, соч. Г. Мурзакевича. Авторъ исчисляетъ замѣчательнѣйшіе или по Исторіи, или по преданіямъ, или по Архитектурѣ званія, церкви, монастыри, урочища и пр. — 4) *Нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ жителей Нерехотскаго Уѣзда*, Г. Діева. Любопытны описанія, какъ въ Нерехтѣ проводятъ святки, масленицу, какъ празднуютъ свадьбу, именины, родины. «Свадебные пиры въ Нерехтѣ называются: а) *Рукобитье*: оно бываетъ въ домѣ невѣсты; съ обѣихъ сторонъ сюда собираются сродники. По выводѣ невѣсты и послѣ подписанія росписи приданого, отцы жениха и невѣсты бьютъ другъ у друга рука въ руку. б) *Пиръ съ козулею*, также въ домѣ невѣсты, называется такъ потому, что отъ жениха приносятъ невѣстѣ сладкій, большой пирогъ, называемый козулею, которую, разрѣзавъ на части, она разсылаетъ къ своимъ подругамъ. в) *Домъ смотрѣть*: пиръ сей бываетъ у жениха, при чемъ родители его показываютъ весь домъ и имѣніе новымъ сродникамъ. г) *Орѣхи*: это пиръ въ домѣ невѣсты и называется такъ потому, что женихъ, съ ближайшими сродниками, приносятъ въ большомъ количествѣ конфекты, коими одѣляетъ всѣхъ родственниковъ невѣсты и подругъ ея, которыя во время пира восхваляютъ въ пѣсняхъ добрыя качества жениха, свата и прочихъ гостей, если надѣляютъ ихъ щедро; а если скупо, то осмѣиваютъ. д) *Дѣвичникъ* — пиръ этотъ бываетъ наканунѣ брака». — 5) *Заглавный листъ въ Синодикъ*, Г. Дубенскаго. Въ древне-Русскомъ быту всякій, имѣвшій какое-нибудь состояніе, считалъ для себя обязанностью пожертвовать въ монастырь, церковь, часть своего имущества «для поминки души его и

его рода». Имена всѣхъ вкладчиковъ вписывались въ Синодикъ и прочитывались въ опредѣленные церковью дни. Въ Синодикѣ, разобранномъ Г. Дубянскимъ, опредѣлено: «какъ пѣть и кормить по всѣхъ умершихъ, а за живыхъ Бога молить». Особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто: «За тѣмъ Германъ устави́лъ, чтобы въ Синодикъ всеневный и вѣчный включались и тѣ, кто даетъ а) 50 рублей, село, деревню, или 20 рублей, по тѣхъ кормъ большій и дача, сколько уложатъ Игуменъ съ братією; б) кто вложитъ въ монастырь 15 рублей, 11, 5, менѣе пяти, рубль — у инаго взять и полтину и написать его въ вѣчный Синодикъ». Даянія велѣно записывать Игумну, Священникамъ и старцамъ.— 6) *Краткое описаніе Куликова поля*, Г. Тихомирова. Авторъ повѣрилъ на мѣстѣ вѣрность описанія Куликовской битвы въ географическомъ отношеніи. — 7) *Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ Славяно-Русской Библіографіи*, Г. Ундольскаго. Авторъ сперва излагаетъ Исторію Медвѣдева, какъ частнаго человѣка и Писателя, его споръ съ Лихудами, и потомъ переходитъ къ его «оглавленію книгъ, кто ихъ сложилъ». О существованіи ихъ зналъ Калайлодичъ, но, въ своемъ Экзархѣ Болгарскомъ, приписываетъ его Поликарпову. Г. Ундольскій основательно оспариваетъ это. Къ статьѣ этой приложены библіографическія замѣтки Медвѣдева, въ составленіи которыхъ замѣтны особенно трудъ, точность и умѣнье. При каждой книгѣ означенъ годъ изданія и выписаны начальныя слова цѣлой книги, частей и даже иногда главъ. Этотъ способъ составленія библіографій очень важенъ и даже необходимъ.— 8) *Грамота Царя Петра I къ Папѣ*. Царь посылалъ учиться военному искусству одного изъ лучшихъ своихъ сотрудниковъ, Бориса Петровича Шереметева, ближняго Боярина и Намѣстника Вятскаго, въ Римъ, Венецію и на Мальту, гдѣ жили славные Мальтійскіе Рыцари. Онъ проситъ Папу оказы-

вать Шереметеву покровительство и вспоможеніе. — 9) *Современная записка о сидѣвшихъ въ осаду Троицкаго-Сергіева монастыря, Г. Ундольскаго.* Она заключаетъ въ себѣ имена защитниковъ святыни противъ Поляковъ. — 10) *Іосифъ Тризна, Редакторъ Патерика Печерскаго* — его же. По общепринятому мнѣнію, получившему свое начало послѣ ученыхъ разсужденій Г. Кубарева о Патерикѣ полагали, что Патериковъ было три редакціи: первая Арсенія Тверскаго 1406 года, вторая неизвѣстная и третья Кассіановская 1462 года. Теперь открылась еще релакція, упредившая печатное изданіе Патерика 1661 года, Кіевопечерскаго Архимандрита Іосифа Тризны, занимавшаго эту должность послѣ Петра Могилы съ 1647 до 1656 года. Авторъ печисляетъ статьи, вошедшія въ составъ вновь открытаго изданія. — 11) *Краткая историческая записка о монастырѣ Русскомъ Св. Велико-мученика Пантелеймона, находящемся на Аѳонской горѣ, Г. Ундольскаго.* Она сообщена однимъ Русскимъ путешественникомъ и заключаетъ въ себѣ много любопытнаго о памятникѣ, который, по преданію, одолженъ своимъ существованіемъ Св. Владиміру и Ярославу. 12) *Нѣсколько историко-филологическихъ замѣтокъ къ Словарю Г. Линде по буквѣ К., Г. Макарова.* Авторъ дополняетъ трудъ знаменитаго Славянскаго Лексикографа тѣмъ, что къ общимъ значеніямъ словъ прибавляетъ мѣстныя, приводитъ пословицы и поговорки Малороссійскія, Бѣлорусскія и пр. Такое сличеніе необходимо и полезно. 13) *Сличеніе двухъ несудимыхъ грамотъ XV столѣтія, Г. Писарева-Иванчина.* Не смотря на то, что вторая явилась только 23 годами позднѣе первой, она въ отношеніи къ администраціи и судопроизводства стоитъ выше. — 14) *Историческія замѣтки.* Ст. I. Г. Бычкова. Въ своей небольшой статьѣ Авторъ сообщаетъ очень любопытное извѣстіе о Посадникѣ, существованія котораго никто не подозрѣвалъ, и имя котораго сохранилось въ

отрывкѣ изъ рукописи, неизвѣстной по своему содержанию. 15) *Списокъ и краткое содержаніе всѣхъ грамотъ и вообще всѣхъ бумагъ, заключающихъ въ себѣ сношенія Россіи съ Венеціанскою Республикою*, Г. Чижова. Это—перечень грамотъ, писанныхъ Русскими Государями въ Венецію, со временъ Царя Іоанна Васильевича до 1796 году, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они находятся въ Венеціанскомъ Государственномъ Архивѣ.—16) *Посланіе Елизарова монастыря Игумена Панфила*, Г. Дубенскаго. Оно заключаетъ въ себѣ очень важныя извѣстія о древнихъ языческихъ обрядахъ, объ игрищахъ нашихъ предковъ, и показываетъ, какъ ревностно Духовенство истребляло слѣды ихъ. Въ заключеніе помѣщены *Протоколы засѣданій Общества*.

Вотъ вкратцѣ содержаніе четырехъ вышедшихъ книжекъ «Чтеній Общества Исторіи и Древностей». Въ нихъ много и очень много любопытнаго; много брошено намековъ, много новыхъ свѣдѣній. Русскій Историкъ, Археологъ и Правовѣдъ должны благодарить Общество за этотъ драгоценный подарокъ, и желать, чтобъ и послѣдующія книжки заключали въ себѣ такое же обиліе статей.

А. Л.

Ученыя Записки, издаваемыя Императорскимъ Казанскимъ Университетомъ. Книжка I. Казань, въ Университетской тип., 1845. 166 стр., въ 8 д. л.

Предлежащая книжка «Ученыхъ Записокъ» содержитъ въ себѣ вторую часть сочиненія Г. Фатера «Argonautenzug» (Походъ Аргонавтовъ), съ первою частию котораго мы уже ознакомили читателей (*). Изложивъ

(*) См. Ж. М. В. Пр. Т. XLVII, Отд. VI, стр. 262.

въ первой части баснословныя сказанія о путешествіи Аргонавтовъ къ Калхиду, Авторъ переходитъ здѣсь къ достовѣрнымъ извѣстіямъ Грековъ о странахъ, составлявшихъ цѣль этого путешествія, чтобы пріобрѣсти, такимъ образомъ, твердую географическую почву для предполагаемаго имъ обозрѣнія дѣйствительной Исторіи этого края. По тщательнымъ изысканіямъ Автора оказывается, что страны, столь славныя въ баснословіи, на самомъ дѣлѣ почти вовсе были неизвѣстны Грекамъ до позднѣйшаго времени. Греки довольно рано утвердились при устьѣ Фазиса, въ Трапезунтѣ и Діоскуріи; но внутреннія страны Кавказа не сдѣлались чрезъ это для нихъ доступнѣе; ихъ свѣдѣнія, какъ кажется, не простирались далѣе самихъ этихъ колоній и ближайшихъ къ нимъ окрестностей. По крайней мѣрѣ, у древнѣйшихъ Греческихъ Историковъ мы находимъ о Кавказскомъ Краѣ только поверхностныя и скудныя извѣстія — и никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы подозрѣвать, что означенныя страны были болѣе извѣстны Грекамъ и лучше описаны въ какомъ-нибудь не дошедшемъ до насъ сочиненіи. Извѣстно, напротивъ, что армія Александра Великаго, достигнувъ Паропамиса, воображала, что видитъ предъ собою неприступныя высоты Кавказа, гдѣ прикованъ былъ Прометей: такъ ограниченны были географическія свѣдѣнія даже въ войскѣ всесвѣтнаго завоевателя. До временъ Помпея Великаго, ни Греческимъ, ни Римскимъ войскамъ не удалось проникнуть въ горы Кавказа; даже Персамъ до тѣхъ поръ страны эти не были подвластны. Только послѣ встрѣчи Римлянъ съ Митридатомъ Великимъ мы находимъ положительныя извѣстія, и именно у Стравона, который былъ, сверхъ того, уроженецъ изъ Каппадокіи. Но, кажется, и Стравону неизвѣстно было существованіе Лазовъ, и такимъ образомъ уже у Плинія мы встрѣчаемъ въ первый разъ дѣйствительное имя обитателей Колхиды. Съ сихъ поръ

извѣстія Писателей о Кавказѣ становятся подробнѣе и полнѣе; но здѣсь встрѣчается изслѣдователю новое затрудненіе — сообразить и согласить разнообразныя показанія, которыя часто противорѣчатъ другъ другу не только въ разсужденіи того, что необходимо подчинено перемѣнамъ съ теченіемъ времени, какъ напр. поселеніе и переселеніе различныхъ народовъ, возниканіе и упадокъ городовъ, но и въ разсужденіи неизмѣннаго положенія мѣстностей, какъ напр. рѣкъ у Арріана и Прокопія — Писателей, равно достойныхъ вѣроятія. Тѣмъ не менѣе Авторъ не только терпѣливо, но, можно сказать, съ одушевленіемъ собираетъ и сличаетъ извѣстія Греческихъ Писателей, въ томъ убѣжденіи, что сіи Писатели составляютъ обильнѣйшій, даже единственный источникъ свѣдѣній о Кавказѣ, какъ и обо всемъ почти древнемъ Востокѣ: «все, что можетъ быть почерпнуто изъ другихъ источниковъ, напр. изъ монетъ — по словамъ Автора — (см. Предисловіе, стр. VII) исчезаетъ въ сравненіи съ обиліемъ классическихъ источниковъ». Въ слѣдствіе того мы имѣемъ подробную «Топографію Кавказскихъ тѣснинъ» (*Topographie der kaukasischen Landenge*), сколько этотъ край извѣстенъ былъ Стравону, Плинію, Арріану, Прокопію и продолжателю его Агатіасу, съ прибавленіемъ отдѣльныхъ извѣстій изъ нѣкоторыхъ другихъ Писателей. Чтобы сдѣлать доступнѣе собранныя изъ означенныхъ Писателей извѣстія при общемъ географическомъ и этнографическомъ обзорѣ Кавказскаго Края по Греческимъ источникамъ, Авторъ исчисляетъ мѣстныя и народныя имена въ алфавитномъ порядкѣ, соблюдая правописаніе источниковъ, съ варіантами. Подлинность большей части этихъ именъ подтверждается самими ихъ звуками; но въ число ихъ вошли и названія чисто-мифологическія. Кромѣ того, Авторъ, въ этой части, еще разъ возвращается къ Греческой Мифологіи, и въ особенномъ отдѣлѣ излагаетъ сказанія о возвращеніи

Аргонавтовъ. По отношенію къ дѣйствительному состоянію разсматриваемаго края, эти сказанія имѣютъ цѣну, конечно, только съ отрицательной стороны; но здѣсь отрицательная сторона важнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Чѣмъ бѣднѣе и неудовлетворительнѣе достовѣрныя извѣстія, тѣмъ болѣе нужно знать границы между историческими данными и баснословіемъ. Но для характеристики самихъ Грековъ и ихъ Исторіографіи, мифологическія сказанія составляютъ неизбѣжный и вовсе небезплодный предметъ изслѣдованія. Когда распространеніе положительныхъ географическихъ свѣдѣній стало изблнчать сбивчивость народныхъ Греческихъ сказаній, Грекъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ очаровательныхъ вымысловъ, и по возможности старался согласить противорѣчія между произволомъ фантазіи и показаніями своихъ мореплавателей. Такимъ образомъ явился напр. географическій опытъ Тимагета, о которомъ упоминаетъ Аполлоній, и въ которомъ сплетеніе баснословія съ положительными свѣдѣніями очевидно. Народныя сказанія въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, также подвергались перемѣнамъ, и въ настоящемъ случаѣ Авторъ дѣлаетъ различіе между чистымъ, древнѣйшимъ сказаніемъ, какое онъ находитъ у такъ-называемаго Орфея, и между позднѣйшими его вариантами.

Мы не рѣшаемся представить подробностей этого отдѣла: они могутъ быть любопытны для Ученыхъ, спеціально занимающихся этимъ предметомъ. Болѣе общій интересъ труда Г. Фатера сосредоточивается на (обѣщаемой) третьей, исторической части, по отношенію къ которой доселѣ вышедшія части составляютъ только необходимое введеніе.

П. В.

DEUTSCHES Lesebuch FÜR DIE MITTLERE JUGEND, nebst einem erklärenden deutsch-russischen Wortregister (*Нѣмецкая Хрестоматія для дѣтей средняго возраста, съ Нѣмецко-Русскимъ реестромъ словъ*). St. Petersburg, Druck. der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1845. XII, 255 стр., въ 8 д. л.

GESCHICHTE DER DEUTSCHEN LITERATUR. Ein Lehr- und Lesebuch für weibliche Jugend, von Th. Oelsner, Lector an der Kaiserlichen Universität (*Исторія Нѣмецкой Литературы. Учебная книга для дѣвицъ, соч. О. Эльснера, Лектора при Императорскомъ Университетѣ*). St. Petersburg, gedruckt bei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1846. 118 стр., въ 8 д. л.

Обѣ эти книжки могутъ быть съ пользою употреблены при воспитаніи. Обѣ составлены Наставниками юношества, которымъ собственный опытъ внушилъ мысль о необходимости и способѣ ихъ составленія.

Нѣмецкая Хрестоматія назначена для дѣтей отъ осьми до одиннадцати лѣтъ, для которыхъ Нѣмецкій языкъ природный, равно и для тѣхъ Русскихъ дѣтей, которыя приобрѣли въ этомъ языкѣ нѣкоторыя свѣдѣнія. Для послѣднихъ чтеніе облегчено приложеннымъ въ концѣ книги реестромъ Нѣмецкихъ словъ каждой статьи съ Русскимъ переводомъ. Тѣмъ и другимъ «Хрестоматія» представляетъ не только пособіе для упражненія въ языкѣ, но и книгу легкаго и назидательнаго чтенія. Съ изученіемъ языка, по этому руководству, должно итти объ руку умственное развитіе. Содержаніе статей, принятыхъ въ Хрестоматію, удовлетворяетъ этой двойной цѣли: онѣ выбраны изъ сочиненій Нѣмецкихъ Писателей, издавна пользующихся уваженіемъ Германскихъ Педагоговъ. Вотъ часть именъ, встрѣченныхъ нами въ Хрестоматіи: Hagedorn, Gleim, Claudius, von Salis, Licht-

wer, Seume, Weisse, Scherer, Campe, Krummacher, Schmidt, Löhr, Krug, Rochow, Basedow, Pfeffel, Grimm, Seiler и пр. Приняты также не многія стихотворенія Гёльти, Уланда, Шиллера. При своемъ разнообразіи, о которомъ мы могли бы дать понятіе только полнымъ оглавленіемъ, всѣ статьи близки, и по предмету и по изложенію, къ понятію и опытамъ дѣтскаго возраста. Въ основаніе порядка статей принята постепенность, съ какою должно вести умственное развитіе дѣтей. «Хрестоматія» состоитъ изъ трехъ отдѣленій: первое назначено для дѣтей, получившихъ нѣкоторый навыкъ читать, и содержитъ чтеніе по преимуществу легкое и понятное; второе отдѣленіе имѣетъ цѣлю пробуждать и упражнять собственное размышленіе и соображеніе въ дѣтяхъ. Третье должно служить ступенью къ высшему умственному развитію. Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ встрѣчаются иногда одни и тѣ же или близкіе предметы; но опытный взглядъ замѣтитъ въ томъ и другомъ случаѣ особенную мѣру во взглядѣ на предметъ и въ изложеніи, хотя всѣ эти разницы заключаются въ границахъ дѣтскаго понятія и не кидаются въ глаза съ перваго взгляда. Яснѣе оказывается эта разница между отдѣленіями, если сравнишь ихъ заглавія и размотришь, что есть во второмъ или третьемъ, и чего нѣтъ въ предыдущихъ. Трудъ составленія подобной «Хрестоматіи» далеко не механической: онъ требуетъ педагогической опытности и тщательнаго вниманія къ произведеніямъ дѣтской Литературы. Касательно формы статей, въ «Хрестоматіи» есть стихи и проза, разговоры и повѣствованія, размышленія и краткія изрѣченія. Есть также прозаическія статьи съ стихотворнымъ размѣромъ и римою, или иногда съ аллитераціей. Эти статьи кажутся переложенными изъ стиховъ, хотя и проза можетъ иногда имѣть означенныя свойства, особенно въ пластическихъ картинахъ Природы и въ изображеніи ея дѣйствія на внѣшнія чувства. Для дѣ-

тей подобное теченіе рѣчи можетъ имѣть особенную прелесть.

Соединеніе заглавій разсматриваемыхъ нами сочиненій можетъ подать мысль о какой-нибудь связи или соприкосновеніи между ими въ воспитаніи. Нѣтъ, между этими двумя степенями дѣтскаго развитія остается большой промежутокъ, который наполняется школьнымъ изученіемъ многихъ предметовъ. Изученіе Исторіи Литературы касается той части воспитанія, за которою слѣдуетъ самостоятельное образованіе. Это показываетъ уже важность руководства, какое предлагаетъ намъ Г. Эльснеръ. Его Исторія Нѣмецкой Литературы, сообразно съ своимъ назначеніемъ— для дѣвицъ, имѣетъ свои особенныя свойства и границы. Авторъ справедливо полагаетъ цѣлю изученія Исторіи Литературы въ воспитаніи женщины не ученое образованіе, но нравственное и эстетическое; но столь же основательно почитаетъ необходимымъ «общій и сжатый очеркъ Исторіи Нѣмецкой Литературы, куда должно быть вплетено и все то, что можетъ пробуждать и оживлять чувство изящнаго и художественнаго — это *основаніе всякаго образованія*». Мы не совсѣмъ довольны отмѣченными курсивомъ выраженіями; но, удерживаясь отъ всякаго дальнѣйшаго замѣчанія, переходимъ къ содержанію самой книги.

Содержаніе «Исторіи Нѣмецкой Литературы» ограничено Авторомъ сообразно съ особеннымъ назначеніемъ его книги. Подъ Литературою здѣсь разумѣется собственно Изящная Литература въ прозѣ и стихахъ, или, нѣсколько обширнѣе, — «всѣ словесныя произведенія, которыя могутъ похвалиться изящною формой». Отъ этого зависитъ объемъ всего сочиненія по предмету. По отношенію ко времени, Авторъ излагаетъ Исторію Нѣмецкой Литературы во всей ея обширности. Открывая свое обозрѣніе «темными временами» Германской Исто-

ріи, Авторъ говоритъ о единствѣ корня и Азіатскомъ происхожденіи Германцевъ, и въ подтвержденіе указываетъ на народныя преданія, религіозныя обряды и т. п. Здѣсь забытъ только языкъ— самое твердое доказательство и единства и Азіатскаго происхожденія Германцевъ. Впрочемъ, это опущеніе одной изъ важныхъ заслугъ Германскихъ Лингвистовъ вознаграждается тѣмъ почтеніемъ, какое Авторъ, въ концѣ книги, старается внушить своимъ ученицамъ къ филологическимъ трудамъ Я. Гримма. Изображая въ краткихъ чертахъ характеръ, Мифологію и другія стороны жизни древнихъ Германцевъ, Авторъ весьма кстати замѣчаетъ о состояніи и значеніи женщинъ у Германцевъ. Всѣ эти свѣдѣнія могутъ пригодиться и для Исторіи Литературы; но читатель до сихъ поръ не видитъ еще перваго ея періода (означеннаго въ заглавіи этого отдѣленія), а только періодъ Германской Исторіи вообще. Единственными явленіями этого періода для Исторіи Литературы остаются во-первыхъ руны, то есть буковья палочки,— хотя и буквы, но не Литература,— и во-вторыхъ народныя пѣсни, которыя однакожь вовсе не дошли до насъ, и которыя притомъ, по мнѣнію Автора, «не могутъ имѣть никакихъ претензій на поэтическое достоинство».

Письменность Германцевъ начинается, по Автору, со втораго періода ихъ Литературы, переводомъ Евангелія на Готскій языкъ Епископомъ Ульфилою въ IV вѣкѣ. Съ сихъ поръ Исторія Литературы входитъ въ свою сферу, и Авторъ отчетливо обозначаетъ фазы и направленія Нѣмецкой Словесности, удачно «вплетая» (выраженіе Автора) иногда частныя черты и образцы словесныхъ произведеній, чтобы показать характеръ эпохи или Писателя. Отъ того отдѣла Нѣмецкой Словесности до XVII вѣка, не смотря на краткость, съ какою Авторъ съ намѣреніемъ излагаетъ его, какъ менѣе полезный для его читательницъ, является живѣе, чѣмъ

вся остальная часть Исторіи Литературы до нашего времени. Здѣсь же Авторъ не даетъ мѣста ни одному отрывку, по причинѣ необыкновеннаго богатства литературныхъ произведеній, которыя имѣютъ одинаковое право на эту честь. Впрочемъ, сухость есть неизбѣжный удѣлъ всѣхъ краткихъ обзорѣній обширныхъ предметовъ; но она не уменьшаетъ существеннаго значенія самаго очерка. Только книга, дѣйствительно, становится чрезъ это болѣе Lehr- als Lesebuch, какъ говорить и самъ Авторъ; то есть, ее полезнѣе вытвердить одинъ разъ навсегда, нежели по временамъ прочитывать. Книгу для чтенія, составленную изъ образцовыхъ произведеній Нѣмецкой Словесности, Авторъ общаетъ въ случаѣ благосклоннаго пріема настоящаго руководства. По нашему мнѣнію, подобная Хрестоматія можетъ быть съ успѣхомъ выдана въ свѣтъ, безъ всякихъ условій.

П. Б.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПЕРВОЕ ТРЕХМѢСЯЧІЕ 1846 ГОДА.

V. ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

По этому отдѣлу мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Поездка по Запорожскимъ урочищамъ*, А. А. Скальковского (Журн. М. Вн. Дѣль № 1); *Воспоминанія Оаддея Буларина* (Библ. для Чт. № 1); *Старинныя обычаи Индійцевъ и Китайцевъ* (ibid. № 2); *Новозеландскіе китоловы*, А. И. Бутакова (От. Зап. № 2); *Очеркъ Сѣверной Бѣлоруссіи*, Яна Барщевского (Иллюстр. № 10); *Симпатическія средства. Повѣрья, суевѣрья и предрасудки Русскаго народа*. Статья XI. В. Луганскаго (ibid. № 11); *Новый годъ у Грузинъ*, І. Романова (Кавк. № 3); *Масляница у Грузинъ* (ibid. № 6); *Дагестанъ 1811 года*, А. Б. (ibid. № 8); *Очерки Тифлиса. Уголья и Угольщики* (ibid. № 9); *Замѣчанія на статью: Законы и обычаи у Кабардинцевъ* (ibid. № 10, 11); *Объ отношеніяхъ крестьянъ къ владѣльцамъ у Черкесовъ* (ibid. № 9); *Описаніе Эчміадзинскаго монастыря и пяти округовъ Арменіи*, Петра Хицунова (ibid. № 12, 13); *Начало Февраля 1846 г. въ горахъ* (ibid. № 9); *Взглядъ на жизнь общественную и частную племенъ Черкесскихъ*. Извлече-

ніе изъ записокъ Николая Колюбакина (ibid. N° 11); *Торговая охота въ Талышахъ* (ibid. N° 13); *Женщины въ Лимъ* (Рус. Инв. N° 12); *Прибытіе корвета Алькмена къ Кохинхинскому берегу* (ibid. N° 15); *Кавказскіе народы* (ibid. N° 24); *Два недѣли въ Лондонѣ. Замѣтки путешественника* (ibid. N° 25); *Сообщеніе между Атлантическимъ и Тихимъ Океаномъ* (ibid. N° 30); *Прогулка по льдамъ Зунда* (ibid. N° 49, 50); *Упыри или вампиры, ихъ преступленія и наказанія, какимъ они подвергались* (Моск. Вѣд. N° 1); *Вольныя почты по Харьковскому тракту. Письмо проѣзжато помѣщика* (ibid. N° 3). *Орегонъ* (Сѣв. Пч. N° 5); *О вновь открытыхъ Г. Н. А. пристаняхъ на рѣкахъ Суль и Псіолъ и судоходствѣ по этимъ рѣкамъ* (ibid. N° 9); *Святки въ Псковской Губерніи. Изъ Псков. Губ. Вѣд.* (ibid. N° 14); *Посѣщеніе главнаго Бурятскаго храма на Гусиныхъ островахъ. Изъ Дневника Генералъ-Лейтенанта Барона Зедделера* (ibid. N° 23—25); *Красноярскъ, того же Автора* (ibid. N° 34); *Новый годъ у Рязанскихъ простолюдиновъ. Изъ Рязан. Губ. Вѣд.* (ibid. N° 27); *Парижскія письма, Н. Греча* (ibid. N° 46, 51, 57, 63, 70); *Плаваніе по Тарасъевкѣ и Ангари къ Удереискимъ золотымъ промысламъ. Изъ Дневника Генералъ-Лейтенанта Зедделера* (ibid. N° 50, 51); *Годъ въ Черномъ морѣ, Петра Зотова* (ibid. N° 56—58); *Англійская Индія* (ibid. N° 68).

— «Поѣздка по Запорожскимъ урочищамъ». — «Первое географическое замѣчаніе, сдѣланное нами при взглядѣ на мѣстность» — говоритъ Г. Скальковскій — было то, что «Новая Сѣчь» или «Послѣдній-Копѣ» Запорожцевъ основанъ былъ не на рѣкѣ Базавлукѣ, какъ мы и многіе другіе полагали, а весь расположенъ былъ на рѣчкѣ Подпольной, при сліяніи ея съ главною Днѣпровскою трубою и рукавами ея, образующими острова; съ Днѣпромъ соединяетъ ее одинъ рукавъ, называемый теперь рѣкою Сасиною, который

сливается съ другимъ, извѣстнымъ подъ названіемъ рѣчки Скарбой или Скарбницы. Съ сухаго пути, Сѣчь была доступна съ одной только стороны, и здѣсь находится довольно обширная площадь земли, вся изрытая и закиданная глиняными и кирпичными обломками; это, вѣроятно, слѣды «Крамнаго-Базара», то есть, предмѣстья, гдѣ для торговли позволялось жить не только людямъ, не принадлежащимъ къ войску, но даже иностранцамъ, жидамъ и женщинамъ. Это мѣсто отдѣляется собственно отъ «Коша» или «Сѣчи» валомъ и рвомъ, которыхъ остатки, замѣтные доселѣ, свидѣтельствуя, что они упирались обѣими концами въ дугу рѣчки Подпольной, составляющей родъ основанія всему полукружью Сѣчи. За валомъ все селеніе, находящееся между рвомъ и рѣкою, называется «городомъ» или «городкомъ»; тамъ находится и Покровская церковь. Поселяне, когда спросишь ихъ: гдѣ живетъ, на примѣръ, механикъ имѣнія? отвѣчаютъ: «нагородѣ» или «въ городкѣ». Этотъ древній образъ выраженія весьма замѣчателенъ. Въ-старину, слово «городокъ» означало то же, что и «городъ» въ Польшѣ, то есть, и укрѣпленную часть города, замокъ, и уголовное судилище, въ переносномъ смыслѣ. Слѣдственно, здѣшній «городъ» есть упомянутое въ рапортѣ Текелія, въ 1775 году, «Укрѣпленіе Кошей» или собственно Сѣчь. Эта часть подраздѣлялась еще, какъ видно, на другія укрѣпленія; родъ возвышенныхъ баттарей, съ Запада, которыя теперь заняты частью селенія, называются въ народѣ «окопами»; это бывшій Новосѣченскій-Ретраншаментъ, или цитадель Сѣчи,— пребываніе, съ 1734 года, Русскаго Коменданта и гарнизона изъ Ландмилицейскихъ полковъ. Съ Востока, Сѣчь раздѣлялась еще особымъ валомъ и рвомъ, которые проходили мимо церкви и упирались со всѣхъ сторонъ въ рѣчку Подпольную. Это доказываетъ справедливость разсказовъ Коржа, въ описаніи Сѣчи, что

церковь съ нѣкоторыми домиками Запорожскихъ пановъ (гдѣ жилъ и Кошевой), на случай набѣговъ непріятельскихъ, устроена была въ видѣ крѣпости и обставлена вокругъ пушками, расположенными на высокомъ земляномъ валу; и что, сверхъ того, «городокъ» со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ рѣкою Подпольною, такъ-что съ одной только стороны, сухопутьемъ, былъ небольшой въѣздъ, съ огромною башнею и часовыми на ней Казаками. У подошвы этого церковнаго окна видѣнъ полузасыпанный заливъ, закрытый отъ вѣтровъ лѣсными островами; онъ называется «уступомъ», и укрѣпленъ былъ прежде отъ обваловъ сваями. Это нѣкогда глубокій, а теперь совсѣмъ обмѣлѣвшій портъ Сѣчи, куда входили для стоянки Запорожскія лодки и иностранныя суда, подымавшіяся по Днѣпру съ моря. Остатки свай, обломки якорей и снастей видны доселѣ. Старой церкви Покрова-Божіей-Матери, построенной въ 1730 году, при самомъ основаніи Новой-Сѣчи, по благословенію Кіевского Митрополита Рафаила, уже нѣтъ. Новая Покровская церковь, построенная на той же площади, гдѣ стояла старая, имѣетъ весьма скромную наружность и обведена оградой изъ камня, оставшагося отъ прежнихъ строеній; только у праваго крилоса поставлены уцѣлѣвшія отъ стараго храма четыре «мѣста», деревянныя, украшенныя голубою рѣзьбою и живописью; у мѣстъ этихъ, Кошевой и Главная Старшина (Судья, Писарь и Эсаулъ войсковые, обыкновенно Казаки преклонныхъ уже лѣтъ) стояли во время слушанія Божественной Литургіи. Эти «мѣста» напомнили намъ также, что, по обычаю Запорожья, во время служенія, послѣ молитвы за здоровье Царскаго или Императорскаго Дома, поминались на эктеніи Кошевой и Старшина, и что во время чтенія Евангелія, все войско, по Польскому обычаю, обнажало до половины сабли, въ доказательство готовности защищать Вѣру свою и Церковь и словомъ

и дѣломъ, то есть оружіемъ. Другая любопытная древность есть рукописный «Ирмолой», то есть, собраніе священныхъ гимновъ съ нотами, украшенный самыми удивительными, въ родѣ видимыхъ на рукописяхъ Среднихъ вѣковъ, фигурами, флорессами и изображеніями людей и животныхъ. На листахъ помянутой книги нашли мы то же нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ, вѣроятно, Священниками. Въ одномъ мѣстѣ написано: «1763 года, мѣсяца Ноября противу 9 числа, была бура крѣпко сильна, что и верхи Сѣчевой церкви посвертало». Въ другомъ краткая замѣтка: «1792 года на Кубани Запорожцы сѣдали». Не такъ ли начинались и всѣ Лѣтописи въ Европѣ,— тѣмъ, что на Евангеліяхъ и мисселяхъ записывали первые Картуляріи или акты историческіе? По свидѣтельству нашихъ путеводителей, Покровскихъ стариковъ-погелянъ (то же говоритъ и Коржъ), вокругъ церкви, или, какъ это говорилось, «въ монастырѣ», были дома Кошеваго и Старшины. Но какіе дома — мелкія поселянскія избушки, сложенные прочно изъ рубленнаго лѣса, выбѣленные бѣлою глиною и съ грушевымъ или осоковымъ «сволокомъ» въ срединѣ, который составлялъ вмѣстѣ и украшеніе и поддержку потолка! Эти домики изготовлялись гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ Чигиринскихъ или Подольскихъ лѣсахъ, такимъ образомъ, что могли разбираться и удобно переноситься съ мѣста на мѣсто. Два изъ нихъ, уцѣлѣвшіе на площади послѣ «атакованія Сѣчи», сохранились донынѣ въ Покровскѣ, но стоятъ уже на другихъ мѣстахъ. Одинъ принадлежитъ теперь поселянину Абдуленкѣ (быть можетъ, перекрещенному изъ Татаръ Абдулаху). Онъ очень малъ, но построенъ прочно и правильно, дѣлится на двѣ избы съ чуланчиками, и на сволокѣ имѣетъ слѣдующую надпись, раздѣленную вырѣзаннымъ на деревѣ изображеніемъ креста, на двѣ части: «Божіимъ изволеніемъ и помощію, а стараніемъ Якими

Игнатовича, товарища куреня Вышестеблевскаго, созда-
ся домъ сей 1746 года мѣсяца Іюня 6 дня». Слѣдствен-
но, это бѣдная изба была достояніемъ и жилищемъ от-
личнаго и храбраго Кошеваго Атамана Якима Игнато-
вича, который правилъ войскомъ въ 1744, 1749, 1750
и 1751 годахъ. На дворѣ дома Покровскаго поселянина
Забутнаго показываютъ мѣсто погреба, теперь уже за-
киданнаго землею, гдѣ находилась войсковая «пушкар-
ня». По сказанію очевидцевъ, это былъ обширный под-
валъ, гдѣ, какъ мы знаемъ, хранилась войсковая «арма-
та», то есть, пушки и боевая аммуниція, в гдѣ помѣ-
щался «секвестръ», то есть войсковая тюрьма, въ кото-
рой прикованные къ пушкѣ преступники ожидали своей
участи». Изъ Покровскаго нашъ путешественникъ прибылъ
въ село Капуловку, гдѣ была «Старая Сѣчь», основанная
еще въ XVI ст., и о которой не имѣли рѣшительно
никакихъ свѣдѣній. То, что было собственно «Кошъ»,
расположено было здѣсь на островѣ, который со стороны
материка отдѣляется узкимъ рукавомъ Чортомлыка; а
на рукавѣ этомъ находимъ, быть можетъ, подъемный
мостъ или другой родъ укрѣпленнаго сообщенія. Остро-
вокъ этотъ и теперь поселяне называютъ Старою-Сѣчью,
и многіе изъ нихъ роютъ здѣсь, отыскивая клады. У
одного изъ этихъ крестьянъ купили мы нѣсколько
десятковъ найденныхъ тамъ серебряныхъ и мѣдныхъ
монетъ Петра Великаго, Іоанна Казимира, Турецкихъ
левовъ равно какъ малые слитки серебра, перегорѣвшаго
въ какомъ-нибудь пожарѣ, мѣлкія мѣдныя вещицы и
проч. Въ селеніи, по Чертомлыку, видны еще укрѣ-
пленія, имѣющія форму треугольника, обращеннаго осно-
ваніемъ къ крутому берегу этой рѣчки; Западная часть
вала укрѣплена особо, бастіонами и рвомъ. Это остатки
бывшаго «Старосѣченскаго-Ретраншементъ», который,
подобно Новосѣченскому, былъ занимаетъ Русскимъ
гарнизонъ изъ Ландмилицкихъ полковъ. Нѣко-

торые Историки, въ числѣ ихъ Маркевичъ и Бантышъ-Каменскій, упоминаютъ еще о «Никитинской Сѣчи», то есть о главномъ станѣ или Кошѣ Запорожья въ «Никитиномъ» или нынѣшнемъ Никополю. Всѣ наши распросы и розыски о ней не принесли никакого успѣха; здѣсь никто не слыхалъ объ этой Сѣчи, хотя почти всякій поселянинъ знаетъ про Сѣчи въ Покровскѣ, Капуловкѣ и на Мѣловомъ-Оврагѣ, у рѣчки Каменки. Мы знаемъ достоверно только то, что было издревле укрѣпленіе на «Никитинскомъ-Рогѣ», гдѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ Запорожцы имѣли свой важнѣйшій пограничный городокъ «Никитино» и «Никитинъ-Перевозъ на Крымскую сторону». До сихъ поръ въ Никополю укажутъ вамъ мѣсто, которое, какъ бы мысомъ, выходитъ на Днѣпръ, и откуда начинается переправа, и скажутъ, что это «Никитинъ-Рогъ». Скажемъ нѣсколько словъ еще объ одномъ замѣчательномъ историческомъ урочищѣ Новороссійскаго Края, именно о «Запорожскомъ Гардѣ». Слово «Гардъ, не знаемъ почему, въ Запорожѣ и нѣкоторыхъ мѣстахъ Украйны значило «рыбный заводъ» или «притонъ рыболововъ». Достоверно извѣстно только то, что на Бугѣ было и есть рыболовное урочище, называемое «Гардъ», которое принадлежало, въ теченіе трехъ столѣтій, Запорожцамъ, содержавшимъ тамъ одинъ изъ главнѣйшихъ своихъ военныхъ форпостовъ, называвшійся «Буго-Гардовою Поланкою». Повѣривъ на мѣстѣ показаніе Историковъ и «исчисленіе» зимовниковъ, по Запорожскимъ документамъ, съ указаніемъ картъ XVII столѣтія, мы убѣдились, что Буго-Гардовская Полянка находилась на устьѣ оврага, тоже Ташлыкомъ именуемаго (по причинѣ огромныхъ скалъ, по-Татарски «Ташъ»), въ двухъ верстахъ отъ упомянутой волости, между плавнями и скалами, украшающими здѣсь берега Буга и загораживающими его ложе. На это имѣемъ еще два другія доказательства. Къ

селу Богдановкѣ, основанному Князьями Полиньякѣ, въ 1790 году, на пожалованной имъ землѣ, и лежащему здѣсь съ другой стороны Буга, принадлежитъ рыболовный заводъ, именующійся доселѣ «Гардомъ», тогда какъ многочисленныя здѣсь другія рыбныя ловли не имѣютъ этого названія. На вопросъ нашъ у рыбаковъ, занимающихся преимущественно ловомъ «вырезуба» (какъ и въ Запорожское время), отъ чего произошло это названіе? получили мы въ отвѣтъ: «такъ давно его завутъ, а мабудъ и Запорожцы тутъ жили и рыбу себе ловили». Другое доказательство чисто географическое: на здѣшній перевозъ съ незапамятныхъ временъ направлена была извѣстная «Кучманская дорога», по которой шли всѣ обозы съ товарами въ Очаковъ или за солью въ Крымъ, а извѣстно, что эта переправа имѣла мѣсто въ Гардуна-Бугѣ».

— «Очеркъ Сѣверной Бѣлоруссіи». — Въ Полуденной сторонѣ озера Нещорды, близъ Полоцка, есть гора, съ трехъ сторонъ окруженная водою; на той горѣ маленькая деревянная церковь и нѣсколько сосенъ; тамъ часто находятъ въ пескѣ сглаженныя вѣками серебряныя монеты, стеклянныя вещи, служившія украшеніемъ, и перержавѣвшіе остатки древняго оружія. Рассказываютъ, что на этомъ полуостровѣ былъ нѣкогда городъ. Но чей городъ, кто имъ владѣлъ, неизвѣстно. Тамошній народъ, живущій въ дальнихъ окрестностяхъ, долго былъ безопасенъ отъ нападенія разныхъ кочевыхъ племенъ, блуждавшихъ въ тѣхъ странахъ для грабежа. Позже, страшный великанъ, съ титуломъ Князя, привлеченный къ берегамъ Нещорды надеждою богатой добычи, осадилъ этотъ городъ съ сильною ватагою своихъ удалцевъ, уничтожилъ слабую городскую дружину, ограбилъ дома, перебилъ жителей, въ церквахъ ободралъ образа и похитилъ жертвенные сосуды, даже разрушилъ церковь, а колокола потопилъ въ озерѣ, и съ сильною дру-

жиною остался на жительство въ опустошенномъ городѣ, но Богъ чудеснымъ образомъ явилъ кару свою святотатцамъ. Колокола, затопленные на днѣ озера, каждодневно, при закатѣ и восходѣ солнца, пробуждали глухое молчаніе на дикихъ берегахъ Нещорды, такъ что птицы, уstraшенные плачевнымъ гуломъ этого звона, улетали въ воздушныя пространства, а серны и лоси, дрожа отъ страха, укрывались въ отдаленныхъ борахъ. Въ полночь летала чума въ образѣ черной пули, и гдѣ касалась стѣны жилища, изъ того дома никто не выходилъ живымъ, и такимъ образомъ въ короткое время вымерла вся дружина Князя; самъ онъ, уstraшенный знаменіями, зарывъ всѣ богатства въ горѣ, ушелъ съ нѣсколькими спутниками, но недалеко за озеромъ постигла его смерть. Народъ и теперь указываетъ на огромный курганъ, который называется *Княжесей могилой*. Много и другихъ преданій кружится въ этихъ странахъ между жителями; многія изъ нихъ указываютъ на историческія происшествія, другія же болѣе составляютъ плодъ фантазіи и меланхолическаго духа, которымъ отличаются жители этихъ дикихъ и лѣсистыхъ окрестностей: отъ природы расположены они къ мрачнымъ мыслямъ и воображеніе ихъ создаетъ чудные образы. Бываютъ здѣсь иногда въ праздничные дни кермаши (ярмонка); народъ собирается изъ ближнихъ селеній въ церковь. Тамъ на кладбищѣ иногда можно увидать сцены, которыя наводятъ на душу невольную тоску. Пѣсни этого народа, по большей части, какъ въ мысляхъ, такъ и въ голосѣ заключаютъ что-то заунывное, и даже пѣсни свадебныя, въ которыхъ желаютъ новобрачнымъ счастливаго прожитья, проникнуты печальнымъ чувствомъ, — словно пѣвцы не довѣряютъ возможности счастья въ этой юдоли плача. (Авторъ переводитъ для образца одну изъ свадебныхъ Бѣлорусскихъ пѣсень, которую мы опускаемъ, не смотря на ея достоинства). Но свадебные обряды Бѣлорусцевъ носятъ харак-

теръ рыцарской отваги. Молодой женихъ, прежде чѣмъ явится на порогъ родителей своей нареченной, приучаетъ своего коня не бояться огня и бросаться въ пламя; приготовившись такимъ образомъ, когда собирается ѣхать къ своей невѣстѣ, онъ и дружка его надѣваютъ красныя шапки, вѣшаютъ на груди красныя платки и полотенцы и галопируютъ чрезъ горы до дому, гдѣ ихъ ожидаетъ молодая и собранные гости. У воротъ встрѣчаетъ ихъ пылающая огнемъ солома; женихъ и его дружка перескакиваютъ ее во всю лошадиную прыть, на смѣлыхъ коняхъ; но и послѣ этого бросаютъ въ глаза лошадямъ зажженные пучки соломы, не позволяя вѣхаться въ отворенныя настежь ворота; всадники преодолеваютъ всѣ препятствія, женихъ съ наклоненною головою входитъ въ хату и садится за столъ; раздается пѣснь: *Басловѣ Бохъ вяилъ играць*, и тогда начинается благословеніе новобрачныхъ и свадебный пиръ. — Бѣлоруссы, какъ и другія Славянскія племена, помнятъ еще свои нѣкоторыя мифологическія божества. Празднество *Купалы* извѣстно почти всѣмъ Славянскимъ племенамъ. Ночь *Купалы* въ этихъ странахъ Бѣлоруссіи полна чрезвычайныхъ событій; по мнѣнію народному, кажется, вся природа ликуетъ въ эту ночь. Рыбаки видають, что поверхность озера иногда бываетъ подернута матовымъ, какъ бы мѣсячнымъ блескомъ, и, не смотря на ясное небо и безвѣтріе, блистающія волны, ударяя въ берега, разсыпають чудесныя брызги, которые, какъ звѣзды, свѣтятся въ воздухѣ. Это прекрасное, чарующее зрѣлище на поросшихъ тростникомъ берегахъ пробуждаетъ дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ птицъ; прельщенные прекраснымъ свѣтомъ водъ, онѣ носятся въ различныхъ направленіяхъ надъ яснымъ озеромъ. Деревья въ лѣсахъ также переходятъ съ одного мѣста на другое и шумомъ своихъ вѣтвей разговариваютъ между собою; рассказываютъ, что кто-то, блуждая въ эту ночь по лѣсу,

нашелъ цвѣтъ папоротника, и видѣлъ не только скрытыя въ землѣ сокровища, но и дивы чрезвычайныя въ природѣ; понималъ языкъ каждаго творенія, слышалъ какъ дубы сходились съ разныхъ мѣстъ и, составляя кругъ, шелестомъ вѣтвей вели между собою бесѣду, какъ военные ветераны — припоминали богатырскіе подвиги и свои давнія заслуги. Тамъ собраніе липъ и березъ хвалилось своею правотою; между ими было нѣсколько классически подстриженныхъ и выпрямленныхъ деревъ: это гости изъ сосѣднихъ садовъ. Они рассказывали о качествахъ иныхъ дѣвушекъ и продѣлкахъ баричей, которыхъ не разъ были свидѣтелями; съ презрѣніемъ слушали этихъ кривотолковъ задумчивыя сосны и ели; видѣлъ также вербы и ивы, стоящія надъ рѣкою, которыя всматривались въ зеркало водъ, спрашивая одна у другой, что какой идетъ къ лицу, и эти чудеса дѣются вплоть до восхода солнца. Восходъ солнца, послѣ этой безсонной, праздничной ночи, бываетъ также особый. Толпа народная, веселящаяся въ полѣ, кончаетъ пѣсни и пляски и въ молчаніи обращаетъ глаза къ небу, поглядывая какъ бы на сцену, гдѣ въ вышинѣ, на алѣющемъ пространствѣ горизонта, должно вскорѣ явиться чрезвычайное зрѣлище. Восходитъ солнце, возносится надъ горами и передъ глазами всего народа разсыпается по небу въ маленькія искрометныя звѣздочки, снова сливается въ одинъ огненный шаръ, окружаетъ себя множествомъ радужныхъ колецъ и мелькаетъ въ срединѣ, кружась на своей оси. Это явленіе, по увѣренію народа, повторяется нѣсколько разъ, и такимъ образомъ, говорятъ, *солнце играетъ* ежегодно 24 Іюня.

— «Парижскія письма». — Содержаніе этихъ писемъ чрезвычайно разнообразно. Г. Гречъ описываетъ ежедневныя событія Парижа, не стѣсняясь ихъ разнообразіемъ и степенью относительной важности. Онъ передаетъ

свои впечатлѣнія во всей ихъ свѣжести; отъ этого его извѣстія всегда занимательны, хотя и не всѣ одинаково заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Сообщаемъ нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя мы нашли наиболѣе замѣчательными. Приводимъ нѣсколько словъ о состояніи книжной торговли въ Парижѣ. «Книжная торговля составляетъ значительную часть коммерціи Парижа, — Парижа, говорю, а не Франціи: потому что въ прочихъ городахъ Королевства она не значительна, за исключеніемъ Ліона и еще, можетъ быть, Страсбурга, снабжающаго книгами полу-Нѣмецкими полу-Нѣмецкія провинціи Франціи. Въ Парижѣ считается болѣе пятисотъ книгопродавцевъ, имѣющихъ особыя торговыя заведенія или магазины; въ остальной Франціи ихъ болѣе двухъ тысячъ. Число испечатаваемыхъ ежегодно листовъ колеблется нынѣ между 100 и 125 милліонами. Изъ числа книгъ, картъ, гравюръ, литографій, издаваемыхъ въ Парижѣ, вывозится за границу пятая часть. Книжная торговля почувствовала пагубное вліяніе переворотовъ въ 1830 году и съ того времени претерпѣла нѣсколько перемѣнъ въ своемъ направленіи и дѣйствіяхъ. Мода вдругъ возникала на какой-нибудь родъ Литературы и потомъ вдругъ пропадала, губя тѣхъ, которые, увлекаясь ея требованіями, не умѣли остановиться во время. Нынѣ существуетъ и продается только серьезная, ученая и учебная Литература: изящная и легкая поглощена журналами. Здѣсь господствуетъ хорошее обыкновеніе, котораго нѣтъ въ Германіи и въ другихъ странахъ: каждый значительный книгопродавецъ занимается особенною частью Литературы и Наукъ». Въ числѣ новыхъ книгъ Авторъ отмѣчаетъ сочиненія о чужихъ краяхъ и объ иностранныхъ Литературахъ. «Французы» — говоритъ онъ — «издавна и по справедливости отличались невѣжествомъ своимъ во всемъ, что происходитъ за предѣлами Рейна и Британскаго канала: нынѣ это невѣ-

жество нѣсколько прояснилось, но еще проскакиваетъ въ большей части книгъ, имѣющихъ предметомъ чужіе край». Впрочемъ, Г. Гречъ указываетъ изъ числа ихъ нѣкоторыя исключенія.

Въ № 63 Сѣв. Пч. Г. Гречъ, говоря о нынѣшнемъ устройствѣ и состояніи Факультетовъ Парижской Академіи и о лекціяхъ Профессоровъ, упоминаетъ о Г. Кипріанѣ Робертѣ, который занимаетъ нынѣ кафедру Славянской Литературы. Прочитавши извѣстіе Г. Греча, Русскому остается только сожалѣть, что Славянскій міръ до сихъ поръ не имѣетъ достойнаго посредника между имъ и Западною Европою.

Болѣе, чѣмъ любопытно извѣстіе о прѣвіяхъ касательно публичнаго обученія. «У насъ многіе воображаютъ»—говоритъ Г. Гречъ—«что образованіе и обученіе юношества находится во Франціи на высшей степени совершенства, что здѣшнія училища, ихъ Профессоры, ихъ методы, могутъ служить образцами. Увы! обученіе въ Гимназіяхъ (Collèges) скудное, одностороннее, поверхностное. Въ каждомъ классѣ нѣсколько учениковъ, три или четыре, бываютъ предметомъ особыхъ попеченій Профессора, и выдерживаютъ экзаменъ сочиненіемъ стиховъ Латинскихъ а даже Греческихъ; остальные выходятъ невѣждами въ большей или меньшей степени. Пансіоны, содержимые частными людьми, находятся, большею частію, въ самомъ жалкомъ положеніи. Нынѣшній Министръ, Г. Сальванди, прилагаетъ все свое стараніе объ исправленіи второстепенныхъ училищъ, но не можетъ преодолѣть препятствій, встрѣчающихся ему на каждомъ шагу, а между тѣмъ Духовенство и его приверженцы съ радостію смотрятъ на неуспѣхъ этихъ стараній, домогаются захватить народное воспитаніе въ свои руки. Достойно замѣчанія, что во Франціи не рѣшенъ вопросъ о пользѣ и необходимости изученія древнихъ языковъ: одни утверждаютъ, что оно есть

основа и жизнь всякаго образованія; другіе толкуютъ, что Греческій и Латинскій языки, отнимая у молодыхъ людей время, необходимое для изученія предметовъ общепользныхъ, не ведутъ ни къ чему. Кажется, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ опредѣленіемъ, въ какомъ званіи необходимы языки и древности. Богословъ, Медикъ, Юристъ, Профессоръ, занимающійся Философіею и высшею Словесностію, имѣютъ въ нихъ необходимую надобность; но воинъ, Гражданскій Чинovníкъ, Артистъ, купецъ, мастеровой могутъ очень хорошо прожить безъ нихъ. Если бы древніе языки были необходимы для изощренія ума вообще, не было бы столько умныхъ людей между военными, купцами и женщинами. Вопросъ о важности и необходимости классическаго ученія давно занимаетъ публику и журналы, и на сихъ дняхъ возникъ въ Академіи, гдѣ, кажется, не могло бы быть въ этомъ отношеніи двухъ мнѣній. Въ изслѣдованіи Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ, 12 Марта, Членъ ея, Г. Бланки, произнесъ, въ пользу практическаго обученія юношества, рѣчь весьма замѣчательную. Онъ предложилъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли общественное обученіе во Франціи общественнымъ пользамъ? и рѣшительно отвѣчалъ: нѣтъ». — «Ограничить всю дѣятельность юношества, сказалъ онъ, однимъ предметомъ обученія, сколь бы онъ важенъ ни былъ, значитъ систематически предуготовлять загроможденіе одного поприща чрезвычайнымъ множествомъ кандидатовъ, и лишать всѣ прочія части хорошихъ и полезныхъ дѣлателей. Въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей, обученіе въ общественныхъ заведеніяхъ ограничивается двумя мертвыми языками, и познаніе сихъ двухъ языковъ есть основаніе испытанія, которому подвергаются кандидаты, являющіеся для полученія самыхъ низкихъ должностей въ Государственномъ управленіи. Это единообразіе обученія кажется намъ несообразнымъ съ нуждами и

потребностями нашего времени. Мы имѣемъ надобность въ администраторахъ, въ руководителяхъ промышленности, а къ этимъ званіямъ у насъ нисколько не готовятъ молодыхъ людей. Наши увѣнчанные лаврами герои публичныхъ экзаменовъ, составляющіе великолѣпныя рѣчи изъ обрывковъ Тацита или Цицерона, не въ состояніи выдержать въ теченіе пяти минутъ разговора съ Нѣмецкимъ или Англійскимъ ремесленникомъ. Въ нашихъ училищахъ, среднихъ и высшихъ, нѣтъ курса Астрономіи, а какая Наука можетъ, подобно Астрономіи, возвысить душу нашу и преисполнить ее благоговѣніемъ къ премудрости Создателя Вселенной! Тысячи людей учатся предметамъ бесполезнымъ, и не имѣютъ понятія о самыхъ необходимыхъ. Эти безчисленные жертвы, отвергаемыя всѣми промышленными занятіями, въ которыхъ нашли бы честное существованіе, втираются въ казенную службу, ищутъ мѣстъ въ Департаментахъ и Канцеляріяхъ, и, томясь голодомъ въ званіи сверхкомплектныхъ Чиновниковъ, проклиная свою несчастную судьбу. Другіе, посмѣлѣе, становятся проповѣдниками мятежа, и возстаютъ противъ порядка дѣлъ, препятствующаго имъ однимъ шагомъ достигнуть высшихъ степеней въ Государствѣ. И какихъ искусныхъ, полезныхъ Естественныхъ Испытателей, Химиковъ, Механиковъ могъ бы сдѣлать Университетъ изъ этихъ площадныхъ крикуновъ, если бы только переимѣнилъ программу своего ученія». Г. Бланки доказалъ невѣжество большей части людей и самыхъ Ученыхъ въ предметахъ важныхъ и общепользныхъ самымъ разительнымъ образомъ. «Позвольте мнѣ, милостивые государи, доказать вамъ силу моего мнѣнія самыми простыми, но разительными доводами. Вотъ я сижу за простымъ столомъ, и вижу на столѣ и вокругъ стола болѣе пятидесяти вещей, которыя могутъ усладить насъ всѣхъ, и меня перваго. Вотъ стеклянный стаканъ, не Богемскій, но сдѣланный

на фабрикѣ Французскаго Общества, котораго существованіе связано съ любопытнѣйшими задачами Политической Экономіи. И сколько мыслей возбуждаетъ сахарная вода въ стаканѣ! Вспомнишь о спорѣ свекловицы съ сахарнымъ тростникомъ! Наше коммерческое мореходство, наши колоніи, наши сахарные заводы, наше земледѣліе, всѣ ихъ важныя выгоды заключаются въ этомъ стаканѣ сахарной воды. Въ числѣ всѣхъ побѣдителей въ академическихъ спорахъ, и между вами, сотоварищи мои знаменитые, есть ли одинъ человекъ, который могъ бы преслѣдовать мыслию долгій путь, совершенный шерстью этого сукна, покрывающаго столъ нашъ, отъ спины овцы до Палаты Института. Знаете ли, изъ какихъ веществъ состоялъ цвѣтъ его, нѣкогда зеленый, и теперь полинявшій! Знаете ли, по крайней мѣрѣ, какимъ образомъ готовятъ гусинья перья, которыми пишутъ столько умныхъ людей! Повѣрите ли, что изготовленіе чернилъ произвело цѣнность, которая въ нѣсколько милліоновъ важнѣе плода двадцати важныхъ открытій! Комната наша худо отапливается, не смотря на калориферы. Знаете ли почему! . . . Но пора остановиться. Наконецъ страшно станетъ, когда подумаешь, какіе мы невѣжды въ вещахъ самыхъ обыкновенныхъ!» Г. Бланки доказалъ потомъ невѣжество Французовъ въ современной Географіи и Статистикѣ, и заключилъ повтореніемъ своего мнѣнія, что публичное обученіе во Франціи должно быть преобразовано. Эта рѣчь подала поводъ къ жаркимъ спорамъ. Академія положила продолжать занятіе симъ важнымъ предметомъ въ будущемъ засѣданіи. Важнѣйшимъ противникомъ Г. Бланки былъ Кузенъ, переводчикъ Платона и бывшій Министръ Просвѣщенія.

VI. ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Русская Исторія пріобрѣла слѣдующія статьи: Историческое введеніе въ статистическое описаніе Бессарабской Области, А. А. Скальковскаго (Журн. М. Вн. Дѣлъ, № 2, 3); Обязанные крестьяне временъ Царя Михаила Ѳеодоровича (Москв. № 1); Письмо Дежурнаго Генерала 1-й Арміи П. А. Кикина къ Государственному Секретарю А. С. Шишкову о памятникъ войны 1812 года (ibid.); Взглядъ на прошедшее, Ѳедора Гляпки (ibid. № 2); Извѣстіе о первыхъ военныхъ школахъ, учрежденныхъ въ царствованіе Петра Великаго, П. Н. Глѣбова (От. Зап. № 2); Болгара (Иллюстр. № 4); Письмо Фельдмаршала Шереметева къ Петру Великому, Б. Ф. (ibid. № 6); Историческія замѣтки (Сѣв. Пч. № 11—13, 26—28); Воспоминанія о Графѣ Егорѣ Францовичѣ Канкринѣ, Николая Греча (ibid. № 14—16); Онежскій Крестный монастырь. Изъ Арх. Губ. Вѣд. (ibid. № 23); Церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа въ Полтавѣ, Ник. Семеновскаго (ibid. № 38); Матеріалы для Исторіи Князя П. Х. Витгенштейна (Рус. Инв. № 19, 20).

— Къ Исторіи Всеобщей и другихъ Государствъ относятся статьи: Кольбергъ, М. Заблоцкаго (Жур. М. Г. Им. № 3); Свидѣнія о древнихъ церквахъ и другихъ замѣчательныхъ зданіяхъ въ Лифляндіи (Журн. М. Вн. Дѣлъ, № 2); Османы. Изложеніе книги Ранке. А. С. Воронова (Совр. № 1, 2, 3); Сужденіе Шлоссера объ Англійскихъ Историкахъ: Робертсонъ, Юмъ и Гиббонъ, К. К. Герца (ibid. № 2, 3); Консульство и Имперія, соч. Тьера. Статья 8 (От. Зап. № 2); Древнія зданія въ Сѣверной Америкѣ, Б. Ф. (Иллюстр. № 11); Джаро-Белаканцы до XIX столѣтія (Кавк. № 2, 3); Монастырь Св. Давыда (ibid. № 7); Древній Генуэзскій храмъ въ укрѣпленіяхъ Дранды, С. Саблина (ibid. № 8);

Частная жизнь Грековъ. Изъ сочиненія Беккера: «Хариклестъ» (Сѣв. Пч. № 67—72); Христіанскій героизмъ *Кахетинской Царицы Кетевани* (ibid. № 49); *Армянскій Преображенскій монастырь близъ Нахичевани*, Н. Гербановскаго (Одес. Вѣстн. № 3).

—«Историческія замѣтки».—Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ помѣщены критическія замѣчанія, обнаруживающія въ Авторѣ основательное изученіе Отечественныхъ Древностей. Послѣ небольшого вступленія, въ которомъ Авторъ говоритъ о нынѣшнемъ направленіи историческихъ изслѣдованій, сообщается нѣсколько историческихъ давнихъ изъ «Паломника Новгородскаго Архіепископа Антонія», который, какъ узнаемъ мы изъ этой же статьи, привожденъ къ изданію Г. Сахаровымъ. Антоній былъ въ Константинополѣ въ 1200 году; но писалъ свои записки уже послѣ 1212 года, потому что онъ именуетъ себя въ нихъ Архіепископомъ. Въ Константинополѣ, въ Софійскомъ соборѣ, онъ видѣлъ золотое блюдо, принесенное въ даръ В. К. Ольгою. Это извѣстіе, по мнѣнію Автора, одно изъ лучшихъ опроверженій Западнаго сказанія о Посольствѣ Ольги къ Оттону. Антоній упоминаетъ также о Посольствѣ, бывшемъ въ Константинополѣ отъ Князя Волынскаго Романа Мстиславича. Объ этомъ молчатъ наши Лѣтописи, и сношеніе Волынскаго Князя съ Царградомъ извѣстно только по Византійскому источнику Никитѣ Хоніату. «Дождемся ли мы» — восклицаетъ Авторъ — «открытія нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Греками?» — Антоній говоритъ еще о церкви Бориса и Глѣба: безъ сомнѣнія, эта церковь, замѣчаетъ Авторъ, была построена въ Константинополѣ Русскими. Въ ней лежитъ блаженная Княгиня Ксенія Брячиславля — лице также еще не объясненное. Въ продолженіе своей статьи (Сѣв. Пч. № 12) Авторъ разсматриваетъ письмо Кн. Курбскаго къ Марку, и сообщаетъ извѣстія о лицахъ, о которыхъ упоминаетъ Курб-

скій, объ Артеміи, Іоасафѣ Бѣлобаевѣ, Князѣ Мих. Оболенскомъ. Замѣчанія Автора исправляютъ и пополняютъ объясненія Г. Устрялова (въ его изданіи «Сказаній Кн. Курбскаго»), показываютъ степень достовѣрности историческихъ сказаній Курбскаго, и бросаютъ свѣтъ на литературные труды того времени. Въ № 13 Авторъ рѣшаетъ вопросъ: кто былъ переводчикомъ «Твореній Іоанна Дамаскина», означенныхъ подъ № 193 въ «Описаніи Румянцевскаго Музеума». Вопреки Г. Востокову, Авторъ относитъ означенную рукопись не къ XVII, а къ XVI столѣтію, и, сообразивъ представляемые ею данныя, полагаетъ, что Андрей, упоминаемый въ рукописи, есть Андрей Михайловичъ Курбскій, и что новый Славянскій переводъ, составляющій часть рукописи, есть трудъ самого Курбскаго, а Литовско-Русскій принадлежитъ Князю М. А. Оболенскому. — Во второй статьѣ (№ 26 — 28), по поводу «Описанія Спасо-Прилуцкаго монастыря» Г. Саввантовымъ, Авторъ доказываетъ, на что должно обращать вниманіе при описаніи монастырей. Полагая, что замѣчанія Автора могутъ быть съ пользою приняты въ соображеніе при вышеозначенныхъ трудахъ, мы помѣщаемъ здѣсь существенное ихъ содержаніе.

Въ изложеніи событій, связанныхъ съ исторіею монастыря, Авторъ требуетъ, «чтобы въ нихъ было показано участіе отшельниковъ, ихъ сближеніе съ Великими Князьями и Царями, ихъ вліяніе на народъ, на весь край, гдѣ создана обитель».

«Въ описаніи топографическомъ, кромѣ исчисленія зданій, Критика требуетъ точнаго обозрѣнія всѣхъ мѣстъ, принадлежавшихъ до 1764 года монастырямъ. Писцовыя книги, жалованныя грамоты, дарственные и отказныя записи, купчія, кабальныя и закладные акты, должны быть обозрѣвы вполнѣ. Какой богатый запасъ для Русской топографіи находилъ въ нихъ Хоѡаковскій!

«Въ описаніи памятниковъ должны быть въ точности изучены Искусства и Художества. Такъ, въ обзорѣи колоколовъ, окладовъ, сосудовъ, кадилъ, чашъ, обозначатся разныя Искусства, наши и Византійскія. Въ иконахъ и стѣнномъ писаніи долженъ быть обозначенъ *пошибъ* (стиль) Русскій, или чей другой. Въ иконописаніи мы должны различать: письмо Греческое, Московское, Новгородское, Псковское, Устюжское, мѣстное монастырское и Фрязское. Для этого мы имѣемъ готовыя данныя, на основаніи которыхъ всякій можетъ съ достовѣрностію различать то или другое письмо.

«Не забудемъ надгробныхъ камней и синодиковъ. Они откроютъ намъ могилы великихъ людей, съ ихъ родами въ мужскомъ и женскомъ колѣнахъ. Въ монастырскихъ описяхъ и вкладахъ мы откроемъ участіе свѣтскихъ людей въ жизни монастырской.

«На ризахъ, покрывахъ, пеленахъ прочитаемъ надписи, и по нимъ обозначимъ наше швейное искусство, совершенно нынѣ забытое.

«Въ изслѣдованіи монастырскаго просвѣщенія должно извлечь изъ забвенія Писателей и переписчиковъ рукописей. Пора уже намъ перестать утѣшать себя словами: «уставъ, полууставъ, скоропись». Мы хотимъ знать, какой это уставъ: Новгородскій или Кіевскій? Какой это полууставъ: Московскій, Псковскій, Волынскій или Вологодскій? Какая эта скоропись: судебная или книжная? Если она книжная, то Московская ли, или Литовско-Русская, или Кіевская? Обозрѣніе библиотекъ не должно ограничиваться однимъ исчисленіемъ: столько-то книгъ, или указаніемъ на нѣкоторыя рукописи и печатныя книги. Подробный каталогъ необходимъ и рукописямъ и печатнымъ книгамъ. Не забудемъ приписокъ по листамъ и послѣсловій. Изъ приписокъ мы узнали о мѣстѣ кончины Авраамія Палицына. Въ росписяхъ Настоятелей желательно видѣть болѣе біографи-

ческихъ извѣстій: описатель долженъ видѣть въ нихъ людей и событія нашей Церковной Исторіи».

За тѣмъ Авторъ переходитъ къ «Описанію» Г. Саввантова, и находитъ, что означенное имъ и Авторомъ «Исторіи Іерархіи», время основанія Спасо-Прилуцкаго монастыря не достовѣрно. Главнымъ источникомъ объ основателѣ сего монастыря служитъ Житіе Св. Димитрія; но здѣсь, не смотря на подробности о жизни Святаго и основанныхъ имъ монастыряхъ, годы нигдѣ не означены. Откуда же взято извѣстіе, что Прилуцкій монастырь основанъ въ 1371 году? Въ библіотекѣ Академіи Наукъ есть рукопись: «Слова Ефрема Сирена», писанная въ 1377 году; въ это время, какъ видно изъ послѣсловія рукописи, Св. Димитрій былъ еще Игуменомъ Переяславскаго Никольскаго монастыря: какимъ же образомъ могъ онъ основать монастырь въ Вологдѣ въ 1371 году? Это извѣстіе исправляетъ еще ошибку въ «Исторіи Іерархіи». Время основанія Переяславскаго монастыря тамъ означено въ 1392 году и приписано Св. Димитрію. Между тѣмъ и самъ Святой былъ постриженъ въ монашество въ этомъ же монастырѣ еще до 1377 года и скончался въ Прилуцкомъ монастырѣ 1392 года. Вышеозначенная рукопись — замѣчаетъ Авторъ — есть актъ современный, вполне достойный нашего довѣрія.

— «Матеріалы для Исторіи Князя П. Х. Витгенштейна». — Помѣщая эти матеріалы въ Лит. Газетѣ, покойный Н. А. Полевой объявилъ, что онъ успѣлъ собрать богатый запасъ свѣдѣній о жизни и дѣяніяхъ нашего знаменитаго Полководца и между прочимъ получилъ отъ сына его Кн. Льва Петровича Витгенштейна всѣ хранившіеся у него документы. Покойный Полевой предполагалъ въ нынѣшнемъ году, «если допуститъ Провидѣніе», заняться сочиненіемъ полнаго жизнеописанія Князя Витгенштейна, которое должно было составить два тома. Для будущихъ Біографовъ отмѣчаемъ сообщенные

изъ собранія покойнаго документы, напечатанные сперва въ Лит. Газетѣ и потомъ перепечатанные въ Рус. Инвалидѣ. Числомъ ихъ десять. Первый изъ нихъ — записка Графа А. А. Аракчеева, при которой присланъ былъ къ Витгенштейну запечатанный пакетъ отъ Императора Александра въ началѣ Октября 1812 года. Въ слѣдствіе сей записки, Витгенштейнъ долженъ былъ распечатать пакетъ «при первомъ разбитіи непріятельскаго корпуса». Онъ взялъ Полоцкъ, среди горящихъ развалинъ его распечаталъ пакетъ, и нашелъ въ немъ Рескриптъ, коимъ возведенъ былъ въ чинъ Генерала отъ Кавалеріи (*статья вторая*). *Статья третья* есть собственноручное письмо къ Витгенштейну Императора Александра, показывающее, сколь вѣрнымъ почиталъ онъ, не только совершенное уничтоженіе армій Наполеона, но даже плѣнъ его самого, послѣ сдѣланныхъ общихъ распоряженій. *Четвертая и пятая* статьи касаются распоряженій Императора Александра объ уничтоженіи корпуса Макдональда, неисполненныхъ Витгенштейномъ. На требованіе объясненій, Витгенштейнъ отвѣчалъ добродушнымъ признаніемъ въ винѣ, хотя и не онъ былъ виноватъ. Собственноручное письмо Императора Александра объясняетъ причины, по коимъ, не довольствуясь отвѣтомъ, послалъ онъ къ Витгенштейну Полковника Эйхена требовать дальнѣйшихъ объясненій, и съ тѣмъ вмѣстѣ письмо сіе показываетъ нѣжность сердца и благодушіе Благословеннаго Александра. *Статья шестая* заключаетъ драгоцѣнныя собственноручныя строки, коими защитникъ Петрова Града спѣшилъ увѣдомить супругу свою о Клястицкой побѣдѣ. Писанное на-скоро, въ походѣ, можетъ быть на барабанѣ, подъ пушечными выстрѣлами, оно вполне выражаетъ характеръ Витгенштейна, дышитъ высокимъ краснорѣчіемъ простоты, и исполнено чувствъ благочестиваго упованія на Бога и нѣжной заботливости, съ какою старается успокоить супру-

гу, касательно кровавыхъ битвъ и опасностей, коимъ онъ тогда подвергался. Статья *седьмая* — письмо Кутузова, писанное послѣ Маккернского или Лейпкау-скаго сраженія, Марта 24, уничтожившаго покушеніе Французовъ на Берлинъ. Отрывокъ изъ него былъ помѣщенъ въ «Описаніи войны 1813 года», Г. Михайловскаго-Данилевскаго (изд. 2, Ч. I, стр. 98). Чрезъ двѣ недѣли не стало Кутузова! *Осьмая* статья есть собственноручное письмо Императрицы Елисаветы, любившей, уважавшей Витгенштейна до самой кончины своей, и бывшей Ангеломъ-утѣшителемъ и благодѣтельницею его и семейства его. *Девятая* статья — письмо отъ имени С. Петербургскаго Купеческаго Общества, при которомъ поднесенъ былъ защитнику Петрова Града подарокъ, на который куплено имъ было потомъ въ окрестностяхъ Петербурга село Дружноселье. Статья *десятая* объясняетъ высокую черту характера Витгенштейна. Послѣ спасенія Пскова его побѣдами, положено было Псковитянами воздвигнуть въ память сихъ побѣдъ церковь. Она построена была потомъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ. Получивъ о томъ извѣстіе, Витгенштейнъ, чуждый личнаго тщеславія, хотѣлъ, чтобы и его участіе было въ украшеніи храма. Онъ придумалъ къ тому трогательное средство, приславши въ церковь двѣ мѣдныя, въ черныхъ рамахъ доски, изъ коихъ на одной начертаны имена Генераловъ, Штабъ- и Оберъ-Офицеровъ изъ его корпуса, павшихъ за Отечество въ 1812 году, а на другой исчислена потеря нижнихъ чиновъ. Нѣсколько словъ въ концѣ обоихъ исчисленій показываютъ, что памятникъ сей воздвигнутъ Витгенштейномъ незабвеннымъ сподвижникамъ его и означено время его сооруженія (Юля 27, 1827 года). Воспоминаніе великихъ событій 1812 года, и жертвы, принесенной тогда Отечеству, не умирало въ сердцѣ героя, какъ память его никогда не умиреть въ сердцахъ Русскихъ.

— «Воспоминаніе о Графѣ Егорѣ Францовичѣ Канкринѣ». — Изъ этой біографіи мы представимъ очеркъ Государственной дѣятельности нашего знаменитаго Саво-вника; нѣкоторыя же изъ біографическихъ свѣдѣній мы надѣемся сообщить въ послѣдствіи (во второй книжкѣ Прибавленій къ Журн. М. Н. Пр.). 23 Апрѣля 1823 г. Е. Ф. Канкринъ былъ назначенъ Министромъ Финансовъ. Цѣлые томы можно наполнить обзорѣніемъ того, что онъ совершилъ на семъ обширномъ поприщѣ, по вну-шенію и поощренію великихъ, народолюбивыхъ Госу-дарей, обрѣтшихъ въ немъ человека, который вполне понималъ ихъ благія намѣренія, клонившіяся къ обога-щенію Россіи, къ употребленію въ пользу уже суще-ствующихъ средствъ ея, къ открытію и созданію новыхъ, къ увеличенію способовъ казны и къ облегченію повин-ностей подданныхъ, ко введенію въ семъ огромномъ управленіи единообразія, порядка отчетности и строгой честности. Преимущественно же обращалось вниманіе Правительства на покрытіе ежегоднаго бюджета расхо-довъ обыкновенными Государственными доходами (за исключеніемъ издержекъ, требуемыхъ веденіемъ войны). Казалось, всѣ возможныя препятствія и бѣдствія соста-вили между собою заговоръ, чтобы затруднить, остано-вить, разстроить ходъ нашихъ Финансовъ въ сіи двад-цать лѣтъ; не говоря уже о войнахъ, вспомнимъ о неслыханныхъ дотолѣ наводненіяхъ, о страшной по-вальной болѣзни, о нѣсколькихъ голодныхъ годахъ сря-ду. Всѣ сіи внезапныя и гибельныя происшествія угро-жали спокойствію, благоденствію и преуспѣванію Государ-ства. Наши Финансы вышли счастливо и блистательно изъ сего грознаго опыта, къ изумленію и досадѣ враговъ Россіи, къ вѣчной славѣ ея Правительства. Государ-ственный кредитъ утвердился на прочномъ основаніи: при первомъ мановеніи, несмѣтные капиталы Европы и Америки готовы были излиться въ наше Казначейство.

Преобразование монетной нашей системы, основаніемъ ея на металлической цѣнности, представляемой кредитными билетами, равноцѣнными золоту и серебру, значительно облегчило ходъ внутреннихъ сношеній и положило предѣлъ злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ лихоимства. Упроченіе и распространеніе дѣйствій различныхъ Банковъ открыло новыя средства внутренней торговли и промышленности. Внѣшняя торговля приняла развитіе дотолѣ невообразимое. Въ управленіи таможенною частью, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ сопряженномъ съ злоупотребленіями и мздоимствомъ, произошла удивительная перемѣна: доходы таможенные утроились, — и не новыми налогами, не усиленіемъ прежнихъ пошлинъ, а благоразумнымъ управленіемъ, обезпеченіемъ существованія таможенныхъ Чиновниковъ, облагороженіемъ сего рода службы и опредѣленіемъ въ нее людей честныхъ и образованныхъ. Строгое и праводушное исполненіе принятой однажды таможенной системы имѣло невыразимо благотѣльное вліяніе и на усиленіе народной промышленности, которой также было оказываемо всевозможное поощреніе. Всякія фабрики, мануфактуры и другія ремесленные заведенія возникли, процвѣли, распространились въ короткое время, и сняли съ Россіи иго зависимости отъ чужихъ краевъ, раскрыли богатство ея почвы и досужество ея жителей. Послѣ Тильзитскаго мира дорого заплатили мы за вѣлѣющую мысль, будто Россіи суждено быть исключительно страшною земледѣльческою: теперь никакія внѣшнія обстоятельства не могутъ привести насъ въ затрудненіе, какое испытали мы при тогдашнемъ прекращеніи ввоза иностранныхъ издѣлій. Горная часть обновилась свѣжею жизнію. Сибирь воспріяла справедливо данное ей въ древнія времена имя золотого дна. Гдѣ дотолѣ оскудѣвалъ пріискъ серебра, тамъ нынѣ явилось въ изобиліи самородное золото. Богатые пріиски и рудники драго-

цѣнныхъ и полезныхъ металловъ возникли тамъ, гдѣ прежде не было жилья человѣческаго, куда, какъ говорится, воронъ костей не занавивалъ. По нашему мнѣнію, это только преддверіе къ неистощимой сокровищницѣ, ожидающей трудолюбивыхъ и неутомимыхъ дѣлателей въ нѣдрахъ дальнихъ Сибирскихъ горъ, неразвѣданныхъ, нетронутыхъ, непосѣщенныхъ. Я не могу исчислить всего, что сдѣлано по различнымъ частямъ финансоваго управленія Россіи; указываю только на главное, болѣе поразительное въ его дѣйствіяхъ и успѣхахъ. Обогащеніе Финансовъ подало способы къ улучшенію, распространенію и усиленію всѣхъ прочихъ вѣтвей государственнаго древа. Во всѣхъ частяхъ службы гражданской и военной, административной и ученой, увеличено жалованье и содержаніе служащихъ; судьба отставныхъ, вдовъ и сиротъ обезпечена. Правительство, усиленіемъ своихъ средствъ, получило возможность начать и совершить важныя государственныя и ученые предпріятія, и ознаменовать внутреннюю силу и богатство юной Россіи умноженіемъ ея блеска и славы среди Государствъ Европы, красующихся образованіемъ многихъ вѣковъ. Всѣ исчисленныя нами дѣйствія и преобразованія по Министерству Финансовъ произведены не сухимъ, безотчетнымъ исполненіемъ уроковъ практики и навыка: все основывалось на правилахъ и указаніяхъ Науки и опыта вѣковъ и народовъ; во всемъ видна была строгая отчетливость. Министерство Финансовъ обнародованіемъ общепользныхъ изданій (Горнаго Журнала, Журнала Мануфактуръ и Внутренней Торговли, Коммерческой Газеты, Земледѣльческой Газеты, Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ Извѣстій, особаго Журнала въ Берлинѣ. Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, также подробныхъ отчетовъ по важнѣйшимъ частямъ своего управленія), знакомило и Россію, и чужіе края съ своими мѣрами, дѣйствіями, предположеніями и успѣхами, и

сѣяло въ Отечествѣ сѣмена общепользныхъ познаній и Искусствъ. Это было сдѣлано для современности; въ пользу будущаго времени учреждены были новыя учебныя заведенія, распространены и усовершенствованы прежнія, таковы: Горный, Лѣсной и Технологическій Институты, Училища Торговаго Мореплаванія, Горыгорѣцкая Земледѣльческая Школа, Лисинское Учебное Лѣсничество съ Егерскою Школою, рисовальныя школы мужескія и женскія, частныя училища въ горныхъ округахъ, и мн. др.; въ пользу ихъ изданы хорошія руководства и учебныя книги. Сверхъ того, для поощренія земледѣлія, мануфактурной и торговой промышленности, учреждены: Коммерческій и Мануфактурный Совѣты съ ихъ Комитетами и Корреспондентами, разныя общества, образцовыя фермы, и пр.

— «Кольберъ». — «Почти вся Исторія вѣка Людовика XIV заключается въ Исторіи Кольбера», сказалъ одинъ изъ Біографовъ великаго Министра. Судить о важности Министерства Финансовъ въ то время не лзя судить по настоящему его значенію: взиманіе налоговъ въ удовлетвореніе Государственныхъ потребностей тогда составляло только самую малую часть финансоваго управленія. Подъ непосредственною властію Короля, оно обнимало тогда самыя существенныя части законодательства: все, что имѣетъ вліяніе на государственный доходъ,— установленіе различнаго рода налоговъ и ихъ количество, направленіе источниковъ богатства, на которые они падаютъ, другими словами: распоряженія и законы, касающіеся земледѣлія, механическихъ искусствъ, торговли, однимъ словомъ, общаго благосостоянія страны, и слѣдовательно Архитектура, Изящныя Искусства всякаго рода, даже Изящная Словесность и Науки,— все это было въ зависимости отъ этого Министерства. Положеніе Королевства, въ особенности въ экономическомъ смыслѣ, при вступленіи Кольбера въ должность Генералъ-Контро-

лера, представляло самую печальную картину. Вся поземельная подать лежала на низшемъ классѣ, который, не имѣя въ своемъ владѣніи болѣе трети всей территоріи, долженъ былъ платить кромѣ того десятину и удовлетворять феодалнымъ правамъ, терпѣть грабительства отъ феодалныхъ владѣльцевъ и исполнять земскія повинности. Другое, не менѣе ужасное зло заключалось въ чрезмѣрномъ количествѣ должностей. Когда Валуа создали судебныя должности, то они продавали ихъ горожанамъ, какъ ихъ предшественники отдавали на феодалныхъ условіяхъ земли и замки Дворянству. Легисты и люди, занимавшіеся торговлею, явились искателями этихъ почетныхъ и прибыльныхъ должностей, и нашли выгоднымъ покупать ихъ даже за высокую цѣну. При Генрихѣ IV эти должности сдѣлались наследственными, при Людовикѣ XIII ихъ считалось во Франціи до сорока тысячъ. Всѣ части администраціи сдѣлались такимъ образомъ вотчиною, собственностію фамилій привилегированныхъ, купившихъ себѣ право дѣлать въ обществѣ все, и только для себя. Наконецъ, тогда какъ народъ обремененъ былъ тяжестію налоговъ, и Государство задолжало Чиновникамъ огромныя суммы жалованья, расточительностью, которою Мазаринъ старался привязывать къ себѣ нужныя ему лица, дополняла истощеніе казны. Въ такомъ положеніи Кольберъ нашелъ Францію, когда власть Короля призвала его къ спасительной дѣятельности. Бѣдствіе народа было извѣстно ему не по наслышкѣ: онъ познакомился съ нимъ, когда, еще въ низкой долѣ, пробѣгалъ Францію, движимый жаждою познаній. Изучивъ недостатки администраціи изъ осмнадцатилѣтняго участія въ дѣлахъ, Кольберъ прежде всего хотѣлъ поставить начала новой администраціи. Онъ уничтожилъ это множество независимыхъ начальниковъ, преобразовалъ ихъ отношенія, овладѣлъ движеніемъ всѣхъ административныхъ пружинъ и освѣтилъ

это движеніе учрежденіемъ Королевскаго Совѣта Финансовъ, составленнаго изъ людей самыхъ просвѣщенныхъ; создалъ Камеру Юстиціи для пересмотра домовъ и для ликвидаціи дѣйствительнаго долга казны. Ухищренія казенныхъ откупщиковъ тотчасъ обнаружились: часть Государственныхъ обязательствъ была уничтожена или сокращена, какъ составленныхъ хитростью и подлогомъ; казна вступила во владѣніе большаго числа похищенныхъ правъ и имуществъ; долги казнѣ доказаны и приняты мѣры къ обезпеченію ихъ; ложныя долговья претензіи уничтожены. Подати представляли тогда чрезвычайно неудобное смѣшеніе поземельнаго налога съ личнымъ, и распредѣлялись съ ужасною строгостью для бѣдныхъ и слѣпою снисходительностію для богатыхъ. Новый администраторъ старался установить пропорціональное равенство приведеніемъ въ лучшее состояніе кадастра; уничтожилъ всѣ незаконныя изъятія отъ почестей; установилъ формы и уменьшилъ издержки преслѣдованія. Руководствуясь примѣромъ Сюлли, онъ запретилъ брать и обращать въ продажу скотъ и всѣ земледѣльческія орудія. Наконецъ онъ успѣлъ низвести постепенно цифру обременительныхъ налоговъ отъ 56 до 33 милльоновъ, и доставилъ такимъ образомъ земледѣлію дохода 23 милльона, и, не смотря на важность этой уступки, онъ сохранилъ казнѣ почти тотъ же доходъ, возстановивъ всю часть дохода, уступленную или отчужденную по злоупотребленіямъ. Экономисты XVIII столѣтія ставили Кольберу въ упрекъ, что онъ покровительствовалъ механическимъ искусствамъ во вредъ земледѣлію. Неоспоримо, что Государство можетъ ограничиться ролью страны земледѣльской; но такое Государство никогда не будетъ могущественно. Пусть народъ бережетъ свои жатвы у себя, даже рискуя продать ихъ менѣе выгодно, и хранить ихъ для содержанія рабочихъ семействъ, которыя придутъ занять мѣсто на его территоріи возлѣ земле-

дѣльцевъ, увеличатъ такимъ образомъ населеніе безъ завоеваній, и составятъ прочное основаніе его силы и благоденствія. Вотъ начала Кольбера, и вотъ почему, не безпокоясь о нѣкоторомъ ослабленіи дѣятельности земледѣльца, онъ позволялъ вывозъ хлѣба только во время его избытка. Главная цѣль его состояла въ томъ, чтобы доставить возникающему населенію мануфактуръ дешевыя средства содержанія, и если онъ смотрѣлъ строже на земледѣліе, нежели на мануфактурную промышленность, то именно потому, что онъ понималъ, что существенная важность заключается въ земледѣліи. На немъ покоились всѣ его проекты улучшенія Франціи, и цѣпи, которыя онъ на него возложилъ, были знакомъ его уваженія, а не презрѣнія. Что же касается промышленности и торговли, то проникательность, съ какою Кольберъ понималъ и оживлялъ ихъ истинные интересы, внушаетъ удивленіе: онъ начерталъ урокъ будущимъ поколѣніямъ въ своей реформѣ системы таможенъ и косвенныхъ налоговъ. Чтобы выдержать борьбу съ существовавшимъ безпорядкомъ и злоупотребленіемъ, Кольберъ призвалъ на помощь своей опытности и гению самую торговлю. Онъ учредилъ особенный Совѣтъ, имѣвшій засѣданія каждыя двѣ недѣли подъ предсѣдательствомъ Короля, и пригласилъ негоціантовъ представлять непосредственно Королю о своихъ нуждахъ. Въ то же время онъ приложилъ стараніе о тщательномъ содержаніи путей сообщенія, провелъ новыя дороги и прорылъ каналы, между прочимъ каналъ Лангедокскій. Дабы отворить входъ на всесвѣтныя рынки торговому мореплаванію, онъ очистилъ Средиземное море отъ пиратовъ Алжира, Туниса и Триполи, назначилъ преміи каперамъ за покупку или построеніе судовъ, основалъ конторы въ главныхъ портахъ Леванта, даровалъ права порто-франко Марселю, преобразовалъ и усовершенствовалъ статуты Компаній Восточной и Западной Индіи, уничтожилъ

продажу Консульскихъ мѣстъ, чтобы предоставить ихъ опытности и уму; умножилъ число колоній и далъ имъ лучшее устройство; наконецъ предоставилъ привилегіи Дворянства людямъ, посвящавшимъ себя морской торговлѣ. Людовикъ XIV, присоединявшій свою ревность къ трудамъ неутомимаго Министра, не поколебался ввѣрить ему полномочіе въ дѣлѣ національнаго возрожденія. Въ 1665 и 1668 годахъ, онъ поручилъ ему создать морскую силу и возжечь свѣтильникъ Наукъ и Искусствъ. Быстро возникли арсеналы и верфи, лоцманскія и артиллерійскія училища. Французскій флагъ, до-толѣ почти неизвѣстный, занялъ почетное мѣсто между Европейскими флагами; болѣе 200 Королевскихъ судовъ вдругъ явились въ различныхъ портахъ и стали защитой возраждавшихся колоній Государства и новыхъ экспедицій. Памятникомъ заботливости Кольбера объ оживленіи просвѣщенія во Франціи остаются Академія Надписей и Словесности, Академія Наукъ, Обсерваторія, Ботаническій Садъ, Академія Живописи и Архитектуры. Власть Кольбера продолжалась въ сущности до 1670 года. Людовикъ XIV, увлеченный Лювуа, приманкою его плановъ завоеваній, вполнѣ ввѣрился этому новому Министру, и съ тѣхъ поръ первенствовалъ Военный Министръ, а не Министръ Финансовъ. Мало того, что Кольберъ впалъ въ немилость; на него возведено было обвиненіе въ похищеніяхъ, и онъ долженъ былъ представить Королю отчетъ о состояніи и происхожденіи своего имущества. 6 Сентября 1683 года, на 64 году отъ рожденія, пробилъ послѣдній часъ для Кольбера.

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

По этому отдѣлу мы встрѣтили статьи: *Преобра-
зованіе Англійской азбуки и изобрѣтеніе всеобщей
скорописной* (Москв. N° 1); *О терминологіи Русской*

Грамматики (От. Зап. № 3); *Краткая лѣтопись грамматической дѣятельности въ Россіи*, В. Половцова (Рус. Инв. № 31—33).

— «О терминологіи Русской Грамматики». — Подвергая разбору грамматическіе термины со стороны формы и значенія, Авторъ находитъ, что они или приняты въ переводѣ изъ Классической Грамматики, или составлены по образцу ея терминовъ, но въ томъ и другомъ случаѣ большею частію неудачно. Подобныя жалобы на сбивчивость или безобразіе терминовъ Грамматики уже не новостъ; не смотря на то, они остаются и, вѣроятно, долго будутъ оставаться, а это доказываетъ, что преобразование грамматической терминологіи вовсе не такъ необходимо, какъ можно подуматъ съ перваго взгляда на ея несовершенство. То, что приводитъ Авторъ въ подтвержденіе нужды преобразования, есть общее мѣсто, которое опровергается употребленіемъ условныхъ и техническихъ терминовъ въ самомъ общежитіи: не говоримъ уже о книжномъ языкѣ и о другихъ Наукахъ, кромѣ Грамматики, преподаваніе которыхъ не сопровождается жалобами на трудность, не смотря на множество условныхъ выраженій. Сверхъ того, можно ли надѣяться, что новая терминологія Грамматики будетъ ближе къ языку общежительному и понятною съ перваго взгляда, прежде логическаго опредѣленія и объясненія изъ примѣровъ? Мы полагаемъ, что термины Науки, по самому свойству послѣдней, до тѣхъ поръ должны казаться странными, покуда не распространены и не усвоены самыя понятія Науки, которыя всегда выше, утонченнѣе понятій, обыкновенныхъ въ общежитіи, и трудности преподаванія Грамматики скорѣе происходятъ съ этой стороны, чѣмъ отъ условныхъ терминовъ, которыя въ Грамматикѣ вовсе не многочисленны. Что же касается успѣховъ Грамматики въ самой себѣ, безъ отношенія къ педагогической практикѣ, то усовершен-

ствованія этой Науки не далеко уйдутъ впередъ, если будутъ начинаться съ такой внѣшней стороны, какъ терминологія. Изъ примѣра Германскихъ Филологовъ мы видимъ, что старинная терминологія не помѣшала ихъ успѣхамъ, напротивъ сама обогатилась въ слѣдствіе ихъ успѣховъ. Въ заключеніе статьи Авторъ замѣчаетъ, что въ нашей ученой терминологіи вообще любятъ окончанія: *іе, еніе, аніе, остъ, ство, ательный, ительный, и*, съ небольшими исключеніями, чуждаются причастій и общенародныхъ именъ и прилоговъ и пр. Мнѣніе Автора объ употребительности тѣхъ или другихъ основывается на его личномъ убѣжденіи, котораго развитіе не могло и войти въ предѣлы настоящей статьи. Поэтому можно бы и не упоминать объ этомъ замѣчаніи; но мы съ намѣреніемъ останавливаемся на немъ потому, что подробное развитіе мнѣнія Автора могло бы ввести его въ положительное, историческое изслѣдованіе вопросовъ Грамматики, которое, кромѣ своего собственнаго интереса, и въ приложеніи къ настоящему состоянію языка и Словесности, было бы гораздо полезнѣе, чѣмъ разборъ терминологіи, то есть споръ объ однихъ словахъ.

— «Краткая лѣтопись грамматической дѣятельности въ Россіи». — Заслуга этой статьи заключается въ томъ, что въ ней указаны всѣ Русскія Грамматики, и слѣдовательно приготовленъ матеріалъ для оцѣнки этой важной стороны нашего ученаго образованія.

VIII. ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ И КРИТИКА.

Въ отдѣлѣ Критики въ журналахъ обозрѣваемаго періода разсматривались новыя сочиненія: *Слова и рѣчи Митрополита Филарета Московскаго*, С. П. Шевыревымъ (Москв. № 1); *Сочиненія Державина*, Проф. Никитенкою (Библ. для Чт. № 1); *Замѣтки за грани-*

цею, Ф. П. Л., Проф. Никитенкою (ibid. N° 2) и неизвѣстнымъ Критикомъ (От. Зап. N° 2); *Бѣдные люди*, романъ Г. Достоевскаго, С. П. Шевыревымъ (Москв. N° 3); Проф. Никитенкою (Библ. для Чт. N° 3 и въ Отеч. Зап. N° 3). Современникъ представилъ по части Критики двѣ статьи: *Письмо Грабовскаго о сочиненіяхъ Гоголя* (N° 1) и *Отзывъ его же о сочиненіяхъ Пушкина* (N° 2).

— «Слова и Рѣчи Митрополита Филарета Московскаго». — Приступая къ содержанію этого важнаго явленія въ области нашего Церковнаго Краснорѣчія, Г. Шевыревъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія. «Въ то самое время» — говоритъ онъ — «какъ мы жалуемся на оскудѣніе нашей свѣтской Словесности, насъ утѣшаютъ богатыя явленія духовнаго слова. Отъ чего же изсякаетъ наше изящное свѣтское слово, и въ то же время такъ обильно льется слово духовное? Отъ того, что первое отторгло себя отъ источниковъ народныхъ, а другихъ не сыскало; второе же имѣетъ невидимый истокъ въ нашей древней жизни, которая была искони сосудомъ Вѣры. Духовенство наше, среди суеты прельщеній новой жизни, сохранило у себя то древнее и всегда свѣжее сокровище, откуда слово духовное истекаетъ. Вотъ почему оно неумолкаемо раздается для тѣхъ, которые хотятъ внимать ему. Главные представители нашей Церкви слѣдятъ за развитіемъ новой Россіи — и не пренебрегаютъ тѣми силами человѣческими, которыя раскрываетъ она на новомъ своемъ поприщѣ, для того, чтобы дѣйствовать ими въ пользу слова Божія. Замѣчательно это отношеніе между свѣтскою нашею Литературою и духовною.

«Былъ у насъ періодъ, когда господствовали картины воображенія въ нашей Поэзіи: ими не пренебрегало и Церковное слово, дѣйствуя на фантазію въ пользу духа, и облакая ея образы въ значеніе высшее, духовное. Былъ другой періодъ, когда Поэты увлекались

исключительно чувствомъ: чувству отозвалась и проповѣдь, растворяя его въ силѣ духа. Насталъ періодъ обладанія разума, и у представителей Церкви нашей готовы способы, чтобы разумомъ дѣйствовать на силу духовную Русскаго человѣка, — но разумомъ, облеченнымъ крѣпостью свыше. Въ отношеніи къ внѣшнимъ формамъ языка можно сказать то же самое. Русская проповѣдь усвоивала себѣ все внѣшнее совершенство языка въ современномъ его развитіи, но возносила его въ свою завѣтную сокровищницу, гдѣ наружный блескъ его превращался въ чистый свѣтъ духовный. Проповѣдники наши исполнили такимъ образомъ свою обязанность: ибо — скажемъ словами того изъ нихъ, который теперь своими твореніями подалъ намъ поводъ къ размышленію о Русскомъ проповѣдномъ словѣ вообще: «Истинный Пастырь, по образу Христову, долженъ употреблять всѣ возможныя усилія, чтобы знать своихъ овецъ и внутреннее ихъ состояніе». — За симъ Г. Шевыревъ переходитъ къ изложенію содержанія произведеній нашего знаменитаго Проповѣдника.

— «Сочиненія Державина». — Изъ представленнаго реестра статей видно, что наши первоклассные Писатели не перестаютъ занимать и критиковъ и читающую публику. Сочиненія Державина, послѣ многихъ сужденій и осужденій, нерѣдко весьма легкомысленныхъ, нынѣ, по поводу изданія ихъ книгопродавцемъ Штукинымъ (1845), подвергнуты Проф. Никитенкою новой оцѣнкѣ. «Для Державина» — говоритъ Критикъ — «Поэзія была, если не исключательно, то важнѣйшею задачею его жизни: потому что она составляла врожденную силу его души, способъ, какимъ онъ долженъ былъ осуществить свое нравственное назначеніе въ мірѣ. Еслибъ онъ родился въ такое время, когда для подобнаго призванія не существовало вовсе спеціальнаго поприща, онъ выразилъ бы преобладающій въ немъ элементъ въ

другой формѣ — онъ былъ бы Лирикомъ въ жизни, въ поступкахъ, можетъ быть увлекался бы здѣсь неясными порывами. Образованность, между прочимъ и тѣмъ важна, что она всякому истинному человѣческому призванію даетъ сферу, способъ и побужденія, и слѣдовательно, такъ сказать, творитъ дѣятелей для всѣхъ потребностей великаго нравственнаго міростроенія, для всѣхъ видовъ Исторіи. Бывъ однимъ изъ такихъ дѣятелей въ благороднѣйшей сферѣ, въ сферѣ Искусства, полный высокихъ вѣрованій и стремленій, внутренней силы и воспріимчивости, Державинъ, естественно, долженъ былъ войти въ живое сочувствіе съ жизнію, со всѣми лучшими интересами человѣчества, не отвлеченнаго, но дѣйствительнаго. Онъ не могъ быть только стихослагателемъ или исполнителемъ литературныхъ теорій, формалистомъ-Художникомъ, который думаетъ болѣе о слогѣ, завязкѣ и развязкѣ, чѣмъ объ идеяхъ и истинѣ. Этимъ однимъ уже онъ стоитъ высоко надъ современными ему Писателями, изъ которыхъ немногіе видѣли въ Литературѣ, въ Поэзіи, дѣло, силу общественную. Формалистическо-художественное направленіе было общимъ въ тогдашней нашей Литературѣ, слишкомъ юной, чтобы заниматься идеями. Были немногія исключенія изъ этого, впрочемъ, естественнаго хода вещей, и Державинъ составляетъ блистательнѣйшее изъ нихъ. Правда, и онъ не вполне избѣжалъ вліянія времени: господствовавшія понятія школы нерѣдко опутывали и его смѣлый геній, и у него встрѣчается риторическое убранство рѣчи и т. п. Но вспомните, съ какими многоразличными препятствіями суждено было сражаться Державину, и не укоряйте его, что онъ не изъ всѣхъ вышелъ побѣдителемъ: онъ торжествовалъ надъ сильнѣйшими. Онъ превозмогъ свою эпоху въ такой битвѣ, которая была страшнѣе школъ и теорій: онъ превозмогъ въ этой битвѣ духъ общества, полувраждебный всякой умственной заслугѣ, полуготовый для наптіи Искусства.

«И это общество однакожь было живою силою, въ которой надлежало искать стихій для своей мысли, чтобы она не была пустою игрою отвлеченностей; надлежало возвышенные интересы разума и эстетическаго чувства связать съ его нуждами, чтобы они сдѣлались и плодоносящими и существенными. На какихъ же точкахъ опоры утвердился нашъ Поэтъ, чтобы вступить въ соприкосновеніе съ дѣйствительностію своей эпохи?

«Поэты, современные Екатеринѣ II, называли царствованіе ея, на своемъ фигуральномъ нарѣчіи, вѣкомъ Астрей. Съ Екатериною II Россія увидѣла разцвѣтающую зарю дня, обѣщаннаго ей Петромъ Великимъ, — первые лучи образованности всеоживляющей, вносящей во все законы, порядокъ, уваженіе къ человѣческому достоинству, — и начала вѣрить въ ея блага. Въ правительственной системѣ Государыни она увидѣла вдругъ и довѣренность къ себѣ и уваженіе, и любовь, и прощеніе невольныхъ грѣховъ своего умственного бездѣйствія вмѣстѣ съ признаніемъ своихъ истинныхъ, ничѣмъ не омрачаемыхъ достоинствъ. Общество свободно начало раскрываться къ принятію ощущеній, какія приносятъ съ собою успѣхи разума; въ мысли приучались находить цѣну, лично ей принадлежащую, безъ размѣна на житейскія нужды; начинали чувствовать потребность Науки, лучшихъ понятій о взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Въ то же время царственный геній Императрицы извнѣ окружалъ Россію блескомъ и величіемъ. Оружіе Ея торжествовало надъ врагами, идеи были чтимы въ совѣтахъ Царей. Подвиги избранныхъ Ею вождей и людей Государственныхъ отличались какими-то особенно величественными видами, и ихъ характеры, при всей роскоши и утонченности вѣка, носили на себѣ черты мужественной силы и глубокомыслія. Народъ славу эпохи считалъ своимъ достояніемъ, былъ проникнутъ восторгомъ и вѣрилъ счастію. Среди такихъ-

то обстоятельство общества, Державинъ явился съ лирою, и, по своей величавой природѣ, тотчасъ пришелъ въ сочувствіе съ тремя великими двигателями своего времени: съ стремленіемъ къ идеямъ человѣческимъ, съ юношески-разцвѣтающею славою своего Отечества, и духомъ Екатерины II. Отсюда-то происходитъ содержаніе его піесъ: вездѣ вы встрѣтитесь въ нихъ или съ общими раціональными задачами общества, или съ глубокими чувствами патріотически настроеннаго сердца, или съ благоговѣйнымъ восторгомъ къ Императрицѣ, къ которой онъ сверхъ того былъ привязанъ лично узами благодарности». Слѣдуетъ подробный разборъ нѣсколькихъ стихотвореній, въ которыхъ полнѣе выразились означенныя направленія. Переходимъ къ сатирическому направленію Державина.

«Державинъ, исполненный теплой вѣры во все великое человѣчества и Россіи, не могъ быть равнодушнымъ при видѣ грубыхъ сценъ, которыя разыгрывалъ порокъ предъ самыми, такъ-сказать, глазами образованности. Онъ ополчился грозною сатирою, которая, какъ карающая молнія, упала на общество съ тѣхъ же высотъ, откуда летѣло къ нему животворное дыханіе весны. Къ чему сатира? говорятъ многіе. Кого исправить она? Развѣ слова изгоняютъ порокъ?... Но что было бы съ обществомъ, въ которомъ зло, избѣгающее закона, не встрѣчало бы противодѣйствія и обузданія въ этой страшной управѣ идей, которая преслѣдуетъ его повсюду, въ самыхъ глубокихъ изгибахъ сердца, на самыхъ темныхъ путяхъ общественнаго быта? Не въ правѣ ли оно было бы подумать, что его уполномочиваютъ на новыя и горшія козни? А юныя постыдныя пошлостенія, готовыя къ пороку, но еще не твердыя въ немъ?... Не должны ли они впасть, какъ бичъ неумолимой Немезиды, поражающей губителей общественныхъ нравовъ? Последніе много выиграютъ уже, если у страстей отнимется

половина ихъ рѣшимости. Да и какъ представить себѣ благоустроенное общество, гдѣ истина, доблесть, все благородное, имѣли бы друзей столь робкихъ и хилыхъ, что они не осмѣливались бы выйти на честный бой съ ихъ врагами? И возможно ли, чтобы Искусство дѣятельное, полное производительнаго могущества, столь властительное надъ умами, — возможно ли, чтобы оно довольствовалось какими-то умозрительными результатами и оставалось безмолвнымъ, когда порокъ нагло похищаетъ у него его родовое достояніе — сердце человѣческое? Всякая эпоха страждетъ своими нравственными недугами; но, къ чести человѣчества, среди ея же вырабатываются цѣлительныя силы, ослабляющія дѣйствіе зла. Общество должно быть благодарно сатирѣ: она спасаетъ честь его предъ потомствомъ, свидѣтельствуя о его благородномъ негодованіи противъ нравственныхъ безпорядковъ; она содѣйствуетъ спасительной силѣ закона, бросая свои стрѣлы туда, куда законъ не въ состояніи проникнуть; она особенно нужна для этой фальшивой образованности, которая, спрятавъ свое невѣжество и свои грубыя или мелкія страсти подъ благовидныя формы и слова, ходитъ въ свѣтѣ съ непринужденною самоувѣренностью и добивается всего, что принадлежитъ истинной образованности ума и сердца. Мы должны быть благодарны безсмертному Державину, который, оказывая обществу услугу въ его высшихъ требованіяхъ, не оставилъ безъ удовлетворенія и другой насущной его нужды — нужды въ мужественномъ голосѣ противъ современныхъ пороковъ. Этимъ онъ довершилъ свой союзъ съ обществомъ, и такимъ образомъ развилъ въ себѣ вполнѣ элементъ Поэзіи истины и вещей, Поэзіи дѣйствительности. Сатирическое направленіе Державина проглядываетъ въ разныхъ его стихотвореніяхъ, но преимущественно выразилось оно въ «Вельможѣ» и одахъ: «На счастье» и «Къ Фелицѣ». Сатиры эти однѣ достаточны

къ тому, чтобы доказать самобытность его мощнаго таланта. Форма, образы, краски принадлежатъ исключительно ему, точно такъ, какъ содержаніе сатиръ, то есть, нравы, принадлежатъ его вѣку. Онъ даже не увлекался никакою теоріей, напротивъ, съ геніальною смѣлостію отвергъ ее, особенно въ «Фелицѣ», гдѣ, вопреки господствовавшимъ понятіямъ объ Одѣ, онъ смѣшалъ высокое съ комическимъ, какъ Шекспиръ смѣшалъ ихъ въ своихъ трагедіяхъ. Направленіе его сатиръ также оригинально. Этотъ мощный духъ, обнимавшій жизнь только въ огромныхъ размѣрахъ, ихъ же примѣнялъ и къ различнымъ ея явленіямъ, свѣтлымъ и темнымъ. Что ему въ мелкихъ повседневныхъ сплетняхъ страстей, въ которыхъ запутываются люди столь мелкіе, что ихъ ничтожество можетъ въ одно время служить имъ и извиненіемъ и казнію? Онъ выходитъ на бой съ порокомъ могучимъ, осыпаннымъ дарами Фортуны, способнымъ приводить въ смятеніе нравственный порядокъ. Онъ долженъ напасть на злоупотребленіе силъ, предназначенныхъ благотворить и распространять на землѣ владычество добра и разума, на безумную гордыню, презирающую все, что ознаменовано преимуществами и самобытностію мысли. Онъ призываетъ къ суду разума и нравственнаго чувства этотъ эгоизмъ гнилаго сибаритства, который въ успѣхахъ образованности видитъ только новые способы проматывать свои доходы и въ апатическомъ равнодушіи дремлетъ при кликахъ самыхъ громкихъ вопросовъ современности».

Говоря о художественной сторонѣ стихотвореній Державина, Г. Никитенко показываетъ различіе между Лирикой и другими родами Поэзіи. Это различіе указано весьма отчетливо. «Разница между Лирикомъ и Поэтами Эпическимъ и Драматическимъ состоитъ въ томъ, что послѣдніе, изображая понятый ими міръ, ничего не даютъ знать о лицѣ, ихъ появившемъ, объ участіи, которое

онъ принимаетъ въ нихъ; между тѣмъ Поэтъ Лирическій не скрываетъ своихъ отношеній къ предметамъ; онъ живетъ, по видимому, весь въ нихъ, и хочетъ не того, чтобы вы занялись его особою, а чтобы стали съ нимъ на одну точку зрѣнія, съ которой, онъ увѣренъ, вы должны увидѣть много прекраснаго и занимательнаго. Тутъ, если хотите, личность, но личность, оказывающая вамъ услуги, требующая вашего сочувствія по единству вашихъ и его интересовъ, по общимъ узамъ родства, которыми разумъ соединяетъ всѣ мыслящія единства въ одно великое цѣлое. Поэтъ Эпическій и Драматическій воздвигаетъ образы самостоятельныя, дѣйствующія свободно по собственнымъ нравственнымъ началамъ; Лирикъ представляетъ вамъ также образы въ полныхъ рисункахъ, или только въ намекахъ, очеркахъ, силуэтахъ, предполагая, что вы уже знакомы съ ними, и что вамъ нужно уловить однѣ интереснѣйшія, можетъ быть, еще вами не замѣченныя черты; но такъ какъ эти образы неразлучны съ воззрѣніемъ, которое на нихъ указываетъ, то они не самостоятельны, подчинены внѣшнему притяженію, и потому они не развиваютъ своихъ силъ, не представляются въ разныхъ положеніяхъ. Лирическое созданіе заключаетъ въ себѣ только моменты явленій, а не цѣль ихъ, прагматически связанную; оно кратко, потому что не лѣзя же приковать васъ къ одному пункту, съ котораго смотритъ на предметъ Художникъ, да онъ и самъ не можетъ остаться на немъ долго и выдержать приливъ однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, тѣмъ болѣе, что душа его доступна только впечатлѣніямъ сильнымъ. Державинъ и въ этомъ смыслѣ Поэтъ съ великимъ дарованіемъ. Онъ увлеченъ, проникнутъ весь предметомъ, его воодушевлявшимъ; но онъ не пересказываетъ своихъ впечатлѣній, заставляя васъ вѣрить на-слово; онъ представляетъ вамъ образы, сложенные изъ замѣчательнѣйшихъ сторонъ и моментовъ; чувство-

ваніе же изливается изъ полноты его сердца, только какъ сила, имъ движущая, и какъ духъ жизни, оживлявшій образы», и пр.

IX. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Исторія Русской Литературы пріобрѣла слѣдующія статьи: *Очеркъ библіографическихъ трудовъ въ Россіи*, В. Ундольскаго (Москв. № 2); *Николай Михайловичъ Карамзинъ*. Статья первая. М. Погодина (ibid. № 3); *Библіографическія разысканія, по поводу выхода «Описанія Библіотеки Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ»*, составленнаго П. М. Строевымъ, В. Ундольскаго (ibid.); А. И. Тургеневъ, Б. Ф. (Илл. № 2); *Отрывки изъ рукописи: Русская Библіотека, Словарь Русскихъ Писателей*, Сергѣя Полтарацкаго (Сѣв. Пч. № 19, 24, 31, 34, 35, 44, 45 и Иллюстр. № 9, 10, 12); *Цыиновъ* (Сѣв. Пч. № 61); *Отрывки изъ моихъ записокъ объ И. А. Крыловъ*, И. П. Быстрова (ibid. № 62, 64); *Георгій Конисскій, Архіепископъ Бѣлорусскій*. Изъ Полт. Губ. Вѣд. (Русс. Инв. № 4).

По Всеобщей Исторіи Литературы мы встрѣтили статьи: *Миѳъ Кришны* (Москв. № 1); *Сэръ Томасъ Муръ* (От. Зап. № 1); *Бенжаменъ Констанъ* (ibid. № 2); *Герцогъ де-Ривасъ* (ibid. № 3); *Послѣднія минуты Шиллера* (Сѣв. Пч. № 32); *Графъ Платенъ* (Рус. Инв. № 50); *Вольтеръ и Руссо* (ibid. № 71).

Статья Г. Погодина о Н. М. Карамзинѣ содержитъ извѣстія о его дѣтствѣ, воспитаніи и первыхъ литературныхъ опытахъ.

— «Очеркъ библіографическихъ трудовъ въ Россіи».
— Имя Автора этой статьи, Г. Ундольскаго, недавно стало появляться въ Литературѣ, и всегда подъ статьями серьезнаго содержанія, которыя, очевидно, были плодомъ

тщательнаго изученія. Въ настоящей статьѣ Авторъ, исчисляя труды нашихъ Библіографовъ, дѣлаетъ доступными пособія къ изученію нашей древней Литературы, и слѣдовательно облегчаетъ доступъ къ самой Литературѣ. Труды по части Библіографіи начались уже съ давняго времени: первый каталогъ составленъ по случаю собранія рукописей для исправленія Богослужебныхъ книгъ въ 1653 году. Съ тѣхъ поръ идетъ рядъ каталоговъ и описаній общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, и т. п. Труды эти отчасти хранятся въ рукописяхъ, но большею частію напечатаны, и не смотря на то они, въ общемъ итогѣ, извѣстны только исключительнымъ любителямъ этого рода занятій, такъ что желающій ознакомиться съ нашею старопечатною и рукописною Литературою едва ли отыщетъ необходимыя, хотя и готовыя пособія въ нынѣшней Литературѣ, безъ личной помощи опытнаго руководителя. Статья Г. Ундольскаго, какъ указатель указателей, каталогъ каталоговъ, даетъ каждому ключъ къ литературнымъ сокровищамъ нашей старины; ею долженъ запастись всякій при первомъ шагѣ къ знакомству съ древней Литературой, и Авторъ поступилъ весьма хорошо, отпечатавъ свою статью отдѣльною брошюрою. Другая статья того же Автора знакомитъ читателей съ Библіотекою Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и обогащаетъ при этомъ извѣстія «Описанія», составленнаго П. М. Строевымъ, собственными изысканіями Автора.

— «Отрывки изъ моихъ записокъ объ И. А. Крыловѣ». — Авторъ сообщаетъ свѣдѣніе объ изданіяхъ Басней И. А. и изображаетъ нѣкоторыя черты его характера. Достойно замѣчанія слѣдующее качество нашего Баснописца. «Иванъ Андреевичъ, какъ и всякій великій геній, былъ необыкновенно скромный. Въ 39 номерѣ Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду на 1837 годъ, на стр. 377, въ повѣсти, подъ названіемъ:

Преобразование, рассказанъ былъ весьма любопытный анекдотъ изъ незабвенной эпохи 1812 года. Вотъ онъ: «Наполеонъ, послѣ Бородинскаго отпора, пошелъ ощупью верстъ по 15-ти въ сутки, и какъ бы ожидалъ другой битвы, столь же страшной и гибельной, какъ первая. Наши молодые войны также требовали сей битвы и дерзали укорять великаго Тактика въ старости, нерѣшительности, а иные близорукіе называли ого просто трусомъ». Далѣе Авторъ говоритъ, что «И. А. Крыловъ, живучи въ С. Петербургѣ, проникъ думу Кутузова, и прислалъ ему свою басню: *Волкъ на псарнѣ*. Кутузовъ, зная ропотъ нетерпѣливой молодежи, призвалъ къ себѣ юныхъ героев и прочиталъ имъ басню. Смыслъ басни пояснилъ многимъ то, чего они прежде не понимали, и съ той поры, возложивъ надежду на Бога и опытность сѣдаго ловчаго, наши богатыри выжидали въ Тарутинскомъ лагерѣ перваго сигнала къ битвѣ и побѣдѣ».

«Когда я прочелъ это мѣсто Ивану Андреевичу» — говоритъ Г. Быстровъ — «то онъ нахмурился и сказалъ: »Все это вздоръ... Я не Богъ... Возможно ли, чтобъ я, частный человѣкъ, ни дипломатъ, ни военный, напередъ зналъ, что сдѣлаетъ Кутузовъ? ... Смѣшно... Да и гдѣ Кутузовъ читалъ басню? Не въ Тарутинскомъ же лагерѣ, а послѣ... Скажите, мой милый, въ какомъ нибудь журналѣ, что все это было не такъ»:.. На другой день отнесъ я къ А. О. Воейкову составленныя мною «Примѣчанія къ баснѣ И. А. Крылова: *Волкъ на псарнѣ*», которыя и были напечатаны въ Рус. Инв. (№ 32. 1838)». Въ этихъ примѣчаніяхъ Г. Быстровъ между прочимъ объяснилъ, что И. А. отдалъ свою басню Княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при письмѣ отправила ее къ Свѣтлѣйшему своему супругу. Однажды, послѣ сраженій подъ Краснымъ, объѣхавъ съ трофеями всю армію, Полководецъ нашъ сѣлъ на открытомъ воз-

духъ, посреди приближенныхъ къ нему Генераловъ и многихъ Офицеровъ, вынулъ изъ кармана рукописную басню, и прочелъ ее вслухъ. При словахъ: «Ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдъ», произнесенныхъ имъ съ особенною выразительностію, онъ снялъ фуражку и указалъ на свои сѣдины. Всѣ присутствующіе восхищены были этимъ зрѣлищемъ, и радостныя восклицанія раздались повсюду. «Когда я прочелъ Ивану Андреевичу эту статью» — продолжаетъ Г. Быстровъ — «то онъ сказалъ: «Не мудрено, мой милый, отгадать, когда дѣло сдѣлано. . . . Я не люблю этого. . . . Нынче пишутъ, на-примѣръ, *всемогуцій гений* . . . и тому подобное». . . . Тутъ Иванъ Андреевичъ весьма пріятно улыбнулся и примолвилъ: «Всѣ мудрецами стали. . . . Пожалуй, скоро не достанетъ превосходныхъ степеней въ Русскомъ языкѣ. . . . Всѣ выберемъ для себя: чтожь оставимъ Тому»? . . . При послѣднемъ словѣ Иванъ Андреевичъ устремилъ къ небу взоръ, въ которомъ выражалось чувство живѣйшаго благоговѣнія его къ Божеству». . . .

— «Миѳъ Кришны». — Авторъ приводитъ этотъ Миѳъ по сочиненіямъ первоклассныхъ Германскихъ знатоковъ Санскритской Миѳологіи, — Болева и Роде. Мы уже имѣли случай обратить вниманіе читателей на эту статью въ обзорѣ періодическихъ изданій за послѣднее трехмѣсячіе 1845 года (*).

Х. Изящная Словесность.

Современникъ подарилъ насъ стихотвореніемъ В. А. Жуковского: *Выборъ креста. Изъ Шамиссо* (N° 1). Вотъ его содержаніе. Странникъ, послѣ труднаго пути по гладкимъ скаламъ, въ сонномъ видѣніи предстаетъ

(*) См. Ж. М. Н. Пр. Ч. XLIX, Отд. VI, стр. 203.

предъ лице самого Бога и жалуется Ему на тяжесть своего креста.

«Я знаю (говоритъ онъ): каждый, кто отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ.
Но тяжестью не всѣ кресты равны;
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ. Облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ, а моя душа
Погибнетъ».

Всевышній внимаетъ смиренному, хотя и безразсудному ропоту, и, милосердуя, предлагаетъ страннику всѣ земные кресты на собственный его выборъ.

«И началъ

Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать, и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй».

И что же? онъ принужденъ былъ наконецъ выбрать тотъ же самый крестъ, который онъ несъ доселѣ! . . .

Изъ остальныхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ Современникъ, отмѣтимъ поэтическіе переводы Н. Берга изъ Краледворской рукописи: *Ярославъ* (№ 2) и *Бенешъ Германъ* (№ 3). Въ Москвитинѣ (№ 1) онъ помѣстилъ переведенныя отсюда же: *Ольдрихъ Болеслава* и *Збигонъ*. Переводчикъ удачно передаетъ красоты подлинника. Возьмемъ нѣсколько стиховъ изъ «Ярослава» — лучшей, по нашему мнѣнію, Поэмы изъ вышеозначенныхъ. Послѣ обращенія къ своимъ слушателямъ, Пѣвецъ начинаетъ:

Тамъ, гдѣ правитъ Оломуцъ землями,
Невысокая гора поднялась;
Называютъ гору ту Гоистановъ;
На ея вершинѣ Христіанамъ
Чудеса творила Божья Матерь.

Долго, долго жили мы въ покоѣ;
Было все кругомъ благополучно:
Да поднялась отъ Востока буря;
А поднялась изъ-за дщери Ханской.

Ханъ Кублай собираетъ войско; но передъ походомъ вопрошаетъ чародѣевъ объ успѣхѣ. Чародѣи, посредствомъ гаданія шестами, предсказываютъ Хану побѣду надъ Христіанами.

Христіане ворожбы не знали,
А пошли на басурмановъ просто:
Сколько силы, столько и отваги!
Загремѣла первая тутъ битва!
Задождали стрѣлы, будто ливень;
Трескъ отъ копій, словно рокотъ грома;
Блескъ мечей, что молнія изъ тучи.
Обѣ стороны рубились крѣпко,
И одна другой не уступала.
Вдругъ шатнули Христіане погань,
И совсѣмъ бы смяли сопостатовъ,
Да пришли къ нимъ чародѣи снова
И шесты народу показали. . . .
Христіанъ покинула надежда!
Было горе *всѣхъ* горчѣе *горя*!
Милосердому взмолились Богу,
Чтобы спасъ ихъ отъ Татаръ свирѣпыхъ:
«Господи! возстань въ Своемъ Ты гнѣвѣ!
«Отъ враговъ Ты намъ защитой буди,
«Что совсѣмъ сгубили наши души —
«Рѣжутъ насъ, какъ ярый волкъ овечекъ!»

Изъ оригинальныхъ стихотвореній Москвитянина должно упомянуть: *Съверъ*, М. Дмитріева (N° 1), *Двѣ Московскія элегіи*, его же (N° 2): всѣ три стихотворенія патріотическаго содержанія. Далѣе: *Странникъ*, О. Глявки (N° 1); *Разочарованіе*, ученіе Индійскихъ Бра-

мивовъ, Авд. Глинка (№ 2); *Кавказскій полдень и буря*, Д. Ознобихина (№ 1), и *Дума*, А. Л—ва (№ 3), принадлежатъ также къ лучшимъ стихотвореніямъ обозрѣваемаго періода. Замѣтимъ также *Плѣчь Ярославны*, Н. Берга (№ 2), довольно удачное переложеніе изъ «Слова о Полку Игоревѣ». Тамъ же прочли мы прекрасное стихотвореніе Н. Языкова, написанное въ воспоминаніе заслугъ Карамзина Отечественной Исторіи. Поэтъ въ сжатомъ очеркѣ изображаетъ прошедшую судьбу Россіи, останавливаясь на важнѣйшихъ лицахъ нашей Исторіи.

Изъ поэтическихъ произведеній, по обширности и по предмету, а равно и по искусству изложенія, должно дать преимущество трагедіи Н. Кукольника: *Генералъ-Поручикъ Паткуль*, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (Финск. Вѣстн. № 2). Для сочиненія своего Авторъ обращался къ историческимъ памятникамъ, и основалъ ходъ дѣйствій на дѣйствительныхъ событіяхъ, а языку и обстановкѣ дѣйствій сообщилъ колоритъ изображаемой эпохи. Строгая Критика, можетъ быть, укажетъ нѣкоторыя недостатки; при всемъ томъ трагедія Г. Кукольника, по значительности дѣйствующихъ лицъ и удачнымъ отдѣльнымъ мѣстамъ, читается съ участіемъ.

Въ Отеч. Зап. (№ 1) помѣщена поэма И. Тургенева: *Андрей*, въ двухъ частяхъ. Разсказъ въ ней гораздо замѣчательнѣе содержанія.

Изъ числа прозаическихъ произведеній замѣчательны отрывки изъ романа Г. Кулѣша: *Черная рада*. Авторъ для своего романа прилѣжно изучалъ историческіе источники. Эта положительность не только не мѣшаетъ художественной сторонѣ романа, но возвышаетъ ее. Вѣрный истинѣ и дѣйствительности, Авторъ изображаетъ характеры и жизнь своихъ героевъ, не преувеличивая ни свѣтлой, ни темной ихъ стороны, и не прибѣгая къ ватянутымъ эффектамъ. Одинъ изъ отрывковъ:

Кіевскіе Богомольцы въ XVII столѣтіи (Совр. № 1, 2, 3) представляетъ въ себѣ отдѣльное цѣлое; другой: *Казацкіе Паны* (Москв. № 1) имѣетъ меньшій объемъ. Мы не беремъ излагать содержаніе: потому что это не обнаружило бы достоинствъ романа, которыя здѣсь не въ одномъ общемъ ходѣ происшествій, но и въ подробностяхъ характеровъ дѣйствій и въ другихъ частностяхъ.

Другое замѣчательное явленіе Изыщной Словесности представляютъ двѣ повѣсти Графа В. Соллогуба: *Двѣ минуты* (От. Зап. № 1) и *Княгиня* (ibid. № 3). Нѣтъ нужды говорить о достоинствѣ изложенія, которое мы привыкли видѣть въ сочиненіяхъ Графа Соллогуба; что касается содержанія, то въ немъ видна нравственная цѣль Автора: рассказы о темныхъ событіяхъ свѣтской жизни иногда проникнуты глубокимъ негодованіемъ. Но не лзя не замѣтить, что обѣ эти повѣсти оставляютъ по себѣ тяжелыя впечатлѣнія.

Сцены въ томъ же родѣ, только въ другомъ кругу общества, изображаетъ повѣсть Е. Ковалевскаго: *Любовь и эгоизмъ* (Библ. для Чт. № 2). Это заглавіе показываетъ сущность содержанія повѣсти. Молодой человекъ, съ горячею любовью ко всему доброму и прекрасному, пріѣзжаетъ изъ Провинціи въ Петербургъ, и здѣсь встрѣчаетъ только эгоизмъ и равнодушіе къ добру и злу одинаково. Вскорѣ однакожь — по слабости души — и самъ онъ дѣлается, подобно окружающимъ его, эгоистомъ, и губитъ своею холодностью дѣвушку, которой прежде успѣлъ внушить страсть. Смерть ея и заслуженное презрѣніе, высказанное ею въ послѣднія минуты жизни, на-вѣки обременяютъ совѣсть эгоиста. Разсказъ идетъ легко и интересъ повѣсти поддерживается до конца. Въ Библ. для Чт. (№ 3) помѣщено окончаніе романа того же Автора: *Петербургъ днемъ и ночью*.

Исчисливъ и другія произведенія Изыщной Словесности, между которыми однакожь не всѣ соотвѣт-

ствуютъ этому отдѣлу, требующему изящества въ содержаніи и формѣ. Лучшія изъ нихъ: *Странный, жалкій и смѣшной случай*, рассказъ Г. (Москв. № 2); *Встрѣча на Невскомъ проспектъ*, А. Вилламова (Финск. Вѣстн. № 1); *Безсрочный*, Основьявенка (ibid.); *Спекуляторъ*, физиологическій очеркъ, О. Д. (ibid.); *Чухонцы въ Питеръ*, В. Луганскаго (ibid. № 2); *Сваха*, А. Вилламова (ibid.) и проч. Статья В. Луганскаго представляетъ въ себѣ болѣе вѣрную характеристику или копію дѣйствительности, нежели свободное созданіе воображенія.

Что касается повѣсти Г. Достоевскаго: *Двойникъ* (От. Зап. № 2), то желали бы мы не встрѣчать болѣе подобныхъ злоупотребленій таланта и трудовъ. Не лѣзя видѣть безъ удивленія, какъ въ этой повѣсти разговоръ дѣйствующихъ лицъ зашелъ за всѣ границы приличія, и обратился въ какую-то смѣсь ругательствъ, нетерпимыхъ для круга образованныхъ читателей.

Укажемъ наконецъ на нѣкоторыя изъ произведеній иностранной Словесности, помѣщенныхъ въ нашихъ журналахъ. Въ Москвитянинѣ: *Изабелла Орсини*, *Графиня ди-Браччiano*, рассказъ Ф. Д. Гверацци, пер. съ Итал. М. Лиховина (№ 1, 2, 3); въ Библ. для Чт.: *Графъ Монте-Кристо*, романъ Александра Дюма. Части V, VI, VII (№ 1), 2, 3); въ Отеч. Зап.: *Графиня Монсоро*, романъ въ пяти частяхъ, Алекс. Дюма (№ 1—3); *Карменъ*, рассказъ Проспера Мериме (№ 1), и проч.

Къ отдѣлу же Русской Изящной Словесности можетъ быть отнесена и статья М. П. Погодина: *Къ юношѣ* (Москв. № 2). Въ видѣ совѣтовъ или напутствія молодому человѣку, вступающему въ жизнь съ искреннимъ желаніемъ служить «Отечеству, людямъ и Наукѣ», Авторъ изображаетъ тѣ неизбѣжныя огорченія, какія готовитъ ему человѣческій эгоизмъ, шарлатанство, рав-

нодушіе, зависть и пр. Эти совѣты дышатъ теплотою чувства и искренностью мыслей, основанныхъ на опытности. Правда, что отзывы о людяхъ исполнены негодованія; но за то Авторъ старается поддержать въ душѣ юноши чистое воодушевленіе къ его призванію и предохранить ее отъ вреднаго вліянія неудачъ и огорченій, до тѣхъ поръ, пока опыты жизни, Наука и Вѣра не поставятъ молодаго человѣка выше всѣхъ сомнѣній и разочарованій. Основаніе этого спокойствія и примиренія, какъ мы сей часъ сказали, есть Вѣра и Наука — истина общезвѣстная; но здѣсь замѣчательно то, что она есть выводъ опытовъ и размышленій цѣлой жизни человѣка, и высказывается, какъ завѣщаніе его младшему поколѣнію, которому предстоитъ тотъ же путь развитія.

«Соберись съ силами, обрати взоръ твой на небо, помолись» — говоритъ достопочтенный Авторъ молодому человѣку, приближающемуся къ порѣ «примиренія». — «И если ты» — продолжаетъ онъ — «носишь истинную любовь въ своемъ сердцѣ, любовь Христіанскую, если ты не обманывалъ себя, какъ не обманывалъ другихъ, то вѣрно получишь помощь свыше. Ты возстанешь уже совлекшійся ветхаго человѣка, обновленный, освященный; возстанешь и поднимаешься на ту высоту, гдѣ не слышатся земные вопли, даже самые громкіе, куда не досягаютъ самыя летучія стрѣлы, гдѣ царствуетъ ничѣмъ невозмутимое спокойствіе. Тамъ просвѣтитъ взоръ твой! Какой порядокъ и чинъ увидишь ты въ прежнемъ замѣшательствѣ!.... Съ какимъ райскимъ наслажденіемъ постигнешь ты Божественное выраженіе, что *все на свѣтъ благо!*.... Какое высокое зрѣлище представитъ тебѣ Исторія, гдѣ встрѣтишь ты не людей, а человечество, идущее неукоснительно, вопреки всѣмъ ихъ предположеніямъ, замысламъ, помѣхамъ и сопротивленіямъ, по своему прямому пути, начертанному Верховною Десницею! Сколь ничтожными представятся тебѣ всѣ люд-

скіе гордые помыслы, и какъ ясно выразишь ты великую истину, что всякое мѣсто, гдѣ бы кто ни стоялъ, есть центръ круга безконечнаго, и имѣетъ вліяніе столь же неограниченное; что иная мысль, чувство, желаніе, молитва, во глубинѣ души (кажется намъ) остающаяся, можетъ быть сильнѣе, дѣйствительнѣе въ общей экономіи человѣчества, чѣмъ кровопролитная битва, союзъ многихъ Царствъ, миллионное предпріятіе; что оно, можетъ быть, принадлежитъ къ тѣмъ невидимымъ подпорамъ, на коихъ держится или поддерживается міръ, по слову Евангелія, вѣщающаго, что даже въ послѣдніе дни скорбь велика, какая не была отъ начала міра, прекратится только избранныхъ ради.

«Тогда въ другомъ свѣтѣ увидишь ты, разумѣется, и собственную жизнь, произнесешь иной приговоръ всѣмъ ея происшествіямъ; примиришься со всѣми людьми, объясняя противныя ихъ дѣйствія недоразумѣніями, обстоятельствами, твоими собственными винами, внушеніями злаго духа; сознаешься, что, можетъ быть, и отъ тебя страдали многіе, какъ ты страдалъ отъ многихъ; тогда благословишь ты враговъ твоихъ, которые были величайшими твоими благодѣтелями, которые не допустили заглухнуть твоимъ способностямъ, не дали остыть душѣ твоей, поддерживая небесный огонь ея, и содѣйствовали болѣе всѣхъ друзей ея освященію, служа невольными орудіями Провидѣнія. Съ какимъ чувствомъ будешь ты просить у нихъ прощенія! Какое значеніе получить въ глазахъ твоихъ эта бѣдная земная жизнь, какъ служба, какъ приуготовленіе, къ другому, высшему состоянію! Какой священный, великій характеръ приметъ въ глазахъ твоихъ несчастіе, которое не допустило тебя забыть, возгордиться, развратиться, приковаться къ землѣ и ея похотямъ, которое указало тебѣ путь на небо. . . . О, блаженъ, блаженъ, если ты поднимаешься на эту высоту, пробудешь тамъ хоть одну минуту, и, сложивъ руки

крестомъ, передъ своею кончиною успѣшь воскликнуть:
Отче! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!»

ХІ. Свободныя Художества.

Этотъ отдѣлъ пріобрѣлъ слѣдующія статьи: *Взглядъ на драматическую музыку въ Италіи*, В. Кажинскаго (Биб. для Чт. N° 2); *Бельведеръ. Изъ Путевыхъ Записокъ* А. Нестроева (От. Зап. N° 3); *Палестрина*, В. Кажинскаго (Иллюстр. N° 10); *Миньонъ* (ibid. N° 9); *Мысли, замѣчанія и правила, относящіяся къ Изящнымъ Искусствамъ*, статья Ж. Жубера (Сѣв. Пч. N° 44).

— «Палестрина». — Статья эта начинается характеристикой нынѣшняго направленія Музыки въ противоположность ея характеру, созданному Палестриной. «Гдѣ эти прекрасныя, чудесныя, баснословныя времена» — восклицаетъ Авторъ — «когда музыкальная Италія предписывала законы цѣлому свѣту? Гдѣ тѣ времена, когда Италіанская школа имѣла такихъ представителей, какъ отецъ Мартини, Скарлатти, Аллегри Палестрина, Перголезе, Марчелло, Дуранте? Творенія этихъ великихъ композиторовъ отличались чистою возвышенностію духа и почти непостижимою въ настоящее время простотою. Псалмы Марчелло, Stabat Mater Перголеза, Miserere Аллегри, Плачъ Іереміи Дуранте, останутся безсмертными и превосходными памятниками церковной музыки. Въ тѣ времена поутру и вечеромъ церкви были наполнены людьми высшаго общества, духъ общественный исключительно былъ направленъ къ чувствамъ религіознымъ; чистый энтузіазмъ оживлялъ общество: Поэтъ, Живописецъ, Музыкантъ черпали въ немъ возвышенное вдохновеніе! Скамьи церквей были всегда наполнены цвѣтомъ общества. Композиторъ имѣлъ передъ собою столько сердецъ — образованныхъ, понимающихъ его! Подъ вліяніемъ этого сочувствія рождались мысли воз-

вышennыя, важныя, религіозныя, образовались музыкальныя созданія для Литургій, вечерень, молебновъ (Te Deum), гимны, литаніи, — величественныя, очаровательныя, достойныя своего высокаго предмета! Отъ ослабленія религіознаго энтузіазма палъ и творческій духъ въ церковной музыкѣ Италіи. Важный стиль церковной музыки мало-по-малу сталъ портиться, Композиторы не имѣли рѣшимости, довольно твердости, чтобы сочинять независимо отъ требованій слушателей, пресыщенныхъ, утомленныхъ важностію и возвышенностію церковнаго стиля; уже никого не было, кто желалъ бы, кто умѣлъ бы оцѣнить и поддержать энтузіазмъ Артиста! . . И вскорѣ не стало никого, кто могъ бы поддержать творчество на прежней степени! Стиль церковный мало-по-малу началъ подвергаться духу и формамъ драматическимъ . . . сохранялся еще нѣкоторое время . . . но въ началѣ XIX столѣтія пришелъ къ столь печальному и плачевному состоянію, что часто можно было слушать во время Литургіи даже отрывки оперъ, имѣвшихъ нѣкоторый современный успѣхъ, вмѣсто Credo или Agnus Dei. При такомъ направленіи, церковная музыка неминуемо должна пасть — и пала. Имѣя свой источникъ только во вдохновеніи, только въ глубокомъ религіозномъ чувствѣ, она не могла удержаться во время умственнаго разврата, когда всякое чувство Поэзіи изгладилось, а мѣсто его заступила страсть къ денежнымъ спекуляціямъ, обратившимъ самое Искусство въ паровую фабрику».

Джіованни Піетро де Палестрина родился въ 1529 году, въ Палестринѣ (Prenesto), въ небольшомъ мѣстечкѣ Папскихъ Владѣній. По мнѣнію Автора статьи, онъ долженъ быть почитаемъ отцемъ церковной Италіанской музыки. До него не знали того высокаго стиля, полнаго силы и простоты, который находимъ мы въ твореніяхъ Палестрины и его послѣдователей.

Во второй половинѣ XVI столѣтія церковные Композиторы и контрапунктисты думали только о Фугахъ, канонахъ и разныхъ мудреныхъ формахъ Музыки, и потому часто забывали настоящее значеніе словъ и мыслей, для которыхъ сочиняли музыку, и жертвовали всѣмъ для новыхъ гармоническихъ соображеній. Папа Марцелль II, замѣтивъ эти злоупотребленія, которыя могли бы со временемъ прекрасный стиль церковной музыки довести къ паденію, рѣшился воздержать ошибочное направленіе, и издалъ постановленіе, коимъ предписывалось вовсе не употреблять въ церквахъ ученой музыки. Палестрина, которому тогда было двадцать восемь лѣтъ, воспламененный любовью къ своему Искусству, рѣшился явиться къ Папѣ и со слезами умолялъ его отмѣнить строгое запрещеніе; онъ просилъ выслушать музыку для обѣдни, которую недавно написалъ, увѣряя, что стиль музыки вполне соотвѣтствуетъ высокой ея цѣли. Папа милостиво согласился на предложеніе молодого человѣка, и обрадованный Композиторъ поднесъ свою партитуру Святѣйшему Отцу. Она была написана на шесть голосовъ. Марцелль II, какъ и большая часть Духовныхъ особъ того времени, бывъ хорошимъ знатокомъ Музыки, невольно обратилъ особенное вниманіе на первую страницу партитуры . . . руки его задрожали . . . слеза увлажила рѣсницы: «Кто ты юноша!» спросилъ онъ, взглянувъ сурово на сочинителя. — «Бѣдный музыкантъ изъ Палестрины», отвѣчалъ боязливо послѣдній. «Во-истинну!» воскликнулъ Папа, пробѣгая другой листъ: «ты великій человѣкъ!» . . . Сочиненія Палестрины частію напечатаны, частію находятся въ рукописяхъ. Авторъ исчисляетъ тѣ и другія.

ХП. ВОЕННЫЯ НАУКИ.

Въ Военномъ Журналѣ помѣщены статьи: *Походы Суворова въ Итали и Швейцаріи*, Подполковника Богдановича (N° 1, 2); *Критическое изслѣдованіе значенія Военной Географіи и Военной Статистики*, Подполковника Милютина (N° 1); *О военномъ Искусствѣ и завоеваніяхъ Монголовъ*, Генеральнаго Штаба Подполковника Иванова (N° 2); *Искусство плаванія въ военномъ отношеніи* (ibid.). Въ отд. Библіографіи того же журнала разсмотрѣны иностранныя сочиненія: *Подробный Военный Словарь* К. А. Лёра, *Война Французовъ въ Алжирѣ*, О. Л. Б. Вольфа, *Швеція въ правленіе Карла XIV Іоанна*, соч. Фр. Шмидта (N° 1); *Сущность военныхъ учрежденій*, соч. Маршала Мармона; *Жизнь Фельдмаршала Графа Шверина*, соч. Фарнгагена фонъ-Энзе (N° 2).

Въ N° 1 Инженерныхъ Записокъ явились статьи: *Вооруженіе Данцигскихъ укрѣпленій во время зимы 1806—1807*; *Различные способы отопливанія строеній*; *О постройкахъ на торфяномъ или болотистомъ грунтѣ значительной глубины*; *Краткое изложеніе извѣстнѣйшихъ теорій горняго пороха*.

— Въ другихъ журналахъ къ этому отдѣлу принадлежатъ статьи: *Очеркъ главнѣйшихъ военныхъ соображеній съ краткимъ военно-географическимъ очеркомъ Западныхъ границъ Россіи и въ особенности Финляндіи*, А. Н. Анненскаго (Финск. Вѣстн. N° 1, 2); *Одно изъ дѣлъ Генералъ-Майора Пассека. Дѣло при Гилли 3 Іюня 1844*, А. Вранкина (Кавк. N° 5); *Русскій Контръ-Адмиралъ Госслеръ* (Сѣв. Пч. N° 9); *Генералъ-Аншефъ И. И. Дмитріевъ-Мамоновъ* (ibid. N° 32); *Жалобы и утѣшеніе Офицеровъ, не бывавшихъ на войнѣ* (Русск.

Ивв. N° 22); *Военное состояніе въ Великобританіи* (ibid. N° 63, 64, 68, 69).

— «Критическое изслѣдованіе Военной Географіи и Военной Статистики». — Дѣло идетъ объ основаніи Науки новой, которой содержаніе и границы опредѣлены весьма недостаточно. Авторъ пересматриваетъ важнѣйшія по своему предмету сочиненія, между прочимъ Генерала Жомини, Полковника Языкова, Генерала Ллойда, Эрцгерцога Карла, Наполеона, и находитъ, что «всѣ сочиненія, до сего времени выходившія въ Германіи подъ названіемъ Военной Географіи, суть сборники фактическихъ свѣдѣній, полезные или только для справокъ или для элементарнаго преподаванія Общей Географіи, въ примѣненіи къ военнымъ школамъ, и что ни одинъ изъ Писателей, старавшихся придать Военной Географіи вѣкоторое значеніе спеціальное и самостоятельное, не достигъ этой цѣли въ самомъ выполненіи». Изъ примѣра до сихъ поръ вышедшихъ сочиненій Автора заключаетъ даже, что, при стратегическихъ изслѣдованіяхъ театра войны, не возможно ограничиваться одними географическими данными, и слѣд. Военная Географія не возможна, какъ отдѣльная Наука. Если же въ изслѣдованіе мѣстныхъ данныхъ въ стратегическомъ отношеніи должны входить и другія соображенія, какъ то: изслѣдованіе средствъ и способовъ къ веденію войны, выгоды и невыгоды не только географическаго, но и этнографическаго и политическаго положенія, то такому роду изученія приличнѣе дать названіе Военной Статистики. Чтобы опредѣлить въ этой Наукѣ мѣсто и значеніе стратегическаго изслѣдованія страны, Авторъ входитъ въ подробное изслѣдованіе отношенія между Географіей и Статистикой: потому что и отношенія между Военною Географіей и Военною Статистикой должны быть тѣ же самыя. Военная Статистика, какъ и Статистика вообще, имѣетъ предметомъ изслѣдованія

тѣ же самыя основныя силы или элементы Государства, а именно: 1) страну, 2) народонаселеніе и 3) государственное устройство и постановленія. Разница только въ цѣляхъ и способахъ изслѣдованія: Военная Статистика должна разсматривать эти элементы въ отношеніи къ военному могуществу Государства или къ успѣшному веденію войны. Точнѣе опредѣляетъ Авторъ составъ Военной Статистики тремя отдѣленіями: I. Вступленіе должно заключать въ себѣ общее обозрѣніе цѣлаго Государства въ военномъ отношеніи, то есть, разсмотрѣніе общихъ основныхъ силъ его или такъ-называемыхъ элементовъ съ военной точки зрѣнія и въ той степени, въ какой они могутъ имѣть вліяніе на военную силу Государства. II. Собственно изслѣдованіе вооруженныхъ силъ, сухопутныхъ и морскихъ, равно какъ и всѣхъ способовъ къ устроенію ихъ, снабженію, содержанію и приготовленію къ военному времени. III. Частное изслѣдованіе стратегическаго положенія Государства по театрамъ войны противъ той или другой Державы, съ различными, болѣе вѣроподобными цѣлями и обстоятельствами. Въ первомъ отдѣленіи необходимо начать съ общаго взгляда на политическую судьбу Государства, на постепенное его развитіе и настоящее положеніе въ общей политической системѣ Государствъ; за тѣмъ перейти къ вопросу: соотвѣтствуютъ ли его политическому положенію тѣ основныя силы, которыя опредѣляютъ военныя средства Государства, а именно: а) Страна или территорія должна быть разсматриваема по своему пространству, по географическому положенію и общимъ топографическимъ свойствамъ. Очертаніе границъ къ цѣлой массѣ владѣній, такъ же какъ и къ сосѣднимъ Государствамъ, весьма важно въ военныхъ соображеніяхъ. Иное Государство растянута на большое протяженіе, или разбросано отдѣльными частями; другое округлено и составляетъ сплошную массу; одно принуждено

имѣть для обороны сравнительно гораздо болѣе войскъ, чѣмъ другое; одно обращаетъ главное вниманіе на сухопутныя войска, другое — на флотъ; одно имѣетъ болѣе пѣхоты, стрѣлковъ, другое усиливаетъ преимущественно кавалерію и т. д. Производительность почвы, климатъ и другія свойства мѣстности опредѣляютъ общественныя средства Государства къ снабженію и содержанію арміи и флота, указываютъ систему расположенія войскъ въ мирное время и проч. Наконецъ сообщенія водяныя и сухопутныя, искусственныя и естественныя, имѣютъ вліяніе на общія административныя соображенія, облегчая или затрудняя перевозку запасовъ военныхъ и продовольственныхъ, передвиженіе самыхъ войскъ какъ въ мирное время, такъ и предъ началомъ военныхъ дѣйствій. б) Народонаселеніе: численность его, степень благосостоянія матеріальнаго, положеніе моральное, опредѣляютъ не только численность вооруженныхъ силъ, но и существенныя ихъ свойства, а также указываютъ, въ какой степени, въ случаѣ войны, Правительство можетъ полагаться на содѣйствіе народа и на благонадежность самыхъ войскъ. в) Государственное устройство, постановленія и финансы, отношеніе Правительства къ народу и всего Государства къ другимъ Державамъ, имѣютъ чрезвычайно важное вліяніе на военную систему, на самый ходъ войны и на военно-административныя мѣры. Въ одномъ Государствѣ можно держать сравнительно болѣе войскъ, чѣмъ въ другомъ; одно Правительство имѣетъ возможность болѣе, чѣмъ другое, принимать необходимыя усиленныя мѣры; въ устройствѣ одного — сильная централизація; въ другомъ части Государства имѣютъ слабую связь: все это непосредственно связано съ военными соображеніями. Во второмъ отдѣленіи, въ разсмотрѣніи военной системы Государства, состава и устройства вооруженныхъ силъ, недостаточно было бы набросать нѣсколько цифръ и данныхъ: необходимо

изслѣдовать выгоды и невыгоды военной системы, сильныя и слабыя стороны; сколько именно и какія войска Государство содержитъ въ мирное время; скоро ли армія можетъ стать на военную ногу; имѣетъ ли Государство въ готовности всѣ вспомогательныя и хозяйственныя средства къ содержанію войскъ и къ веденію войны. Должно обратить вниманіе на состояніе войскъ матеріальное, строевое и нравственное; наконецъ необходимо коснуться состоянія теоріи Военнаго Искусства и господствующихъ идей относительно образа дѣйствій. Въ третьемъ отдѣленіи должны быть изслѣдованы въ статистическомъ отношеніи тѣ части Государства, которыя дѣйствительно могутъ быть театромъ войны. Каждый театръ войны необходимо разбирать особо, сообразно съ относительнымъ географическимъ положеніемъ сосѣднихъ Государствъ. При разграниченіи театровъ войны, должно имѣть въ виду дѣйствительныя отношенія между Государствами, не выходя изъ границъ возможнаго. Напримѣръ, вся Сѣверо-Восточная Россія не можетъ быть предметомъ стратегическаго разбора и не принадлежитъ ни къ какому театру войны; напротивъ того, если разсматривать положеніе Пруссіи противъ Россіи и Австріи, то Силезія войдетъ въ оба театра войны, имѣя однакожь различныя значенія въ томъ и другомъ. Продолжая раскрывать способъ изслѣдованія съ значительными подробностями, Авторъ обѣщаетъ, въ заключеніе, представить нѣкоторые опыты выполненія по начертанному плану, именно — обзорѣніе современнаго положенія замѣчательнѣйшихъ Европейскихъ Государствъ въ военномъ отношеніи. Такого же рода замѣчательное сочиненіе мы имѣемъ въ вышеозначенной статьѣ А. И. Анненкова.